

ВИТРАЖИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№ 3(4) 2016

МОСКВА

УДК 82 (059)
ББК 84 (82Рос=Рус)

ВИТРАЖИ, 2016, №3(4)

Международный литературный альманах

Редколлегия:

**Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ
Эльмара ФАУСТОВА
Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ**

Редакционный совет:

**Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Арон ГААЛ (Венгрия)
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Владимир БРЮХАНОВ (Германия)
Ирина СОТНИКОВА**

Директор издательства «СовЛит»
Марина Юрьевна Чайкина
Адрес электронной почты
daugia-vl@yandex.ru

Телефоны:
+79268503605
+79060618269

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции
Редакция оставляет за собой право на редактирование авторских текстов

Учредитель и издатель:
ООО «Содружество Современных Литераторов»
Адрес сайта в интернете <http://совлит.рф>

*Витраж не фреска, а – окно, искусство его – сквозное,
за ним большой и очень сложный мир,
в котором мы живём.*

Кирилл Ковальджи

ПОКЛОН ФАЗИЛЮ ИСКАНДЕРУ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

МЫ БЫЛИ ОДНОКУРСНИКАМИ

Дорогие наши друзья – читатели!

Вот пришёл черёд следующего выпуска альманаха «ВИТРАЖИ» №3(4). Мы хотим сообщить вам с особым чувством удовлетворённости, что у нас сложился достойный авторский коллектив преданных нам писателей, поэтов, критиков, исследователей литературы. Вы сможете увидеть знакомые вам имена и вернуться к тем из них, чьё творчество привлекло вас в прошлых наших номерах. Но это не значит, что у нас не появляются новые творческие силы, – нет, к нам, конечно, приходят новые, часто молодые, а иногда и опытные авторы. И поэтому наш портфель постоянно обновляется. Надеемся, что это придётся вам всем по вкусу.

Мы не оставляем наше желание слышать живые голоса маститых литераторов нашего времени – мы берём у них интервью. В этом выпуске у нас целый раздел памяти ушедшего от нас Фазиля Искандера – в нём интервью и слова прощания его сокурсников по Литературному институту Кирилла Ковальджи и Леонида Жуховицкого, поэта Евтушенко, а также его ученика, известного абхазского писателя Дениса Чачхалиа.

Мы надеемся, что в новом выпуске «ВИТРАЖЕЙ» вы найдёте именно то, что вам интересно. Здесь хочется вспомнить высказывание Марины Цветаевой: «Чтение есть соучастие в творчестве». Это к тому, чтобы напомнить, что у нас печатаются не только профессиональные литераторы, но и физики и химики, биологи и врачи, поэтому скажем: может быть, среди наших читателей есть скрытые поэты и писатели? Тогда попробуйте раскрыть ваши творческие кладовые и присылайте ваши опыты. Мы будем рады рассмотреть их.

Редакция

Уход Фазиля Искандера – это и моё личное переживание, мы были однокурсниками в Литературном институте в середине прошлого века! Он пришёл к нам как поэт – стихи были энергичные, красочные, но в ту пору стали лидировать шестидесятники, а у Фазиля не было эстрадных склонностей, да и поэзия оказалась не главным его талантом. (Так случилось, что я содействовал выпуску сборника его стихотворений «Путь», который был издан в 1987 году по моему настоянию, я тогда был главным редактором издательства «Московский рабочий»).

Студенты Литинститута: Кирилл Ковальджи - крайний слева, Фазиль Искандер - крайний справа. Из архива К. В. Ковальджи

Он в жизни был не очень общительным, как говорится, «себе на уме», больше вбирал в себя, чем выставлялся. Потому для нас его становление как прозаика – да ещё какого! – прошло почти незаметно, вдруг мы поняли это только в год защиты диплома. Он раньше многих избавился от иллюзий – дал волю своей весёлой, мудрой и беспощадной иронии. Он быстро стал одним из известнейших и любимых писателей. И останется навсегда.

В русскую литературу Фазиль Искандер из Абхазии принёс свои горы и море, краски и запахи, своих предков и родичей, детство и любовь. Короче, силой своего таланта он подключил свой мир к моему, он расширил моё сердце, чтоб оно вместило незнакомый (теперь – благодаря ему – глубоко знакомый!) край. Но Фазиль Искандер подвёл меня к своему витражу не только для того, чтоб налюбоваться своеобразным изобра-

жением, составленным из цветных стёкол. Витраж не фреска, а – окно, искусство его – сквозное, за ним большой и очень сложный мир, в котором мы живём.

* * *

О его творчестве написано, пожалуй, больше, чем он сам написал. Что я могу добавить? Но один рассказ напоминает мне о мужественном его поступке, который касался лично меня. Это рассказ «Запретный плод». Начинается так: «По восточному обычаю в нашем доме никогда не ели свинину... Я мечтал попробовать свинину. Запах жареной свинины доводил почти до обморока...».

Однажды ему и сестрёнке в гостях предложили запретное. Мальчик отказался наотрез, хотя ему очень хотелось, а девочка не выдержала – съела. Вот он и наядбничал...

«Я готовился за обедом рассказать о проступке сестры... Я даже раскрывал рот, но потом говорил что-нибудь другое. Как только я раскрывал рот, она опускала глаза и наклоняла голову, готовясь принять удар. Я чувствовал, что держать её на границе разоблачения даже приятней, чем разоблачать».

Рассказ метит в серьёзную, нешуточную цель. Только исподволь. Конкретный неповторимый колорит – как раз тот витраж, через который... Да, но без этого витража нет и рассказа. Оттого-то «Запретный плод» – не басня с моралью, а кусочек живой жизни. С хитрой, свойственной Искандеру, тенденцией.

Автор подчёркивает, что когда мальчик выпалил «Она вчера ела сало...», отец наказал именно сына и ушёл, хлопнув дверью.

Основная мысль сформулирована самим автором! «Я на всю жизнь понял, что никакой высший принцип не может оправдать подлости и предательства...».

Отчего же и этот, и многие другие рассказы Искандер заканчивает чуть ли не нравоучением? Посмотрите, что делается!

«Я на всю жизнь понял, что...» («Запретный плод»), «Теперь я понимаю, что...» («Петух»), «Только через много лет я понял, что» («Лошадь дяди Кязыма»).

Почему эти настойчивые «я понял...»? А потому, что – правда. Не только Искандера, а целого поколения», к которому я принадлежу. Нас учили результатам, кормили готовыми истинами, мы привыкли считать исключением свой маленький житейский опыт, когда он не согласовывался с крупно начерченной схемой всеобщих правил. Но догмы испарялись, и мы увидели живую жизнь и, чтоб научиться в ней разбираться, открыли те нравственные уроки, которые преподносил нам собственный несомненный опыт. Отсюда осмысление себя, отсюда эти «я понял...» у Евтушенко, Рождественского, Искандера и многих других.

В одном из своих ранних стихотворений Искандер хвалил ту сливу, которую собственноручно добывал в детстве в противовес той, которая

куплена. Ну и, как всегда, подымался до отличного «нравоучительного» обобщения:

Мне бы жизнь прожить, как начал:
с пылу, с лёту, впопыхах!
Пред лицом – лицо удачи.
За спиной – весёлый страх.
Чтоб до смерти только юнгой
быть у жизни на борту,
с тою детской жадной слюной,
с той оскоминой во рту!

Из написанного Искандером вырисовывается цельная личность, ему удалось показать, как складывается она и её отношение к миру.

*Фазиль Искандер на море с друзьями (второй справа).
Из архива К. В. Ковальджи*

Мы с Фазилем приятельствовали, не могу сказать, что дружили. Но те, с которыми я дружил, в трудную для меня минуту подняли руки за моё исключение. Все друзья! Но Фазиль не смог голосовать за исключение, не будучи убеждён в моей виновности. Хотя он сам рисковал: ему приходилось скрывать, что его отец был иранец да к тому же высланный!

А было так:

Весной 1952 года в Литературном институте я, мои друзья – прозаик Евгений Карпов и польский поэт Ришард Данецкий – задумали и выпустили (в пяти экземплярах) рукописный журнал «Март», который был объявлен крамольным, подпольным и подвергся немедленному изъятию. А меня стали мытарить, обсуждать на разных уровнях, и, наконец, на общем собрании по предложению парткома решили исключить из

комсомола. И все – в том числе мои друзья! – проголосовали за исключение. И только трое вдруг подняли руки как воздержавшиеся – Володя Морозов, Володя Гнеушев и Фазиль Искандер. Кто-то (не помню кто) тут же крикнул Фазилю: «Что за троцкистская позиция – ни нашим ни вашим! И вообще надо разобраться, кто ты такой»...

Потом эта история всплыла в рассказе Фазилия Искандера «Чегемская Кармен» («Знамя», № 12, 1986 г.). Вот как это всё преломилось в его памяти (*в скобках курсивом – мои поправки*):

«Когда я учился в Литературном институте, наши студенты однажды вздумали издать рукописный журнал. Мне предложили принять в нём участие, но я отказался, потому что уже тогда стремился напечататься типографским способом.

Журнал был издан в трёх (*в пяти*) экземплярах, и разразился скандал. Дирекция и райком комсомола пришли в бешенство. Самое крамольное стихотворение принадлежало перу польского студента. Это был шуточный сонет на тему: женщина – друг человека. (*Там это был не сонет, а сам сонет Данецкого в моём переводе тоже ругали – за упадничество*). Если бы бедная дирекция и райком знали, что поляки выкинут ещё и не такие коленца! Самого польского студента не особенно беребили. Стихотворение сочли отрывком шляхетского презрительного отношения к трудовой женщине. Но куда смотрели наши студенты, переводя это стихотворение и помещая его в журнал, да ещё в трёх экземплярах!

Оказывается, таскали не только составителей и участников журнала, но и тех, кто мог быть потенциальным автором. Дошла очередь и до меня. Вызвал секретарь парткома.

– Вы плохой патриот, – сказал он...

– Почему? – спросил я.

– Вам же предлагали принять участие в журнале? – сказал он.

– Да, – согласился я.

– Вы должны были просигнализировать нам об этом, – сказал он и, грустно покачав головой, добавил: – Да, вы плохой патриот.

...Мало того, что об этом несчастном журнале говорили на всех собраниях. Составителей заставили сыграть позорный скетч (*из нас троих «играл» я один и по собственной инициативе – полагал, что пародия снимет абсурдную серьёзность обвинений против журнала*), где все они, как зловещие заговорщики, заманивали в журнал политически наивных студентов.

Правда, кончилось всё это достаточно мирно. Никого из института не выгнали. Недавно я встретил одного из составителей журнала (*меня*), и он с благодарностью напомнил, что я и ещё один студент – будущий поэт Гнеушев – на общеинститутском комсомольском собрании проголосовали против его исключения из комсомола. Только мы двое». (*Трое. Ещё Владимир Морозов, и голосовали не «против», а воздержались, что никак не умаляет их мужества и моей благодарности!*).

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ПАМЯТИ ФАЗИЛИЯ ИСКАНДЕРА

Когда в 87 лет умирает великий писатель, утешает то, что он прожил долгую достойную жизнь, написал множество книг и, по сути, полностью выполнил свое предназначение на земле. Когда уходит человек, с которым дружил 65 лет, утешить не может ничто – друзья всегда умирают безвременно.

За последние годы Искандер не выпустил ни одной новой вещи. Голова была светлая, но...

Помню, лет пять назад я спросил Фазилия, что он сейчас пишет. Фазиль ответил, что не пишет ничего и раздраженно скривился – видимо, похожими вопросами его доставали не раз. Потом объяснил:

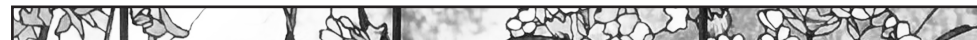
– Я как-то спросил прекрасного поэта Семёна Липкина, почему он давно не печатает новое. Липкин ответил: я стал забывать слова. А теперь и я забываю слова...

Не пишущий писатель фигура трагическая. Он постоянно грызёт себя, а не грызёт, так грызут окружающие. Над чем работаете, что на письменном столе, когда порадуете новой вещью... Что делать – послать всех матом? Но это не про интеллигентнейшего Фазилия...

Некоторые литераторы, теряющие способность писать, загодя готовят себе «запасные аэродромы». Кто уходит в педагогику, кто делает политическую карьеру, кто охотно вещает со всех мыслимых трибун или светит популярной физиономией на бесчисленных круглых столах. Искандеру все это не подходило, он был не из породы говорунов. Порой самый простой вопрос заставлял его надолго задумываться, искать фразы, напряжённо морщить лоб. Он не был умным человеком в употребительном смысле слова – он был мудрым человеком. Ему очень подходили строчки его любимого Пастернака: «Во всём мне хочется дойти до самой сути». И в стихах, и в прозе, и в публицистике он доходил до сути, как мало кто ещё.

Последние года три он не выходил из дома. Когда исполнилось семьдесят пять, в большом зале ЦДЛ отмечали его юбилей. Но без юбиляра – Искандер на торжество не приехал. Сидеть два часа на сцене в парадном костюме, смотреть, как многочисленные поздравители шевелят губами, и вежливо кивать (слышал он уже очень плохо) на такие жертвы Фазиль, с его врождённым чувством юмора, пойти не мог.

Когда-то Толстой сформулировал несколько принципов творчества. Первый был очень чёткий: не пишите, если можете не писать. Из литераторов нашего поколения Искандер следовал этому правилу наиболее последовательно. Он издал множество книг, получил много премий и всяческих наград. Но он никогда не писал ради денег, ради славы, ради премий и орденов. Может, поэтому у него практически не было врагов: коммерческие патриоты, «толпою жадною стоящие у трона»,

не видели в нём конкурента. Как всякий порядочный человек, Фазиль, конечно же, был демократом, презирал карьеристов, политических проходимцев. Но не помню его на дискуссиях и митингах: он не был баррикадным борцом, его баррикадой был письменный стол.

Искандер был очень своеобразным человеком. Он не владел компьютером и вообще писал ручкой, все его тексты заносила в память механического монстра Тоня, единственная и очень любимая жена. При всей своей мудрости, Фазиль был очень наивен, его было легко разыграть. Не занимался спортом, не имел никаких серьёзных увлечений. Единственным смыслом его жизни было писательство.

Перестав писать, он словно бы потерял этот смысл и перестал бороться за жизнь. Тут он был глубоко не прав – даже не пишущий Искандер был остро необходим литературе. Самим фактом существования он определял масштаб таланта и творческой значимости. При живом Искандере даже самые пробивные литературные карьеристы стеснялись объявлять себя живыми классиками. Теперь, когда Фазиль ушёл, настанет их время.

*2 августа 2016 года, Центральный Дом литераторов,
День прощания с Фазилем Абдуловичем ИСКАНДЕРОМ*

Фото Эльмары Фаустовой

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

на прощании с Фазилем Искандером
в Центральном Доме литераторов
2 августа 2016 г.

...Я счастлив тем, что я был редактором первой его книжки – первой поэтической книжки. Он был поэтом и в своей прозе. Он разворачивался мощно в кавказского эпика. Кавказ всегда соединял любовью к нему не только поэтов разных народностей, но тех, кого прислала империя как завоевателей, кто прибыл покорять Кавказ. Получалось всё наоборот – Кавказ покорял всех лучших русских поэтов своей красотой, честью, благородством и гостеприимством. И Кавказ написан русскими поэтами блистательно. Есть такие строчки, которые я часто повторял и повторяю даже сейчас, несмотря на то, что наши взаимоотношения с Грузией оставляют желать лучшего. Но вообще я надеюсь, что рознь народов, которой сейчас хватает на земле и которая нас ужасает, прекратится, и от количества этой розни, от её безумия мы избавимся.

Народы соединяются именно такими мыслителями, писателями, как Фазиль Искандер, и многими другими поэтами и прозаиками нашего шестидесятилетнего поколения. Помимо «Сандро из Чегема», я считаю самой главной его книгой «Кролики и удавы» и считаю, что эту книжку можно начинать читать в 16 лет и потом продолжать её читать. Это книга, мудрые страницы которой учат людей взаимной любви, учат людей не сгибаться. ...Фазиль был одним, я бы сказал, из этих мировых, классиков сатиры, соединённой с необыкновенным лиризмом.

Так получилось сейчас, что я приехал к нему из Кабардино-Балкарии, я узнал об этой непоправимой потере именно у Чегемского водо-

пада. Вот это моё большое горе, потому что мы лишь однажды разошлись немножко по одному вопросу, но никогда не позволяли себе никаких ссор. И хорошо бы, если бы так все народы на земле себя вели.

Я бы хотел передать, обязан просто передать вдове приветы и соболезнования от всех родственников Кайсына Кулиева – замечательного поэта, который когда-то, несмотря на то, что пришёл победителем из Берлина, и его не хотели отправлять в ссылку, он сам её добровольно выбрал, чтобы не бросить свой народ. Этим он всем нам как бы показал то место в истории, которое должен занимать настоящий писатель, настоящий поэт, настоящий гражданин. Не бросать прежде всего свой народ в беде.

Я набросал несколько строк, над которыми я буду ещё работать, но хочу всё-таки поделиться с вами.

Есть преджизнь. И она не мгновенна.
Нас, Фазиль, вместе обнял Кавказ.
Все мы люди, единокоренны.
Ибо общий Господь у нас.
Мы с тобой одного чекана.
Наших шестидесяти годов.
Я к тебе прилетел из Чегема
от его водопадов и вдов.
И любой – из политиков пошлых
в их крикливенькой хрипоте,
хуже, чем самый простенький ослик,
честно тянущий груз на хребте.
Не слагайте фальшивые оды
в честь науськивателей никогда –
тех, кто стравливает народы, –
лишь проклятья достойна вражда.

Запись, редакция и фото Эльмары Фаустовой

БЕСЕДА С ДЕНИСОМ КИРШАЛОВИЧЕМ ЧАЧХАЛИА

Беседу записала Эльмара Фаустова

– Сегодня печальный день прощания с замечательным писателем и поэтом Фазилем Искандером. О чём Вам сегодня думается, что Вы хотели бы сказать о своём земляке?

– О Фазиле Искандере говорить легко и в то же время трудно. Я сошлюсь сейчас на те высказывания о Фазиле, которых появляется много в прессе, в социальных сетях – ну один к одному такие талантливые! Мне показалось, что это поколение читателей и почитателей Фазила Искандера и его воспитанников. Они так уже в его творчестве находятся, так глубоко сидят в них. У них уже и слог Искандера. Я бы не смог так сказать об Искандере, хотя близко его знал, был его учеником в Литературном институте, где он вёл группу абхазских переводчиков, и, конечно, это было большущее лакомство для других отделений института, – сбегались студенты, бросая свои семинары, чтобы увидеть и послушать Искандера.

Что могу сказать по поводу Искандера? Его произведения написаны на таком сочном, таком дивном русском языке, при этом очень много взято из абхазской словесности. Там даже есть такие переводизмы в хорошем смысле, которые легли в язык и стали очень экзотичными, расцвели в его русской прозе, хотя они являются практически, ну не совсем обыденными, но часто употребляемыми образами в абхазском языке. Он их так преподнёс, он их так перевёл, так вживил в русскую речь, что они тут радугой расцвели.

– Мудрость двух народов соединилась.

– Да-да. И вот его выражение: «Время, в котором мы стоим» – это фраза, которую он чуть ли не дословно, чуть ли не буквально, даже можно сказать не художественно – так вот вставил, и она заиграла.

– Менталитет абхазский, а язык – русский. Вот это удивительное сочетание.

– Совершенно верно. Редкое сочетание. Я думаю, этому посвятят уже специалисты свои труды, напишут об этом. Об Искандере написать плохо просто невозможно. Те, кто читал Искандера, вы же читали...

– Конечно. И остановиться невозможно, когда начинаешь читать книжку.

– Но человек, уже почитавший Искандера, – это совершенно другой человек. Он будет и говорить, и мыслить по-другому, и угол зрения его изменится.

– И ироничность особая появится.

– Ироничность его, да, особая – такая, которая добрая, которая прощает, которая не ранит человека, православная по-настоящему.

– Знаете, у меня возникает аналогия с писателем Чингизом Айтматовым. У него тоже – менталитет киргизский, а язык и мышление – всё в русском поле.

– Да, конечно. Слово какое-то слишком затёртое, но всё-таки – это взаимообмен культурный, который происходит вот при таком культурном общении народов. И это неизбежно, и это обогащает... И теперь есть люди, которые влюблены в Фазиля, они уже предложения, фразы составляют по-искандеровски.

Я помню один свой вопрос, когда я уже сам преподавал в Литинституте и, разумеется, цитировали мы Искандера. Мы к шестидесятилетию его сделали небольшой вечер на нашем семинаре, и там выступал Искандер. Когда ему задали вопрос: «Фазиль Абдулович, а что для вас как писателя, что для вас есть родной абхазский язык?». Он не понял, уместен ли такой вопрос. Но потом честно погрузился в мысль...

– Он всегда так замедленно, так задумчиво...

– Да-да, – и после этого выдал такую фразу:

«Абхазский язык... Разумеется, – это кровеносная связь с корнями».

*2 августа 2016 года, Центральный Дом литераторов,
День прощания с Фазилем Абдуловичем ИСКАНДЕРОМ*

Денис Чачхалиа – известный абхазский писатель, историк, переводчик. Член Союза писателей СССР (1984), Союза писателей Абхазии, СП России. Основатель Литературного фонда Абхазии. В настоящее время – заместитель председателя Правления Союза писателей Абхазии по зарубежным связям. В 2011 г. вошёл в Церковный совет Священной митрополии Абхазии от мирян. Перевёл на абхазский язык произведения А. Пушкина, С. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой и других, из немецкой поэзии – Гейне, Гёте, Шиллера, а также переводит на русский язык стихи абхазских поэтов.

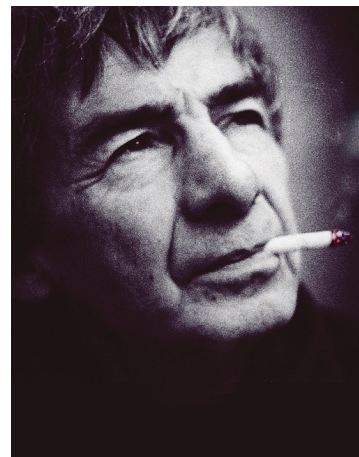
Фото Эльмары Фаустовой

ВИТРАЖИ ПАМЯТИ

Юрий ВЛОДОВ

(1932-2009)

Поэт, автор всенародно известных строк: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это».

Родился в г. Новосибирске в театральной семье. Свою творческую карьеру начал в 50-х годах, первые публикации появились именно в это время. Общался с Б. Пастернаком, И. Сельвинским, К. Чуковским, А. Твардовским и другими классиками. Они его признавали и прочили ему большое поэтическое будущее. К сожалению, судьба поэта сложилась не так гладко. При жизни его мало печатали.

Первая небольшая книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность». В 2008 году появилась книга «На семи холмах». Уже после смерти в издательстве «Время» вышли две книги поэта: «Люди и боги» (2012) и «Летопись» (2015).

Из книги «ЛЮДИ И БОГИ»

* * *

Я думаю, Иисус писал стихи.
Плёл сети из волшебной чепухи...
А жизнь Христа – была душа поэта...
Иначе, как? откуда бы всё это?..

В кругу слепых, болезненных племён
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда – графоманом? –
Неузнанным Сальери тех времен?..

* * *

Гремучей змеёй изогнулся Иисус:
«Что значил без Евы Адам?!
За стон Магдалины, за потный искус,
Я всех вас предаю и продаю!..
Чиста ли в разбитом колодце вода? –
Колодец зацвёл и протух...
А жажда придушит: лакай – не беда!»
Иудина плоть прошептала: «О да!»
«Умри!!..» – воспротивился дух.

* * *

Как любила Христа Магдалина!..
Извивалась под грязным плащом,
Улыбалась похабно и длинно,
И толкала Иуду плечом...

А пустыня, в предчувствии чуда,
Обмирала и куталась в хмарь...
Как любил Магдалину Иуда!..
Как ласкал Магдалину Иуда!!..

Как терзал неподкупную тварь!!..

* * *

Когда тащила римская военщина
Хмельную Магдалину под кусты,
Она упёрлась, в ней восстала женщина
Почти непостижимой чистоты.

Она вскричала: «Эти груди тленные
Сам Божий сын вылизывал, как пёс!..»
Услышал Некто. Сплюнул во вселенные
И оскорбился, видимо, всерьёз.

И тут же застучали топоры
До срока, до положенной поры.

И, устрашая глупого Христа,
Над миром воспарила тень креста.

* * *

И топнул Ягве: «Встань! Очнись, плебей!
Яви, Иуда, преданность сыновью!..»
И страшно крикнул: «Выродка убей!!
Убей урод! – и упейся кровью!..»

* * *

Друг друга предали...
И сразу – легче стало.

Иуда – горяч и смугл –
Шагал из угла в угол,
Шагал из угла в угол,
Терзал запотелый ус!..
А мысль долбила по нервам:
«Успеть бы предать первым!
Суметь бы предать первым!!.
Пока не предал Иисус!..».

* * *

Переплелись пути добра и зла.
Святой продаст святейшего под мукой.
Пастух, и тот вонючего козла
С пахучим агнцем спутает «под мухой»...

Над Иудеей – огненный клубок,
Вокруг пески, шипящие, как щёлочь...
И чёрт-те знает, кто там – полубог,
А кто, простите! – завтрашняя сволочь!..

ИУДОВА БАЛЛАДА

Вот еврей еврея продал,
В кошелёк награду ссыпал,
Летний дождь на землю выпал,
А казнённый – душу отдал.

Но пока ещё казнённый
Испускал глухие вздохи
Этот самый награждённый
Мыслил так: «Дела неплохи,

Даже очень. И покуда
Живо кесарево слово,
Будет жить еврей Иуда –
Страж спокойствия земного».

И с чего нам бить тревогу? –
Невредимо, слава Богу,
Наше собственное тело...
А безбожный – душу отдал!...

И кому какое дело,
Что еврей еврея продал?!

* * *

Иуда взял бездарно – серебром.
Сбил цену на предательство людское.
И праведный над ним развёрзся гром!
А взял бы золотом – хоть помер бы в покое.

* * *

Есть версия о том, что у Пилата
Была ума казённая палата.

Пилату доложили: «Ученик
Учителя запродай». Тот сказал:
«Ученика повесить, как собаку!».
И уходя добавил: «Я – солдат».

И много лет протяжно пахнет псиной
То дерево, что мы зовём осиной.

* * *

Всё скрестилось. И Спаситель поднял голову,
Желчным оком разжигая произвол.
Как секирой по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провёл.

«Разве истина в кровавой человечности?!..
Ха! – явились на позор, как на парад!..».
И таилось в предвечерней лунной млечности
Ухо Богово – округлый аппарат...

Покатилась иудейская история
Каплей крови по Господнему ребру...
И, похожие на пепел крематория,
Пейсы старцев трепыхались на ветру.

ИНОМИРЕЦ

триптих-гипотеза

I.

Над Иудеей, прокажённой и святой,
Над человечьей срамотой и суетой,
Провисло корабля мерцающее дно
И тучей грозовой окуталось оно.
И псевдобога тяжеленная рука
В миг расставанья по-отечески легка.
И псевдочеловек, прекрасный и нагой,
На огненный песок ступил босой ногой...
И хлынул ливень...

II.

«Я – сын Господен! – что тебе во мне?!».
«Нет, погоди. Однажды на войне
(Когда ещё у кесаря в опале
Я не был). Мы в шатре походном спали.
И я спросил: как долгод римский век?
Ответил кесарь: «Мир стоит на страхе!
Но помни: розы не растут на прахе!..».
Мне жаль его... Он слабый человек...
А я живуч, коварен и силен.

Мой череп слишком густо заселён
Идеями, угодными судьбе.
Моя удача – кроется в тебе!
Смирись, мой сероглазый пьедестал!..».
«Прости, Пилат! – я так от вас устал!..».
«О, мудрый плут! Я верю в наш венец!
Легенда есть, но надобен конец! –
Эй, стража!..».

III.

Что видел Ирод? – только молнию в пыли...
Что слышал Понтий? – только бабий стон земли...
Взглянул с креста Христос на космолётный след,
И сам закрыл глаза. На много тысяч лет.

ПРО ЖИЗНЬ

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ.

Поэт, прозаик, критик. Родился в Москве. Окончил отделение киносценаристов ВГИКа (мастерская Н.Н.Фигуровского) и аспирантуру. В настоящее время заместитель редактора приложения к Независимой газете *Ex libris*. Член жюри конкурсов, в том числе: «Фанткритик», «Нонконформизм», «ЛитоДрама», «Мцыри», «Часовые памяти». Автор книг: «Сказки о странной любви», «На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002)» (в соавторстве с Е. Харитоновым), «Древний миф и современная фантастика, Или использование мифологических структур в драматургии жанрового кино», «Дневник наблюдений за природой: стихотворения», «Нью-Энд-Бестиарий», «Виртуальный Пьеро» и публикаций в периодике. Автор и составитель сборника «5-я стена. 29 рассказов о жилище будущего». Создатель и идеолог концепции «информантизма» – направления в отечественной фантастике.

РУЖЬЕ, КОТОРОЕ НЕ ВЫСТРЕЛИЛО

Рассказ

У детей занижено чувство опасности и при этом усилена страсть к приключениям – они безрассудны, а стало быть, и бесстрашны. Даже смерть, слоняющаяся совсем рядом, не пугает их. Не зря же говорят, что за каждым подвигом стоит или разгильдяйство, или безрассудство. По крайней мере, это утверждение полностью справедливо по отношению к моему небольшому детскому подвигу...

Мои детство и юность прошли в городе Краснодаре. На самой его окраине. Я жил в микрорайоне, который стоял прямо на берегу реки Кубани. Местные жители называли микрорайон «посёлком» – настолько он не был похож на часть краевого центра, которым был и остаётся Краснодар. А когда кто-то ехал в центр, скажем, на рынок, то говорил: «Поеду в город».

От окраины нашего посёлка начиналась неровная грунтовая дорога. С одной её стороны были огороженные колючей проволокой поля научно-исследовательского института, а с другой – берег реки. Чуть

дальше от посёлка между рекой и дорогой возникала лесистая пойма, разрезанная множеством тропинок. Этот лес в некоторых местах был довольно густым, с деревьев свисали лианы. Но заблудиться в нём было невозможно – куда бы ты ни пошёл, рано или поздно выйдешь либо к реке, либо к дороге. Если же идти сквозь чащу вдоль реки и параллельно с дорогой, то и тогда поход мог продлиться не больше нескольких часов – лес редел и кончался.

Однако нам, детям, этого леса хватало на целый день серьёзных и весьма опасных приключений: мы совершали экспедиции, летом купались, к Восьмому марта приносили своим мамам первоцветы, синенькие такие, мелкие цветочки, по-научному – пролески... Недалеко от берега было несколько островов – заросших травой и деревьями. Один назывался то ли Свинячим, то ли Свиночным, старожилы не могли договориться по этому поводу, другой – почему-то Третьим. Информацию о том, существовали ли когда-нибудь Второй и Первый, история не сохранила. Ещё один остров не назывался никак, возможно он и являлся когда-то одним из них. До Третьего острова можно было добраться по песчаной дамбе, до других – только вплавь.

Наша компания состояла из четырёх человек. Заводилу звали Денис. Хоть он и был на год младше остальных троих, он признавался как авторитет. Денис тогда учился, кажется, во втором классе, а мы, соответственно, в третьем. Отца у него не было, а мать водила туристические группы по Кавказу. Он жил с бабушкой и старшей сестрой, и весь день оказывался предоставлен сам себе. В нашем пятиэтажном четырёхподъездном доме все его звали «Дикий Денис». Он был настоящим героем, отчаянным смельчаком. Самый быстрый, самый ловкий, самый лихой. Я старался ни в чём ему не уступать, но какой-то лихости мне всё же не доставало, сказывалось интеллигентское воспитание. Родители – научные сотрудники. Вовка тоже тянулся за нами, но поспеивал не всегда. Игоря можно было бы считать несколько трусоватым, но теперь-то я понимаю – просто он был более всех нас ранимым... При этом он часто проявлял изрядную хитрость. Себе на уме. Он даже внешне походил на эдакого лисёнка. А вот Вовка был прямым и открытым и из-за этого частенько страдал. Он носил очки, и над ним по этому поводу часто издевались.

Все мальчишки в посёлке играли в «банки». Правила этой игры довольно сложны. У всех игроков – палки. Кто уж себе какую вырежет. На половинку кирпича ставилась жестянка из-под кабачковой икры или зелёного горошка. Один из игроков её стережёт, это называлось – «мается». Остальные по очереди кидали палки, стараясь сбить банку с кирпича, а потом бежали гурьбой за своими палками. Цель «сторожа» – вернуть жестяную мишень на место, а потом не только «замаять», то есть коснуться палкой игрока, но самому же сбить банку с кирпича. Тогда тот, до кого дотронулись, становился «маящимся». Существовала сложная система позаимствованных у картёжников «званий», которыми

награждались игроки – в зависимости от того, сколько раз сбивали банку... Валет, дама, король, туз, а потом, почему-то – император. Когда-то можно маять с палкой в руке, когда-то – без неё, кто-то был уязвим до черты с банкой, кто-то – за ней... Если «маящийся» оказывался недостаточно ловок, он мог оставаться при банке до поздней ночи. Если же ему нужно было домой, его «катали на красном коне» – сажали верхом на несколько палок и сильно трясли. Было довольно больно... Вовку часто «катали на красном коне», катали до слёз. Очки летели на траву, потом туда же под общий хохот летел и сам «наездник»... В общем, парню часто доставалось от мальчишек посёлка. Его дразнили Вова-незадача.

А ещё мы четверо играли в индейцев. Нет, не так. Мы были индейским племенем. Денис признавался всеми как вождь, я – как шаман. Игорь и Вовка являли собой всё остальное племя. Луки мы делали из молодой поросли гледичии. Есть на юге такое дерево – у него абсолютно ровный ствол, и прямо из него растут багрово-малиновые острые колючки, а ветви начинаются где-то высоко, для лука лучше не придумаешь. Стрелы мы делали из рогоза. К одному концу крепили накопчик из срезанной с консервной банки и свёрнутой конусом жести, а в другой вклеивали подрезанное перо – чаще всего грача. Правда, гледичию в «посёлке» называли «акацией», рогоз – «камышом», а грача – «вороной». Кстати, пасхальный кулич там называли и, вероятно, называют до сих пор «пасхой». Разница в том, что творожное кушанье, называемое «пасхой» в Средней полосе России, на Кубани не делали, а вот настоящие акация, камыш и грач там всегда водились. Ну, это к слову...

Вот такое у нас было племя: Дикий Денис, Вова-незадача, Игорёк и я. Меня звали Длинный – за высокий рост и худобу. У меня был отличный ярко-оранжевый лук – такой цвет приобретает кора гледичии, когда хорошо подсыхает. Он легко добивал до балкона пятого этажа, а то и выше. Тогда у нас вообще высота чего-либо измерялась пятиэтажками...

Но однажды нам наших луков показалось мало. Денис то ли сам смастерил, то ли раздобыл где-то самопал. В других районах их ещё называли «поджигами», но у нас – самопалами. Стальная трубка загибалась с одного конца, и в неё заливалось немного расплавленного свинца – для надёжности. Получившееся дуло крепилось на приклад, выпиленный из доски. Возле сгиба делался пропил. Самопал готов. В дуло забивался порох, потом засовывался комок газеты, который играл роль пыжа, за ним сыпалась дробь и – снова газетный пыж. Пропил присыпался серой от спичек. Всё, можно стрелять. Подноси спичку, отводи подальше руку и желательнее зажмуривай глаза...

Испытывать самопал мы пошли, как это ни удивительно, на Кубань, подальше от жилья. Была зима, подморозило, и даже выпал нечастый в Краснодаре снег.

Рядом с нашим посёлком было два крупных НИИ, поэтому жили в нём в основном семьи научных сотрудников, так что особенного хулиганства не было. Но рядом был Комбинат строительных материалов, в просторечии Рубероидный завод, с соответствующим контингентом молодежи. Рубероидных боялись. Хотя сейчас я вспоминаю: ну, что они могли сделать? Ну, дать пинка, по местному «поджопника», ну, отпустить затрещину, ну, вывернуть карманы... Дрались тогда до «кровянки», не дольше, а поножовщины не было совсем. Беспредел, когда ходили стенка на стенку с топорами и цепями от бензопилы «Дружба», начался гораздо позже. И всё же рубероидных боялись. Хотя, если нечего взять, то и не особенно боялись... Но тогда у нас был самопал, и мы его терять никак не хотели. Поэтому всё, связанное с ним, мы тщательно спрятали на себе. Собственно, самопал мне как самому высокому засунули в рукав пальто. Дробь тоже досталась мне – как сейчас помню, я обнаружил дырочку в своей шапке-ушанке и засыпал туда мелкий боеприпас. Доставать её было труднее, чем засовывать, – остатки дроби потом долго пересыпались внутри моего головного убора... Порох где-то у себя спрятал Денис, а «пыжи», то есть попросту газету, схоронил за пазухой Игорь. Вовку почему-то обделили – ну, не везло ему, что тут поделаешь. И мы пошли.

Сама Кубань-река полностью не замерзает никогда, но протоки между берегом и островами в тот год промёрзли основательно. Это открытие увлекло нас даже больше испытания самопала. Мы решили выйти на лёд. У берега он был слишком тонок, но мы нашли гатку. Так – в уменьшительно-ласкательной форме от устаревшего и диалектного слова «гать» – назывались на Кубани такие небольшие низкие причалы, сделанные из воткнутых в дно кольев, переплетённых прутьев. А также глины, заполнявшей пространство между ними. К гаткам можно было причаливать на лодке, с них можно было рыбачить. Не знаю, существуют ли они до сих пор.

Гатка уходила от берега метров на пять-семь – там лёд уже был прочным. Этим мы и воспользовались. Мы ходили по льду между берегами и наслаждались этим приключением. На льду было много птичьих следов – грачей, уток, каких-то ещё птиц... А потом мы поссорились. С чего всё началось, я уже не помню. Наверное, Денис неудачно подшутил над Игорем. Тот обиделся и повернул назад. А мы остались веселиться на льду.

Игорь долго шёл вдоль берега в поисках возможности миновать зону тонкого льда – от нашей гатки мы отошли довольно далеко. Потом он обнаружил вмёрзшую в лёд лодку и сошёл по ней на сушу. А мы в это время решили всё-таки испытать самопал. И не просто так, а с особой лихостью – выстрелить из него прямо в лёд у себя под ногами. Нас интересовало, что тогда будет...

Скажу сразу, мы этого так и не узнали. Вместе с Игорем на берег ушли наши «пыжи» – газета осталась у него. Вовка вызвался догнать

обиженного приятеля – судя по всему, он с ним не совсем поссорился – и вернуть недостающий элемент импровизированного боекомплекта. Он побежал, а мы остались изучать следы на льду.

Время от времени мы посматривали: как там наши приятели. Игорь шёл по берегу, Вовка догонял его по льду... Так продолжалось несколько минут. И вот, очередной раз оторвав взор ото льда, я увидел такую картину. Уже на самых подступах к берегу Вовка поскользнулся. Его ноги как-то странно подлетели вперёд и вверх, он согнулся в воздухе примерно под девяносто градусов и, упав на пятую точку, ставшую вершиной этого угла, пробил лёд.

Жуткий, хриплый и абсолютно незнакомый крик разрезал зимнюю тишину. Спустя четверть века я помню его «Пацаны! Тону!» – кричал Вовка. Мы с Денисом бросились к нему на помощь.

Игорь был совсем недалеко, Вовка почти догнал его, но их разделяла полоса тонкого льда. Ни лодки, ни гатки поблизости не было. Вовка пытался вылезти, подтягивался на руках, но лёд с треском колотся, и он опять уходил под воду с головой. Игорь бессильно бегал по берегу и причитал: «Вовочка, держись! Вовочка, держись, пожалуйста!».

Бежать по льду да в зимней одежде было довольно трудно. Денис заметно вырвался вперёд – на мне было длинное пальто, а в рукаве злосчастный самопал. Когда мы подбежали, Вовка уже изрядно расширил свою полынью. Не ожидая спасения от Игоря, он ломал лёд по направлению к нам с Денисом, а это значит – на глубину. У Вовки явно была истерика, и неизвестно чем бы всё кончилось, если бы расстояние между нами было больше.

Денис, конечно, подбежал раньше меня. Он, не задумываясь, протянул Вовке руку, дёрнул на себя и... начал сам уходить в полынью. Но тут подоспел я и схватил его за куртку. Ему пришлось бросить Вовку, который уже был совсем невменяем – он ломал лёд прямо у нас под ногами. «Самопал!», – крикнул я Денису и протянул ему оружие. Он сунул приклад Вовке, потянул за дуло, я потянул его за куртку. Когда мы вытащили Вовку на лёд, у него уже не было сил шевелиться. Он волочился, словно тряпица, приставшая к прикладу самопала. Вот ведь как пришлось его применить! Не выстрелило наше самодельное ружье, но всё же службу сослужило...

Больше приключений в тот день не было. Куда уже больше! Даже невезению Вовы-незадачи был предел. Вместе мы быстро нашли подходящую гатку, выбрались на берег и трусцой, чтобы не дать Вовке замёрзнуть, побежали домой. Родителям он сказал, что упал в лужу, – даже серьёзного скандала не было...

Наше племя просуществовало довольно долго. Однако через несколько лет мать Дикого Дениса получила квартиру в другом конце Краснодара, и он исчез с нашего горизонта. Да и мы уже повзрослели – какие уже индейцы... Мы учились в старших классах, когда повесился Игорь. Он тоже рос без отца, жил с матерью в малосемейном общежитии.

История тёмная, говорили разное – и про какие-то долги, и про наркотики... Мать лежала в больнице, он был один. Повесился на дверном косяке. Действительно странно – трудно себе представить щуплого восьмиклассника, который висит на короткой веревке и держит ноги согнутыми в коленях, пока не наступит удушье. Как ни был он хитёр, а жизнь перехитрила его...

С Вовкой-незадачей мы доучились до десятого класса. Уже не так дружили, как прежде, но продолжали общаться до самых выпускных. Потом я уехал в Москву и поступил во ВГИК, а он с головой окунулся в перестроечный беспредел. Занимался мелким бизнесом, переходящим в криминал. Был довольно лих, женился на прекрасной блондинке. Потом вдруг резко уверовал в Бога и ушёл из криминала и бизнеса. Сейчас строит церкви и растит сына. Мы с ним иногда видимся, когда я оказываюсь в Краснодаре. Вову-незадачу не узнать. Крупный солидный мужчина, в машине диск с проповедями Андрея Кураева. Собственными руками строит церкви... Как будто он за детские годы избыл весь объём неудач, положенных ему на жизненном веку.

Однажды он мне рассказал про Дикого Дениса. Тот тоже женился, но как-то неудачно – от этого запил. Как-то вернулся пьяный, жена его не пустила в дом – он начал ломиться, тёща вызвала милиционеров. Те так отделали его дубинками, что теперь он едва ходит и ещё хуже соображает. Переломали все руки-ноги, проломили голову. Вовка встретил его в церкви – мать привела в надежде на чудесное исцеление. Бывшего друга он не то чтобы не узнал – просто не заметил... Вовка за него помолился. Как, наверное, он молится иногда и за покойного Игоря. Как – определённо – молится и за меня, безрезультатно ищущего в столице творческих успехов, не сумевшего построить семьи и оттого сильно пьющего... Иначе, почему меня до сих пор хранит Бог? Его за-слуга...

Чехов, конечно, прав. Это я как несостоявшийся драматург знаю хорошо. Но всё-таки прав он не совсем: не каждому ружью доводится выстрелить. Как часто порох юности не даёт вспышки. И наоборот.

Фото Владимира Голубева

Людмила ПОПОВА

Член Академии российской литературы, Союза российских писателей. Много лет работала в Минвнешторге и в МИД России, в том числе за границей. Автор трёх книг: «Африка» (2009) – посвящена командировке на далёкий континент, «Тайны Ласточкиного гнезда» (2012) – сборник рассказов и «В лучах волшебного фонаря» (2015). Короткие рассказы и переводы с французского опубликованы в альманахе «Московский Парнас». Живёт в Москве.

ДЕВОЧКА НА ПРИГОРКЕ

Рассказ

Она шла в сторону заката по едва заметной пыльной тропинке среди глинистой пустыни со скудной растительностью. Впереди пожаром полыхал горизонт. Из-под ног с криком взлетела испуганная птица. Стая мошкары вуалью накрывала голову и липла к лицу...

Неожиданно сзади раздался до боли знакомый голос: «Зина, Зиночка!». Этот единственный в мире голос не спутаешь ни с каким другим... Так ласково её окликал только один человек – мама...

Она оглянулась, почувствовала непрошенные колючие слёзы в глазах и крепко прижала к себе, а вернее, прижалась сама к тёплому и доброму телу матери... Как давно они не виделись!

Её сотрясали рыдания, а мать утирала ей лицо и приговаривала:

– Не плачь, девочка моя...

– Мама, никто никогда не любил меня больше, чем ты, – ни мужчины, ни дети... А ведь я их жалела больше тебя... Прости!

– Девочка моя, милая, глупенькая девочка моя...

Они говорили и не могли наговориться...

– А помнишь, я всем купила домашние тапочки – всем, кроме тебя... Прости меня!

– Я тоже тебя обижала порой... Помнишь, как я спрятала мёд? Не объяснила тебе ничего, а просто спрятала. Ты тогда болела, тебе он был нужен, а я спрятала...

– Не кайся, я потом поняла, почему ты так сделала... Потом поняла, не сразу...

Теперь они шли, обнявшись, по тропинке, ведущей на запад, туда, где солнце выплеснуло в небо свои самые яркие краски. Но вот они стали бледнеть, повеяло прохладой и сыростью...

– Тебе холодно, – прошептала мать. – Давай разведём костёр!

Они принялись собирать на земле всё, что могло гореть. Насыпали кучу. Мать достала из кармана помятую коробочку спичек, чиркнула... Огонь осветил её лицо... Она счастливо улыбалась, и не было на свете художника, который изобразил бы такое прекрасное выражение...

– А помнишь? – они вспоминали, перебивая друг дружку. – А помнишь?... И крепко обнимались, плакали или смеялись...

– Помнишь, как мы собирали грузди? У Тёти Гани в Шиповом лесу... Сколько же их там было! Приносили несколько вёдер, а потом чистили до умопомрачения... Солили в специальной дубовой кадлушке под гнётом... Ах, как вкусны солёные грузди!

– Да, и запечённые со сметаной или сливками не хуже...

– А сколько там росло дикой малины, дух какой от неё стоял на разогретой под солнцем просеке! Перед тем, как идти по малину, носки надевали толстые, чтобы змеи за ноги не кусали...

Зинаида переводит глаза на ноги матери, которые та придвинула к костру, чтобы согреть. Голые стопы сплошь в ранках и крови.

– Ты шла босиком? У тебя нет обуви?

– Я специально сняла туфли...

Мать всегда любила ходить босой. Считала, что так полезно для здоровья. Но здесь полно колючих растений и острых камешков... Припомнился рассказ матери, как в войну она шла куда-то по осенней промёрзшей дороге, приберегая единственные туфли, чтобы не стоптать...

– Почему ты разулась? У тебя изранены ноги... Разве не больно так идти?

– Я искупаю грехи перед тобой, мужем, родителями, перед всеми, кого обидела...

– Искупаешь грехи?!..

– Да. У меня их много, очень много...

Зинаида берёт в руки материнскую стопу, внимательно разглядывает... Помыть бы, да нет воды... И приложить подорожник, жаль он здесь не растёт, не видно нигде... Но от слезы, упавшей на ногу матери, уходит грязь и затягиваются ранки.

– Я грехов наделала больше тебя, мама...

– Нет. Ты – хорошая, славная, милая, моя девочка! Тебе не в чем каяться. Я счастлива, что родила тебя!

– Не говори так, не то я снова разревусь. Просто ты мне всё простила...

– Тебя не за что прощать. Не помню ничего плохого из твоих поступков, только хорошее...

– Это ты запомнила только хорошее... Спасибо, мама.

– Правда, правда! Ты много делала хорошего, а у меня не хватало времени подумать и оценить...

– Господи, да кто у кого должен просить прощения?! Давай лучше переменяем тему. Ты так хорошо пела! Родись ты в другое время и в другой семье, могла бы стать знаменитой певицей, как Мария Максакова, к примеру...

– Девочка моя!.. Как я хотела, чтобы ты жила лучше меня и счастливеей...

– Ты мне всё дала, что могла. Я тебе благодарна... О чём ты задумалась, мама? Что тебя тяготит?

– Ничего. Я рада встрече с тобой, ты не представляешь... Расскажу тебе один старый анекдот, чтобы ты поняла, как жили раньше в русской деревне, откуда я родом. Можешь меня презирать, мне теперь не страшно. Мне больше ничего не страшно...

– Презирать?! Да как я посмею?! О чём ты говоришь, мама...

– Итак, представь, идёт странник по дороге. Издалека, из святых мест. Раньше так много народу ходило в Киевскую лавру, к примеру... На пути – деревня. Бедняцкая русская деревушка, маленькие хатки, покосившиеся заборы, ни одного деревца у дороги, чтобы в тени отдохнуть... Летнее солнце беспощадно палит. Пот струится по спине, и жажда донимает. Увидел мальчугана на улице и попросил воды. Тот уже побежал к дому, потом остановился и переспросил:

– Тебе, дяденька, воды или лучше квасу принести, холодного из погреба?

– А принеси кваску, если не жалко!

Приносит парнишка глиняный горшок с квасом, путник припал к нему, напился вволю, а потом и спрашивает: отчего так долго не приходил, родители не пускали?

– Так квасу осталось на самом дне, – отвечает деревенский мальчишка. – Мне пришлось в кадлушку залазить, чтобы зачерпнуть. А края склизкие, еле назад выбрался.

– Ты в кадлушку с ногами залезал?

– А как же иначе?!

Странник поглядел на ноги мальчугана по щиколотку мокрые и грязные, да ещё в цыпках, видать, никогда их не мыл. Стошнило странника, бросил он с досады горшок об землю, тот раскололся пополам, выпуская остатки кваса. А мальчишка как закричит со слезами:

– Что же ты, дяденька, наделал? Я к тебе по-хорошему, а ты? Куда же я теперь ночью писать буду?!

– С детства я мечтала, чтобы мои дети выросли образованными и культурными, как наша учительница или фельдшерица! Две у нас такие дамы были на всю деревню. Как я ими восхищалась!..

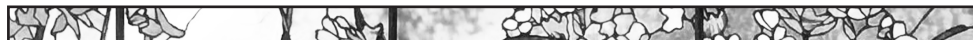
– Надо бы ещё веток в костёр подбросить. Ты посиди, мама, я сама наберу.

– Чего сидеть без дела! Вдвоём лучше спорится.
– Давай что-нибудь приятное вспомним?
– Давай! Только вот не знаю, что бы такое...
– Как мы варенье вишнёвое варили во дворе, на костре, допоздна, в специальном медном тазике. Уже темно кругом, а ты всё его помешиваешь и на блюдечко капаешь, чтоб узнать готово или нет... Какое оно было вкусное! И пироги с вишнёвым вареньем у тебя получались отменные. Настоящее песочное тесто, рассыпчатое. Ты мне рецепт не оставила, я много раз пыталась так же сделать, не получается...
– Разве не оставила? Ай-ай-ай! Мне казалось, что оставила... Ты смотрела в старой кулинарной книге, сталинской? Там должен храниться листочек... Как же я так?!
– А помнишь, как мы с тобой наполеон пекли? У меня все ладони болели от скалки. С вечера пекли коржи, варили крем, намазывали, а утром можно было есть... Пожалуй, наполеон был вкуснее, чем песочный пирог... И рецепт остался. А ещё хворост твой я любила. Его мы почему-то давно не лепили...
– Да, ты права. Давно не делали хворост. А тебе хотелось?.. Тебе не холодно? Иди ближе, укрою краем пальто...
Мамино пальто. Серо-голубое, широкое, которое она носила в последнее время. Её любимое пальто. Почему? Может, потому что удобное...
– Нет, мне не холодно. Но я к тебе поближе сяду. И обниму. Вот так. Родная ты моя. Как много я наделала глупостей, не слушаясь тебя!
– Это я зря тебе надоедала советами. Ты была уже умнее и образованнее меня...
– Умнее ты всегда была. И не спорь, я в этом столько раз убеждалась... А давай-ка spoём с тобой!
– Как ты хорошо придумала! Мне и самой петь захотелось, да думаю, ты не захочешь...
– Почему это?! Очень даже хочу. Что spoём? Запевай, а я подпою!
– Ох, и не знаю... Может вот эту: «Зачем тебя я, милый мой, узнала...». Я на гитаре могла её подыгрывать...
– Обойдёмся без гитары... «Ах, лучше бы я горюшка не знала, Забилось бы моё сердечко вновь»... Теперь давай украинскую: «Мисяц на небе зироньки сяють, тихо по морю човен плыве»...
– Как хорошо! Давно я не пела... Смотри, вон там звёздочка блестит...
– Не вижу...
– Вон туда посмотри! Теперь видишь?
– Давай ещё spoём, про оренбургский платок, твою любимую: «Я его вечерами вязала для тебя, моя милая мать»... А теперь эту, старинную, с детства помню: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии блистали»... Когда к нам приходили гости, всегда пели за столом. Сейчас уже не поют. А зря. Такие душевные песни!

– Что ты ещё помнишь?
– Помню, у тебя было панбархатное платье, вишнёвого цвета. Такое блестящее, переливающееся... Ещё помню, когда была студенткой, сколько ты мне всяких нарядов накупила. И золотое колечко с аметистом. Моё любимое. Мы тогда были в гостях у дяди Миши, и его жена накинулась на тебя: почему у Зины нет ни одного золотого украшения?! Она была помешана на золоте. Ты застыдилась. Повезла меня в ювелирный магазин на улице Горького и сказала: выбирай! Мне понравилось тонюсенькое с крупным прозрачным камнем. Словно распустившийся цветок на тонком стебле... Оно дорого стоило... И себе ты тогда купила – попроще и подешевле. У тебя самой ведь до той пор не было золота...
– Ты запомнила, а я уж и позабыла... Расскажи ещё что-нибудь, люблю тебя слушать.
– Помнишь, ты купила себе пальто с роскошным воротником из песка? Чтобы воротник не сносился, ты его отпоролла и надевала только по торжественным случаям. Песец этот был такой пушистый! И цвета редкого – голубого! В общем, песец голубых кровей. Королевский песец. Пальто уже износилось, а песец всё ещё блистал первозданной красой. Ты была удивительно бережливой! Когда я училась в университете, выпросила у тебя этого голубого песка себе на пальто. Его безжалостно разрезали на куски: один пришили на капюшон, два – на рукава. Так что песец послужил дважды: тебе и мне. Осталось ещё несколько мелких кусочков, которые пошли на отделку платья: помпоны к поясу. Ты невзлюбила эти помпоны, наверное, жалела своего раскромсанного красавца...
– Верно, жалела. У меня никогда больше такого не было...
– Я всё мечтала закупить тебе подарков, когда начну зарабатывать...
– Ты мне и накупила. Столько всего подарила! Я их берегла...
– Это мелочи. Я хотела шубу тебе красивую, шапочку норковую подарить... Но так и не...
– Какие ты мне сапожки белые подарила! Сестра моя, Нюра, когда приехала из Питера в гости, обзавидовалась.
– Про сапожки я позабыла...
– А я вот помню. Много твоих добрых поступков помню...
– За мужа простить тебя не могу. Зачем ты за ним шпионила? Через тебя мы ссорились...
– Хотела, как лучше... Чтоб он тебя не обманывал...
– Медвежья услуга...
– Вот потому и шла босиком...
– Всё, закрыт вопрос! Прощаю. Туфли... Где туфли твои?
– Да вот, в кармане...
– Давай на ноги тебе надену!
– Я и сама.

– Нет, я тебя обую. Мне хочется, не откажи, пожалуйста!

Пока Зинаида ладонями отирает ноги матери от пыли и натягивает на них туфли, мать наклоняется и целует её в затылок.

Они ещё несколько раз подбрасывают веток в костёр. Поют про тонкую рябину, что качается одиноко.

Потом Зинаида кладёт голову к матери на колени и засыпает умиротворённо.

И много воспоминаний проходит у неё во сне, близких и совсем далёких...

Роддом. Она открыла глаза и поглядела в сторону окна. Оно совсем рядом, чистое, большое. В нём видно синее небо с белыми облаками и зелёные верхушки деревьев. Всё в щедром золоте солнца. Ещё бы – первое июля, пуп лета. Прошлой ночью у неё родился первенец. Девочка. Очаровательная. Зинаида поклялась, что ничего не пожалеет для её счастья. Даст то, что сама не получила в детстве от матери. Уж как она старалась!..

Её собственное детство... Бабушкин домик под красной железной крышей. Под окном – огромный куст жёлтых роз с жужжащими пчёлами. Огород, покато спускающийся в глубокий овраг...

Со дна оврага не видать бабушкиного домика, видно только высокую старую грушу на вершине склона. У неё мелкие, но сладкие плоды. Бабушка их сушит на компот. А в глубоком дупле живёт горлинка, которая воркует протяжно и жалобно. Бабушка говорила, что она плачет по пропавшему мужу...

Вот здесь-то Зина и увидела впервые свою лучшую подругу Марусю, которая потом столько раз её выручала. Почувствовала на себе любопытный взгляд, оглянулась и увидела деревенскую девочку на пригорке, под старой грушей. Загорелая, босоногая, стоит и косу свою длинную тербит. Личико премоное... С той поры она неизменно появлялась, когда требовалась помощь...

На Зине пёстрый сарафанчик, белая панамка, белые носочки с розовой каёмочкой и туфельки с пуговичками. Мама её принарядила, чтобы идти на Головище за родниковой водой. Это глубокая впадина, на дне которой бьют ключи. Вода в них студёная до ломоты в зубах и прозрачная, как стекло! От родников бегут ручейки, которые, не найдя выхода, снова прячутся под землю... Дно ручейков усыпано разноцветными камешками...

Здесь мать раз искупала Зинку в ледяной воде. Намылила, а потом окатила из ведра. Сколько Зинаиде было лет? Кажется, ещё в школу не ходила. Наутро голова словно налилась свинцом... Вдруг прохладная ладошка опустилась на пылающий лоб. Открыв глаза, снова увидела милую девчущку с пригорка.

– Как тебя звать?

– Маруся.

– Хорошее имя – Маруся.

– Ничего особенного. Простое деревенское. У нас полдеревни так кличут...

Заботами Маруси Зинка и выжила.

Чего мать сделала для неё больше – хорошего или плохого? Пожалуй, плохого.

Вырастила из Зинки трудоголика и чистюлю.

Никогда не забыть, как мать заистерила однажды, когда Зинка попала под струи из чужого таза в общественной бане!

В первом классе Зинка возненавидела школу тоже благодаря усердию матери. Тогда заставляли выводить каждую букровку по прописям тонкой и жирной линиями. Мать сидела над ней, добиваясь каллиграфического правописания. Зинка терпела день, другой, а потом заявила, что не хочет больше учиться. Мать принялась уговаривать и задабривать. Повела в магазин и пообещала купить сладости, какие только понравятся. Зинка чувствовала подвох. А когда продавщица объявила, что не продаст конфеты, если Зинка отказывается ходить в школу, догадалась о сговоре...

Учёбу Зинка всё же продолжила. Ей нравилось узнавать новое. Мама больше не упорствовала со своими методами. Может, отец запретил. Именно он отвёл её первого сентября в первый класс, мама в тот день дежурила в больнице. Сам одел, причесал, привязал бантик к волосам и отвёл за ручку. А после школы отвёл к фотографу сделать фото на память: худенькая девчущка с острыми коленками в белом передничке и тёмном платье с кружевцем на стоячем воротничке и манжетах. Кружевце пришила мама...

Ещё раз мать чуть не угробила её, накормив приправой к блинам. Приправу эту делали в деревне родители матери, растирая с сахаром зелёные конопляные зёрна. Мать, по-видимому, хотела удивить чем-то новеньким мужа, Зинкиного отца. Но отец, попробовав, сплюнул со словами: какая гадость! А Зинка, чтобы не обидеть мать, ела, преодолевая тошноту. Угостились вечером.

Всю ночь Зинка тщетно пыталась выкарабкаться из глубокой ямы с обсыпавшимися краями... Бедная Маруся бегала вокруг, пытаясь помочь...

Наутро Зинку парализовало. Она не могла ни встать, ни пошевелиться, ни даже говорить.

Бабушка несколько раз подходила к её кровати, умоляя произнести хоть слово... Верная Маруся не покидала ни на минуту и моросила слезами...

Школа... полным ходом идёт подготовка к новогодним праздникам. В хореографическом кружке, куда Зинка записалась, разучивали вальс снежинок.

За неделю до выступления руководительница кружка раздала всем «снежинкам» выкройку пачек, которые следовало пошить из марли, густо накрахмалить и по возможности украсить блёстками.

Мама сшила, накрахмалила и разгладила. Обряд украшения был долгим: Зинка мелко кромсала ножницами ёлочный дождик и фольгу от шоколада, мама брызгала на марлевую пачку жидким клеем, а затем обсыпала блестящим крошечком. Стряхивала и снова обсыпала. Так надо было украсить весь лиф и каждую оборочку, и ещё белые балетные тапочки...

Когда Зинку сморил сон, она видела сквозь слипающиеся ресницы, что их с мамой заменила Маруся...

В день выступления Зинка в своём наряде переливалась и искрилась, как настоящая снежинка.

– Шикарный наряд! – похвалила учительница танцев.

– Славно у нас получилось! – радовалась Маруся, помогая Зинке освободиться от костюма. – Знаешь, меня научила так украшать одежду старая полька, у которой я жила на квартире. Она меня научила всё делать красиво, даже выстиранное бельё развешивать: кофту к кофте, юбку к юбке, на видное место, что получше, а что похуже спрятать в глубину...

Зинка едва её слушает. Ишь, разговорилась от радости, тараторка!

Над чем сосредоточилась Маруся?.. А-а, собирает подснежники, ярко синие граммафончики, которые спешат раньше всех навстречу солнышку, лишь только растает снег... Их расцветает так много, словно землю укрывают к празднику скатертью, расшитой лазоревым шёлком!

Маруся положила перед собой букетик и теперь тщательно перебирает, выбрасывая случайные травинки. Тонкие пальчики бережно складывают цветок к цветку.

Поднимает голову и, увидев Зинку, радостно улыбается и протягивает ей цветы.

Зинка не хочет брать. Улыбка гаснет на милом личике Маруси, детские пухлые губы шевелятся, словно хотят что-то сказать... Удивлённо и огорчённо уставилась она на подснежники, которые отказались взять: почему? Они не красивы? Ты их не любишь? Зинке бы поблагодарить, обнять и поцеловать эту славную девочку. Но у неё приступ вредности...

Отец куда-то уезжает надолго. Мать уходит на всю ночь, оставив семилетнюю Зинку одну в квартире. Шторы она постирала, а окна закрыла газетами с ужасными чудовищами на страницах: карикатуры КУКРЫНИКСов на американский империализм. Зинка с головой зарывается в одеяло, спасаясь от ужасиков... Мать, пропадая ночами, говорит, что уходит на работу, и маленькая Зинка верит и отпускает её, полуживая от страха...

Новое сновидение: Маруся вышивает батистовую кофточку при свете горячей печки. На керосин для лампы нет денег. Склонившись к огню, старательно выстраивает крошечные крестики из разноцветных ниток. Исполняет заказ. Дополнительный заработок, чтобы купить ещё ниток и вышить такую же модную кофточку для себя. Днём – работа

в больнице, вечером – репетиции хора, где она солирует, ночью – вышивание

Ай, да Маруся, какая красавица! Как идут ей эти туфельки: чёрный лак с замшей, высокие шпильки, хомутики с пуговками. От таких не отказалась бы сама Марлен Дитрих! Прошлась по комнате, снимает, ещё долго разглядывает, гладит руками, потом аккуратно складывает в коробку. В конечном итоге они достаются Зинаиде, студентке университета... Зинаиду распределили в сельскую школу. Молодым учителям надо где-то переждать: квартира для них будет готова только через неделю. Зинаида может пожить у родителей, час езды на электричке, а вот другой девушке, учительнице физкультуры, деваться некуда... Зина привозит её к себе домой, не зная о последствиях.

Всю неделю мать неустанно с утра до вечера пилила Зинку:

– Зачем она тебе? Пожалела, видите ли! Учти: она красивее тебя, опасная соперница...

Зря надеялась, что всё сложится мило и мирно, а вот не сложилось. По ночам, когда тихо плакала в подушку, Маруся утешала: всё ты сделала правильно! А насчёт красоты, так по мне, нет никого лучше тебя...

Зинаида просыпается, обрывая цепочку снов...

Мать отчего-то разволновалась, беспокойно вертит головой и торопится встать.

– Мне пора. Я засиделась. Встретилась с тобой и обо всём позабыла! Видишь ту звёздочку? Как ты её не видишь, она такая яркая?! Это мой путеводитель. Надо успеть, пока она не погасла... Дай-ка тебя обнять на прощанье, девочка моя.

– А разве мы не можем идти вместе?

– Нет.

– Почему? Пойдём со мной!

– Не могу.

– Тогда я пойду за тобой. Я не хочу оставлять тебя одну...

– Тебе в другую сторону.

И мать, повернувшись к ней спиной, заковыляла прочь, опираясь на палочку. Зинаида кинулась было следом, но неодолимая сила удержала её, не давая двинуться с места.

Мать тем временем удивительно быстро удалялась, словно уносимая невидимым эскалатором. Зинаида заметила, что стопы её снова босые и оставляют следы крови.

– Зачем ты разулась?! – кричит вдогонку Зинаида. Но мать даже не оглядывается, словно ничего не слышит. Зинаида делает невероятное усилие, чтобы кинуться к матери, и падает на землю. Она кричит и кричит до хрипоты, до боли в горле: мама, я же обула тебя, зачем ты снова разулась?! Зачем приснились мне эти дурацкие сны! Я люблю тебя, мама! Вернись, мама!

Мать уже далеко. Крики Зинаиды переходят в рыдания. От попыток ползти только глина забивается под ногти...

Чьи-то руки ласково прикасаются к ней, приподнимают, помогают встать на ноги, утирают слёзы... Маруся снова пришла на помощь.

– Не плачь, не терзай материнское сердце! Знаешь, как ему больно, когда ты рыдаешь?! Тебе тоже пора в путь. Вон твоя тропинка. Ну же, иди!

– Я давно хотела узнать, кто ты? Ты – мой Ангел-хранитель?

– Разве ты до сих пор не догадалась?

– Ну, конечно, ты – мой Ангел-хранитель.

– Я – твоя мама.

– Постой, а кто же та старушка с палочкой?

– Есть тело и душа... Ты должна продолжать свой путь! Я отпросилась ненадолго, чтобы поднять тебя. Иди, я буду смотреть тебе вслед...

И девочка предстала точь-в-точь, как в первый день их знакомства в далёком детстве: на пригорке, под высокой старой грушей, теребя длинную русую косу и с задумчивой улыбкой взирая на Зинаиду...

Милая девчонушка, всё ли в твоей жизни удалось, как мечталось? Твои дети оправдали, хоть в малой степени, твои надежды?

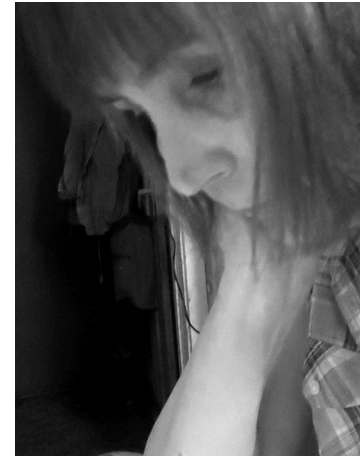
Зинаида, спотыкаясь, пошла искать свою тропу, подгоняемая неведомой силой.

А когда решила оглянуться, не было больше ни старушки с палочкой, ни девочки на пригорке, словно всё ей пригрезилось.

И она покорно побрела в сторону заката среди глинистой пустыни со скудной растительностью. Впереди пожаром полыхал горизонт. Из-под ног с криком взлетела испуганная птица. Стая мошкары вуалью накрывала голову и липла к лицу...

Людмила ОСОКИНА-ВЛОДОВА

Член СП Москвы. Родилась в г. Барнауле Алтайского края. Училась в Московском государственном историко-архивном институте. Стихи, проза, эссе, статьи печатались в журналах «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», газетах «НГ Exlibris», «Московский комсомолец», альманахах «День поэзии-2010», «Истоки», «Витражи» и многих других. Автор книг стихов «Природы затаённое дыхание» (1996), стихов и романсов «Кофейная девушка» (2010), романа «Новая божественная комедия» (2014, лонг-лист премии им. Дельвига), документального романа «Халупа» (Время, 2016. Диплом премии «Нонконформизм»). Живёт в Москве.

ВЕЧНЫЙ ОКТЯБРЬ

Зарисовки

Осенний пруд

Серый пруд. Серый ноябрьский пруд. Тёмная вода волнуется, трепещет под натиском осеннего ветра. Дрожит от страха перед холодами, перед зимним морозным пленом.

Что ждёт этот пруд в ближайшее время? Конечно же, ледяное оцепенение, долгий сон до новой весны.

Ах, на сколько месяцев прервётся жизнь в пруду, на сколько долгих зимних месяцев! А может, и не прервётся, может, и будет что-то происходить в самой водной глубине, там, подо льдом? Кто знает? Может, и будет.

А сейчас посеревшая от холода вода волнуется и бежит, бежит куда-то, и в то же время как будто и вовсе не бежит, а стоит на одном месте, только верхний слой её колышется, морщится мелкой водной рябью.

Свинцовая вода, свинцовый небосвод или, наоборот, свинцовый небосвод делает эту воду такой же свинцовой, серой, безрадостной?

А может, это только кажется, что всё так серо, скучно, безрадостно, может быть, наоборот, всё так, как надо, так же, как и всегда, как в какой-нибудь другой, возможно, и солнечный день? Плавают утки по водной глади, сидят рыбаки с удочками на берегу, гуляют мамы с колясками, гуляют собачники с собаками, прогуливаются неторопливые

пенсионеры. Голуби и воробьи подкармливаются у людей хлебными крошками и пшеном.

Даже в серый ноябрьский день жизнь на пруду идёт своим чередом.

Туман за окном

Белая мгла за окном, ничего не разглядеть. Что это такое: туман или первый снег? Глядела, глядела в окно, да так и не поняла, что это? Дальше застекления на лоджии не видно ни зги. Стало страшно, неужели такое может быть, ведь должен же быть хоть какой-то просвет? Но просвета нет, и от этого страшно. Граница оазиса.

А что если нет вокруг никого и ничего, и только ты со своей квартирой, своим домом паришь где-то во Вселенной в невесомости? Да и этого, возможно, нет, а всё видимое вокруг лишь плод твоего воображения... Всё это – твой внутренний мир, который никогда не станет внешним.

– Но кто-то же создал тебя? – вдруг скажет внутренний голос.

А почему кто-то? Может, этот кто-то ты сам и есть. Ты есть то, что ты создал. И этот туман за окном – предел твоих творческих возможностей. Дальше тебе уже ничего не сотворить. И не выйти за границы оазиса, за этот туман за окном.

Утки на пруду

Серый ноябрьский дождь. Утки на пруду. То-то у них веселье! Много их собралось: кучками, группками и на этом берегу, и на том. Взлетают с воды и опускаются на воду и не как-нибудь, а с размахом, с разлётом, долго ещё едут по воде, прежде чем окончательно приземлиться (или приводниться). Это у них, наверное, развлечение такое: вжи-к-к! и бороздят поверхность воды лапами ещё несколько метров.

А другие утки ныряют под воду, стоят потом вниз головами, а лапки и гузки их кверху торчат, выискивают там что-то съедобное клювами своими в водной глубине.

А ближние утки, которые на этом берегу, с этой стороны, как бы неспешно, задумчиво плавают, ждут подачек от гуляющих по берегу людей – ждут хлебных корочек и крошек. И люди бросают им с удовольствием, многие за этим сюда и пришли: покормить уток. Мамы с колясками, гуляющие неспешно пенсионеры, собачники с собаками. Вот кинули очередной кусок: кря-кря-кря! – всполошилось утиное сообщество, налетели, разобрали по клювам. Кря-кря-кря! – ещё хотят ненасытные!

А на берегу – голуби с воробьями тоже ждут подкормки. И голубям бросают, и они кормятся, и воробьи не отстают.

А утки на другом берегу просто веселятся: ныряя и выныривая, взлетая и приземляясь. Их там никто кормить не будет: берега крутые, нецивилизованные, не подойдешь. А уткам всё равно, весело резвятся в воде, брызги кругом летят: кря-кря-кря! кря-кря-кря!

Наверное, хорошо быть утками. И в дождливый день для них праздник! И для радости им ничего почти не надо: только водную гладь, немножко хлебных крошек и свободу: свободу взлетать и приземляться, приземляться и взлетать!

Кря-кря-кря! Кря-кря-кря!

«...И переполнится чаша сия...»

Дождь за окном... идёт и идёт... Всё залил вокруг, всё замочил. Когда же ты отстанешь от нас, дорогой?

Я смотрю на озеро с 15-го этажа. Оно там, далеко внизу, но мне немножко не по себе. Ведь когда-то может переполниться чаша сия, выйти из берегов и затопить всё вокруг. Ведь вышел же Амур!

А воды в озере всё больше и больше, и оно всё увеличивается после каждого такого дождя, всё увеличивается.

Возможно, это преувеличение, что озеро выйдет из берегов. Очень долго должно лить, чтобы оно реально вышло из берегов, а потом дошло бы до дома – тут метров 100 будет. Единственное успокаивает, что даже если и дойдёт до самого дома, то до 15-го этажа вряд ли доберётся.

Так-то оно, конечно так, но... Всё равно, водная гладь и бесконечный дождь выглядят угрожающе и вселяют безотчётный страх перед водной стихией, и никуда от этого страха не деться, никак не избавиться.

Стихия всегда сильнее человека и при случае всегда может расправиться с ним, как ни крути.

Поэтому и страшны мне дождь и тёмное, переполненное озеро – там, за окном.

Утиное царство

Прошла мимо озера: зима, декабрь, снег, мороз, озеро почти всё уже замёрзло. Но осталась у нашего берега небольшая полынья, которую облюбовали себе дикие озёрные утки. Они всё лето тут жили и на зиму улетать никуда не захотели. Так и остались на озере, а сейчас – вот в этой полынье.

Много их развелось за лето, да, в принципе, и новый выводок, и старые утки – все в одной куче, в одной большой полынье. Если так прикинуть на глаз, то сколько ж их будет? Может, 300-400, а может, и все 500. Но много, не вот тебе с десяток-другой, несколько сотен уж точно. Целое утиное царство! Живут себе бок о бок с людьми, в городе,

в большом городе, и ничего, живут, как видно, припеваючи. Вон какие упитанные и важные, да и чистенькие к тому ж!

«Они же диетические!» – глубокомысленно заметила одна пенсионерка. Да, действительно, утки эти диетические, выросли и окрепли на природном, экологически чистом корме, и вполне пригодны для стола. Только никто их здесь с этой позиции, конечно, не рассматривает, разве ж можно? Они тут вроде как только для интерьера, для красоты. У кого ж тут рука поднимется на уток! Нет, здесь их только кормят и любят ими, поэтому они и развелись в таком несметном количестве. Но всё равно, у всяких там голодных старушек, гуляющих по окрестностям, порой западают такие мысли в голову.

Да, утки диетические, но что же они тут едят, с чего они так разъелись? Вряд ли с хлеба, который им приносят гуляющие по берегу пенсионеры и мамочки с детьми. Конечно, их подкармливают хлебом, но вряд ли такого количества, какое им перепадает, достаточно для нормальной и даже сытной жизни. Их вон сколько, а хлеба, если кто и кинет, то так немножко, пара-тройка кусочков. Да и вряд ли хлеб является нормальной пищей для уток. Это скорее вредная для них еда. Но чем же они тогда питаются, с чего они так разжирили? Ведь в этой холодной, ледяной воде, вряд ли осталось хоть что-то, чем можно пропитаться! Всё это было летом, а сейчас в этой воде ничего живого нет. На льду, на снегу тоже ничего нет, а по помойкам и около домов утки не лезут, они же водоплавающие и держатся около воды. Да, вопрос вопросов!

И ответа на него я не нашла. Между делом я задумалась и о корме для других зимующих у нас птиц. Что, например, едят зимой вороны, голуби и воробьи? Вот представьте себе, на земле ничего раздобыть нельзя, земля засыпана снегом и достаточно глубоким, даже если порыться, ни до чего не докопаешься.

Дорожки тоже ледяные, либо асфальтированные, либо снежные. Ничего на них особо не собираешь. Деревья стоят голые и в снегу, есть немного ягод рябины, но на всех и на всю долгую зиму опять же не хватит. Вы думаете, все эти птицы кормятся на помойках? Я сомневаюсь, так как контейнеры с пищевыми отходами закрыты тяжёлыми крышками, потом мусор очень быстро увозят. Да и не видела я там особо никаких птиц, ну, может, иногда пара ворон или голубей где-нибудь крутится. Но ведь тех же самых ворон, да и голубей в округе довольно много, а вот чем они питаются зимой – непонятно. И пришла мне в голову мысль, что вряд ли они питаются чем-то материальным, потому что нет ничего для них съедобного зимой. Значит, есть какие-то альтернативные источники питания для птиц, которые неведомы нам. Вот так.

Но вернусь к нашим уткам. А что будет, когда замёрзнет эта полынья, куда они денутся? А ведь она замёрзнет, озеро у нас замерзает полностью, это только вопрос времени, и, возможно, через пару недель

всё озеро будет ледяным. А утки? А утки перейдут в таком случае на другую сторону плотины, где озеро наше превращается в бурный ручей, вот там они и будут обретаться, но только опять же: как? Там особо-то не поплаваешь, там очень бурная вода. Но даже эта бурная вода в сильные морозы замерзает полностью. И вот тогда куда они денутся? Даже не знаю. Этот вопрос недоступен моему пониманию. Может, перейдут на время в какой-нибудь иной, параллельный мир, переждут там морозы и потом опять устремятся сюда, к нам, в родное озеро.

Вечный октябрь

Осень на Озёрной. Поздняя осень. Ноябрь, 10-е число, но тепло, как в октябре или даже в конце сентября. Нет, в конце сентября даже холоднее.

Зима ещё далеко-далеко, за синими горами. А деревья уже сбросили листья и ждут скорого снега. Жаль, ведь снег ещё будет нескоро. А так, с листьями, был бы абсолютный октябрь.

Мне октябрь нравится, это мой самый любимый месяц. Поэтому и хочется, чтобы он как можно дольше длился, не только в октябре, но и в ноябре и даже в декабре. Но вот сейчас как раз самый октябрь, хотя по календарю – ноябрь.

Может, потому что нравится, поэтому и длится? Может быть.

Вечный октябрь.

Пусть будет.

Зачем мне какие-то другие месяцы и времена года, если мне нравится октябрь?

Значит, пусть он и будет.

Ну, к Новому году можно добавить немножко декабря, декабрь новогодний мне тоже немного нравится. Снег, лёгкий морозец. Ну, это после 15-го числа. Декабря, естественно.

А сейчас – серое небо, десятиградусное тепло, зелёные газоны и голые деревья, небольшой дождь.

Мой любимый месяц.

Вечный октябрь.

Лора ВЕСЕЛОВА

Образование высшее техническое. Член Российского Союза писателей. Автор трёх поэтических сборников и эпистолярного романа «Откровение» (2015). Состоит в литературном объединении «Чонгарский бульвар» при библиотеке имени Ф.И. Тютчева. Произведения печатались в журнале «Воин России» и в различных поэтических альманахах, а также в альманахе «Витражи». Как дочь офицера и жена офицера объехала весь Советский Союз. Главные ценности – семья и творчество. Москвичка.

НА РАССВЕТЕ

Приходилось ли вам просыпаться от пения птиц? Мне приходилось. Это необыкновенное ощущение.

Совершенно невозможно описать словами, как поют птицы на рассвете. Впрочем, и рассвет ещё не наступил, он только слегка угадывается в тёмном, чуть-чуть посветлевшем небе.

Тьюиль! Тьюиль! Тью-тью! Нет, это смешно и глупо пытаться передать человеческим языком птичьей трели!

А ведь на самом деле этот птичий предрассветный гомон необыкновенно красив!

Сам ты ещё не проснулся. Но к тебе в сознание пробивается птичье разноголосье. Оно как бы накладывается на твой предрассветный сон. И ты пребываешь в каком-то пограничном состоянии между сном и бодрствованием.

А птицы поют громко, без всякого смущения, совершенно не стесняясь своей базарной многоголосицы и не переживая, что могут разбудить людей.

Птицы добились своего – сон отступил. Теперь ты просто лежишь и слушаешь их гомон.

Лежишь с закрытыми глазами, наслаждаешься руладами и трелями, думаешь о чём-то приятном, а иногда и ни о чём не думаешь. Ты в музыкальной прострации.

И вдруг замечаешь, приоткрыв глаза, что за окном заметно посветлело.

И – о, ужас! – птицы почти смолкли. Так, отдельные чириканья.

Выходит, что к рассвету они замолкают, как бы наговорившись вдоволь. И этим рассветным молчанием они хотят подчеркнуть торжественность момента восхода солнца. Да здравствует Светило!

А ты вновь задрёмаешь в наступившей тишине. Сладок, хоть и не глубок этот рассветный сон.

5.05.2016, Карловы Вары

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Селигер. Меня это слово манило с детства. Вы думаете, это одно большое озеро на северо-западе России? Нет, вы ошибаетесь, это целая система озёр. Озёрный край. Огромный и прекрасный!

И вот наша встреча состоялась!

Моему скромному перу неподвластно описание всего великолепия этого уникального места на земном шаре. Впрочем, такая задача передо мной и не стоит.

Я хочу рассказать об одном научном эксперименте.

Приехали мы на Селигер двумя семьями на двух машинах жарким июльским днём. Не буду описывать дорожные мытарства. Дорога – это всегда романтика и неудобства одновременно. И каждый сам расставляет акценты.

К вечеру мы разбили лагерь на живописном берегу озера Белое, которое также входит в акваторию Селигера. Выражаясь языком мирового организованного туризма, наш лагерь располагался на первой линии.

Наконец-то можно спокойно посидеть у костра, любясь закатом над водной гладью. Красота неописуемая!!!

Ночь прошла спокойно. Утром начались обычные бытовые хлопоты: туалет, умывание, завтрак.

Туристы мы уже достаточно опытные. Имеем неплохое снаряжение. В этот раз наш друг Костя обзавёлся новым ручкой. Раньше мы делали его из большой пластиковой бутылки, но пробку периодически срывало, вода выливалась, словом, лучше использовать проверенный временем и советским деревенским бытом вариант.

И вот Костя очень торжественно прибил свой новый ручкой к самому крайнему дереву прямо на берегу озера. Отошёл на два шага, чтобы полюбоваться и своим приобретением, и своей работой, да вдруг вскрикнул от неожиданности: чуть правее от дерева стоял белый гриб.

Мы все сбежались на его радостные крики. Как он не сбил его, когда прибивал ручкой, неизвестно.

Белый был красавчик. Не очень большой, сантиметров 8-10, но такой правильной формы, с такой тёмно-коричневой шляпкой и с такой белой пузатенькой ножкой, что мы все им залюбовались. Надо заметить,

что в нашем Подмосковье мы не избалованы обилием белых грибов. Так, встречаются иногда. А может, мы не очень везучие грибники?

И тут кто-то сказал:

– А давайте проведём научный эксперимент. Будем наблюдать, как растёт гриб!

Все радостно согласились. И стали мы любоваться нашим грибом и все вместе, и по очереди, и утром, и днём, и вечером.

Прошло несколько дней. Жизнь в лагере была ключом. Рыбалка у мужчин не очень задалась. А вот грибов, да именно белых и подосиновиков, набирали каждый день помногу. Варили из них суп, жарили с картошкой, жарили без картошки, словом, объедались.

Прибавьте к этому меню вареники с лесной черникой, которой тоже было в изобилии, а вареники мы лепили с удовольствием, ведя неспешные дружеские разговоры, и вы поймёте, что проблема провианта была решена на «отлично».

Вот как-то сидим мы за столом, обедаем. Мимо проходит молодая парочка. И вдруг они приостановились около нашего рукомоиника.

Да, я совсем забыла сказать, что Селигер оказался очень цивилизованным местом. Фактически туристической Меккой. Для нас это было неожиданностью. Ведь мы ехали «за туманом и за запахом тайги» – целых пятьсот пятьдесят километров от Москвы. А тут обнаружили перенаселённый туристами край. Но это не помешало и нам любоваться его красотами.

Так вот, когда молодые люди приостановились возле нашего рукомоиника, который был прибит к нашему дереву, под которым рос наш гриб, мы в один голос закричали:

– Эй, ребята! Это наш гриб! Мы первые его нашли!

Парень с девушкой даже испугались слегка. И неловко извиняясь, пошли дальше по тропинке.

А мы выскочили из-за стола и окружили наш спасённый от чужого посягательства гриб-красавчик. И тут кто-то справедливо заметил:

– А ведь гриб совсем не растёт! Каким был, таким и остался.

Мы все как-то грустно вздохнули и даже приуныли.

Вечером у костра мы обсуждали тему нашего научного эксперимента. И пришли к выводу, что гриб прекращает свой рост, как только его кто-нибудь увидит. Процесс роста – это тайна. Тайна жизни.

И пусть она останется неразгаданной!

Юлия АРЕШЕВА

Член СП России, кандидат филологических наук, диссертация по жанрам религиозной философии Серебряного века. Окончила Высшие Литературные курсы. Автор книг «Ключи от Рая» (2004) и «Шестьдесят первое воплощение» (2016). Публиковалась в журналах «Юность», «Дружба народов», «Волга-XXI век», «Поляна», в альманахах «Московский Парнас», «Витражи» и других. Организатор Общества любителей русской словесности «Глагол», ведущая Клуба Содружества Современных Литераторов. Создаёт иллюстрации к книгам.

ЗА И ПРОТИВ

Рассказ

Иногда мне кажется, что я всё знаю и во всем уверена. Иногда я чувствую себя маленькой и растерянной перед огромным равнодушным миром.

И меня посещают мысли про то, что какая-то неведомая сила воспитывает в нас, людях, смирение. Куда хочешь двигаться – не очень получается. А вот даётся ситуация, когда нужно бороться за что-либо: за кусок хлеба, за работу, за жильё, за любовь... Или против чего-то бороться: против несправедливости, против одиночества, против соперников, против врагов, против дискриминации... За и против. И если судьба захочет, то может тебя и наградить чем-то. Но это «что-то» всё равно в итоге станет очередным испытанием. Рождаемся детьми и умираем детьми, так почти ничего и не узнав об этом мире. И что для чего здесь устроено, – не знаем.

– Благовещение – большой праздник! – говорит моя бабушка Антонина Андреевна, и голос её светлый, радостный. – А служба была долгая, а потом ещё было помазание, батюшка всем на лбу маслицем крестики рисовал. Домой только полдевятого пришла.

Бабушка ходила в церковь, на вечернюю службу. Ей уже 78 лет. У неё болят ноги. Таблетки и мази не особенно помогают, она ходит с палкой и, преодолевая боль, подолгу стоит в церкви, на службе.

– Ба, ты бы хоть с собой маленький раскладной стульчик брала. Я видела, старушки со службы возвращались с такими стульчиками. Когда устанешь, так ты и присядь.

– Да-а-а... Там, знаешь, какие старые бабки! И то не сидят – молятся на коленях, поклоны делают, я ещё так и не согнусь. А ты говоришь – «посиди»!

– А ты что, очень молодая, ба?

– Да, время летит, дни летят. У меня сейчас что? Целыми днями – дом, телевизор. Так жизнь и проходит. Для Бога человеческая жизнь – одно только дуновение.

– Как страшно, ба!

– А ты не думай об этом. Что тут думать? Вот, пойду ещё на соборование. Я каждый год хожу.

– А как это – «соборование», ба?

– Там много людей приходит: и молодые, и старые, а особенно – больные. Нужно купить свечку за пятьдесят рублей и ещё сто рублей положить. Потом священники встают в ряд и семь раз всех прихожан поминают, и мажут маслом нам лоб и руки. Так все грехи отпускаются, даже те, которые уже забылись. И можно постное масло освятить.

И бабушка крестится на образа.

* * *

В положенные дни бабушка постится. Варит щи из квашеной капусты.

– Как, – спрашиваю, – варишь?

– Ну, «как-как»? Сначала капусту варю долго-долго, потом кладу картошечку, потом морковку обжариваю на постном масле – и тоже туда. Нормально, обедать можно. Утром кашу делаю манную, на воде. Огурчик с помидорчиком купила – салатик будет.

– Ба, а зачем ты постишься?

– А, как же? Все постятся.

– Но при чём здесь все? Я спрашиваю: ты – зачем?

– Я в Бога верую.

– Он тебе сказал «поститься»?

– Я уже старая. Вот я, когда помоложе была, много работала и мало постилась. А сейчас я уж старая, а старым надо поститься.

– Но почему?

– Грехов потому что много.

– Будешь поститься – грехов меньше станет?

– А как же? Для смысла жизни надо поститься.

– А в чём смысл жизни, ба?

– Как «в чём»? Ты у священника спроси.

– А он откуда знает, ба?

– А он всё знает, он же священник!

* * *

– Всё проходит, вот уже и Пасха прошла, вот и жизнь почти пролетела – сколько мне уже лет! Время нас не спрашивает, оно идёт и идёт, как ему хочется, – говорит моя тётя Люда и поворачивает ключ в замочной скважине.

Мы заходим в квартиру к бабушке. Она живёт одна, дедушка умер несколько лет назад. В гостиной работает телевизор. Никто его не смотрит. Звук – на полную громкость. Пронзительным детским голосом звучит какая-то французская песня. И я чувствую всю пустоту этой музыки для данного момента. Для чего, для кого она звучит? Ни для кого. Кажется, она постоянно будет звучать, намекая на вечность.

– Время идёт, и мы стареем. Всё обман, – говорю я.

Из кухни навстречу выходит бабушка. Она не чувствует обмана:

– Как обман? Нет, не может такого быть.

Бабушка похудела и немного усохла. Она с радостью ходит в церковь. И сегодня там была. Напекла куличей и носила их на освящение.

– Юлюша, что ты хочешь?

– Да не знаю, ничего не хочу. Может, чай пить.

– Ну, пей. Чай горячий.

– А что ты чувствуешь, ба, когда в церковь приходишь?

– Чувствую, что пришла... что – на праздник! Хорошо! Удовлетворение чувствую, радость. Батюшки там... много их. И мы все хором: «Христос Воскресе!».

– Чувствуешь, что ноги гудят, усталость, – добавляет десятилетняя Алина, бабушкина правнучка, – мы кланялись, Юль, каждые две секунды.

Бабушка брала сегодня правнучку с собой в церковь.

– Долго стояли, ба?

– Да нет, Юлюша, не долго, с десяти до двенадцати, – бабушка вдруг задумывается. – А вот как же паломники всегда ходят? Вчера, вот, по телевизору показывали: люди проходят путь Иисуса Христа, по разным святым местам пешком идут...

– Да у них, наверно, дома никого нет, они люди одинокие, что им ещё делать? – предполагает тётя Люда. – Вот Римма Петровна – всегда в церкви, зато дома у неё не пойми что творится: грязь и бардак!

– А ей ничего и не надо делать, – заступает бабушка. – Она душу свою спасает!

– А мы что, душу свою продаём? – не сдаётся тётя Люда. – Значит, семью забрось, всё забрось, не работай, только в церковь ходи? Я понимаю, если люди меценатством занимаются, благотворительностью, бедным помогают. А она только всё для себя, в церковь ходит эта Римма Петровна!

– Вот пока люди молодые, они живут, как хотят, – говорит бабушка, – а когда состарятся, все в церковь идут, всех туда тянет.

– Они устраивают там службы по четыре часа! Только здоровый человек может такое выдержать, – возмущается тётя Люда. – А потом приходишь домой – ноги болят, всё болит.

– Зато батюшки какие хорошие в церкви, добрые! – восхищается бабушка. – А Римма Петровна – женщина богобоязненная, всё время молится на коленях.

– А я вот видела, как церковный служка (не батюшка, но служит там один) в прошлый раз молдаванку прогнал, которая побиралась. При нас он её не трогал, а когда мы отошли, он её своей палкой ударил. Она потом плакала, – вспоминает тётя. – Нет, ну... ты хочешь прогнать – прогони словами. Зачем бить-то? Мало ли, какая у неё ситуация. Может, ей, правда, жить не на что.

– Не надо никого осуждать, – говорит бабушка. – И его не надо. Если он не прав, ему перед Богом отвечать придётся.

– Все у тебя хорошие, ба, – встречаю я в разговор.

– А что, плохие, что ли? Ну вас! Нагретишь тут с вами. Идите вот лучше чай пить с куличами.

Елена КАТРИЧ

Окончила Дальневосточный государственный университет, биологический факультет. Автор сборника стихов и книги рассказов, а также книги удивительных историй для подростков «Эрик, сын крысы», представленной на Парижском книжном салоне-2016. Публиковалась в альманахах «Севастополь», «Российский колокол», «Писатель года», «Витражи», журналах «Дальний Восток», «Север». Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов, в том числе конкурса «Цветаевская осень».

ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА

Рассказ

Как я уже говорила, мой муж – персидский еврей, и на родном языке друг с другом общаться не приходится. Но некоторые понятия невозможно донести во всей их красе даже при самом блистательном переводе. Мне кажется, я имею представление, о чём писал Омар Хайям, но как знать, какие нюансы его поэзии остались недоступны без прочтения подлинников? Сколько ни переводы те же русские народные песни, как передашь особенности русской души?

Муж цитирует мне на персидском стихи Саади и восклицает:

– Эх, если бы ты как следует понимала, о чём там речь, ты бы плакала! Но что с тебя взять, ты же русская! Эх, да ваши женщины и любить-то по-настоящему не умеют. И зачем я только на тебе женился?..

Хоть я и понимаю, что муж лукавит, считаю необходимым возмутиться:

– Ой, да ваши восточные женщины просто воспитаны угождать мужчинам, поддерживать в вас, несчастных, высокую самооценку. Поёт дифирамбы какому-нибудь ничтожеству, и тот раздувается индюком, но как жена на самом деле к нему относится? А может, она просто сочувствует, что вот же угораздило мужиком родиться да при такой-то скудости ума...

– Что ты такое говоришь?! – теперь уже муж искренне возмущён. – Мужчина каждый день в своих молитвах благодарит Бога, что тот не создал его женщиной!

– Вот-вот! А я бы лучше молилась так: «Господи, спасибо, что не дал мне родиться болваном!».

– Молчи, женщина, а то я пожалуюсь на тебя раввину! И ведь говорили мне: русская жена – это головная боль...

– Да куда там! – перебиваю я. – Мы тоже знаем про ваших восточных дамочек – вон, на одной персидской княжне наш русский атаман женился, так заметь – на следующий же день выкинул её в реку с челна! Есть даже песня такая...

– Персидскую княжну?! И за что он с ней так?

– А за чрезмерную липучесть, любвеобильность, – без зазрения совести на ходу сочиняю я, – должно быть, прицепилась к человеку клещом, вот ничего и не оставалось, как в реку выбросить. Вроде тебя была, наверное. Ты вон тоже как пристанешь, так от тебя не отвяжешься.

– Бешеный вы народ, и атаманы у вас такие же. Я бы ещё удивился, если б тебя не знал. Меня тут спросили однажды, боюсь ли я тараканов, так я ответил: если уж не побоялся жениться на русской, – испугаюсь тараканов?!

– Вообще-то Стенька Разин просто решил сделать реке подарок... – пошла я на попятный, дабы разговор не ускользал в нежелательное русло, однако просчиталась.

– Подарок... реке?! Какая глупость! Значит, я правильно сразу понял, что это был сумасшедший, как и все вы!

– Да нет, вот как тебе объяснить?! Он ещё хотел показать, что ему ради боевых товарищей и жены не жалко. Ну, такая широкая натура...

– Ну и ну! И об этом песня? Да души у него нет! Утопить молодую жену из-за такой чепухи! Недаром удивляются, как это я столько лет женат на русской, и до сих пор жив! Надо будет произнести в синагоге брахат гомер¹!

Да, похоже, я опять наткнулась на тот самый нюанс, который объяснять иноземцу – провальная затея. Мой собственный дед был донским казаком, и мне ли не знать, что такое хмельной кураж, когда удал молодецкая рвётся наружу так, что душа горит, и тогда уже всё пропадай! Но чем больше объясняешь, тем хуже. Лучше уж я не буду вслух предполагать, что после свадебных возлияний Стенька, возможно, не успел протрезветь или был не в духе, потому что не успел опохмелиться, а то сразу же начнутся замечания о русском пьянстве...

Надо же, муж даже и не усомнился, что княжна утонула. Покладистая восточная жена по-другому и поступить не могла. Бросил муж в реку – тони! Даже обидно: не успела в воду попасть, как тут же камнем на дно. Хоть бы побарахталась немного...

Конечно, если в песне речь о персидской княжне, то вряд ли где-нибудь в гареме она могла научиться плавать. А будь это русская княжна – кто знает, кто знает... Ширина Волги примерно километр, к тому же плыть-то пришлось бы с середины, и что такое пятьсот метров даже при течении, если жить хочешь? А уж если задашься целью выплыть

¹ Молитва-благодарение за счастливый исход (ивр.)

и отомстить, то тем более выберешься. Достаточно представить, что брошенная в воду особа имела разряд по плаванию... Тогда всё могло сложиться примерно так:

...Стенька Разин подымает
Злополучную княжну
И за борт её бросает
В набежавшую волну.
А княжна-то – вот бедняжка! –
И не думала тонуть:
Сей же час она в размашку
За челном пустилась в путь.
Недовольства не скрывая,
Стенька глянул – вот те раз! –
А княжна, не отставая,
Перешла уже на брасс.
Психанул тогда он крепко,
Грубо вспомнил чью-то мать
Да и начал на всю реку
Пьяным голосом орать:
– Мужик княжна не пара!
На кой леший нам княжна?
Щас веслом тебя как вдарю!.. –
Но промазал с бодуна.
Он ловчился что есть силы
Отпихнуть княжну веслом,
Но она, меняя стили,
Знай – несётся за челном.
А у свиты страх на лицах:
– Что за баба? Ну и прыть!
Это, братцы, дьяволица,
Надо ноги уносить!
Налегли на вёсла хором...
Впредь уж, верно, будут знать,
Как жениться без разбору
И княжон за борт кидать.

Андрей КАЛЕЦКИЙ

Окончил Московский автодорожный институт, работал инженерно-техническим работником (ИТР). Состоит в СП России. Пишет в разных поэтических жанрах: любовная и пейзажная лирика, пародия и эпиграммы, короткий рассказ, очерк. Вышли в свет три поэтических сборника: «Душа стихами мне шептала...», «Родная речь», «Из сказки в быль», статьи опубликованы в «Независимой газете» и в «Московском Литераторе». Победитель поэтических конкурсов.

ПОЭТ

Маленький рассказ

Стоял душный июльский день. Я только вышел из Дома Творчества «Переделкино» и уже, было, хотел направиться к железнодорожной станции с одноимённым названием, как взявшийся неведомо откуда средних лет мужчина с синяком под правым глазом нетвёрдой походкой приблизился ко мне и, дыша в лицо перегаром, спросил: «Ты литератор?». На это я ответил незнакомцу, что имею некоторое отношение к литературе. «Тогда я почитаю тебе стихи собственного сочинения, – произнёс нетрезвый сочинитель, – вот послушай. Потом скажешь, как тебе». И начал читать свои творения. Стихи были так себе, да и читал он нарочито громко, но я терпеливо слушал минут пять, а затем, чтобы поскорее отделаться от навязчивого стихотворца, задал ему вопрос, глядя на его подбитый глаз: «А вы до меня кому-нибудь свои стихи читали?». Перехватив мой взгляд, декламатор неожиданно замолчал, а затем, слегка покачиваясь, побрёл прочь от меня. Позже я узнал, что это был уже состоявшийся в то время, а ныне довольно известный поэт Н.

2016 г

Галина МЯЗДРИКОВА

Член СП России. Автор книг: «Солнце под снегом находит цветы», «Окна судеб», «Плацкарт общения», перевода с венгерского книги для детей Арона Гаала «Петушок, который разбудил солнце». Награждена медалями М.Ю. Лермонтова, С.Я. Маршак, «Литературный Олимп» и орденом «За вклад в просвещение». Дипломант и лауреат многих литературных конкурсов, среди них: «Лучшие поэты и писатели России», «В гостях у сказки», «Литературное достоинство России», имеет награды как детский писатель. Учителю математики в школе.

МОЙ ЧЁРНЫЙ ХАН

Рассказ

Это я – о коте. Родился котёнок у сиамской кошки. Чёрный совсем. Ему дали имя Хан. Рос он сильным и смелым, наверное, потому что так назвали. Однажды идёт котёнок по забору, а внизу – пёс. Большой пёс. Стал лаять. Ханик спинку выгнул, зашипел. Но от сильного напряжения с забора упал прямо перед пастью собаки. Вскочил, снова спину выгнул, но зашипеть не успел: в обморок рухнул. Собака от удивления ни шагу не сделала. Так и «зависла» около лежащего малыша. Хорошо, что быстренько люди подобрали его да в чувство привели.

Так вот, рос Ханик, рос и стал большим Ханом. Понял он, что сильнее многих котов, умнее некоторых людей, и начал жизнь свободного индивида.

Идёт как-то женщина, живущая в соседнем доме, видит чёрного красавца, да как заголосит: «Враг мой! Враг мой идёт!». Зачем же так? Какой он враг? Кот просто. А она: «Он курицу у меня украл!». Стали выяснять, где эта самая курица бегала. Оказалось, что вовсе и не бегала, а лежала в блюде на веранде, готовясь быть съеденной за семейным обедом. Так нечего окна открытыми оставлять! Он же КОТ! Он по природе своей обязан был украсть эту курицу.

Ещё не нравилось соседке, что Хан гоняет её Рыжика, котика домашнего. А Рыжик тоже не маленький вовсе. Но почему-то с Ханом совладать не умел и частенько припечатывался к забору чёрным соперником. Многие замечать стали, что с некоторых пор количество чёрных котят в посёлке резко возросло.

Рассказывали, что орёт Хан «нечеловеческим» голосом. И не голос,

а голосище у него, которого люди пугаются. Не так всё это! Вот он сидит на кухне, мурлычет и тихонечко, нежно, ласково произносит своё: «Мяу». Молочко попьёт, колбаску съест, «спасибо» скажет и гулять отправляется.

Сидят хозяева на скамеечке у забора, слышат хриплый кошачий бас: «Ма-а-а-ууу!». Интересно, что это за зверь по ту сторону забора пробрается?

Тут зверь этот решил на забор прыгнуть, поскрёбся немного и будто голос пробует. То так «мяу» своё скажет, то эдак. Только с каждым разом это «мяу» становится мягче и тише. Тут как вспрыгнет зверь на забор, как замячит нежно и ласково, как удивятся свидетели перемене мяуканья! На колени к хозяйке прыгнул, голову под руку подставляет, дескать: «Погладьте меня, да пожалейте, а то измучился совсем врагом ходить по дворам чужим».

Алла ВАЛЬКО

Член Российского Союза писателей. Изданы книги: «Тридцать девять лет в почтовых ящиках» и «Америка моими глазами». Победитель конкурсов альманаха «Российский колокол» (2013, 2014) и МГО СП «Литературная республика» (2014) с вручением именной статуэтки «Золотая звезда». Награждена «Золотым дипломом» «за творческую индивидуальность и высокохудожественные произведения», медалью Московской литературной премии (2015), а также орденом имени С.А. Есенина.

МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ В ПРЕКРАСНОМ ГОРОДЕ

Из серии репортажей о турпоездке по Украине

Из Луцка наша туристическая группа направилась в Киев через Житомир, где я собиралась остаться, чтобы продолжить путешествие уже самостоятельно. Здесь мне обещала помочь с устройством в гостинице или на частной квартире моя знакомая Марина, живущая в этом городе.

Наш миниавтобус быстро мчался по шоссе. Находившиеся в нём пассажиры стремились пораньше прибыть в Киев, но, тем не менее, время стремительно приближалось к восьми часам вечера. Уже темнело, и я позвонила Марине, надеясь получить у неё подтверждение готовности принять меня. На мой вопрос, могу ли я сейчас приехать к ней, она ответила, что по прибытии на автовокзал я могу сесть на городской транспорт и доехать до её дома. Ехать до автостанции нам предстояло ещё не меньше часа, и я подумала, что искать в темноте дом Марины в незнакомом городе мне будет сложно.

Руководитель нашей группы Иван слышал мои переговоры и не остался равнодушным к моей проблеме. Он предложил остановиться в отеле «Ялинка», расположенном при въезде в город рядом с трассой, по которой мы ехали. Иван добавил, что хотя в гостинице недавно был проведён ремонт, она всё равно достаточно дешёвая. Я согласилась. Позвонив в гостиницу, Иван забронировал для меня номер.

Когда автобус остановился, чтобы высадить меня, я тепло попрощалась с киевлянами. За то короткое время, что мы провели вместе, мы сроднились, и мне было жаль расставаться с моими новыми друзьями. Я пожелала всем счастья, мирной жизни, в которой все они нуждаются, и успехов в работе. Один из туристов подхватил мой чемодан и побежал

с ним к гостинице, а потом так же бегом вернулся к отъезжавшему автобусу.

Над входом в гостиницу красовалась вывеска:

«Обновленный готель “Ялинка”» («Обновлённый отель “Ёлка”»). Название отеля по-украински произносится как Ялинка, и я была готова повторять это слово снова и снова, настолько оно мне понравилось. В вестибюле я подошла на ресепшн, за стойкой которого восседала важная дама. Она задала мне несколько вопросов, заставивших меня удивиться: приехала ли я в Житомир в командировку или просто на отдых, и бывала ли я здесь раньше. А потом она повела меня на второй этаж, чтобы показать номер.

Я была очарована. Чувствовалось, что в этом помещении недавно был проведён ремонт, всё сверкало чистотой, стены оклеены красивыми обоями с широкими вертикальными полосами с тиснёными на них розами, при этом ярко золотистые полосы чередовались с бледно-золотистыми, создавая исключительно благоприятное впечатление. В глубоком алькове стояла широченная королевская кровать, накрытая золотистым покрывалом в тон обоев. Огромная ванная комната с большой угловой ванной тоже потрясла меня белизной кафеля и сантехнических устройств. Я молча взирала на это великолепие, а администратор удовлетворённо наблюдала за мной.

Разложив вещи, я перекусила тем, что взяла с собой в дорогу, а потом решила принять душ, без которого не могу заснуть. При ближайшем рассмотрении я обнаружила, что борта ванны очень высокие. Я дама маленького роста, так что залезть в ванну и выбраться из неё для меня оказалось не таким-то простым делом. Другим моментом, неприятно поразившим меня, было отсутствие шторы, защищающей пол от потоков воды. И в самом деле, как только я повернула кран душа, вода полилась на кафельный пол и, что ещё хуже, на подоконник, так как угловая ванна одной своей стороной примыкала к глухой стене, а другой – к стене с окном. Я начала отчаянно сгребать ладонями воду с подоконника в ванну, но это ничего не дало. Вода заливала подоконник снова и снова. Тогда я подумала, что, возможно, ванна предназначена для принятия не душа, а именно ванны, и посмотрела на сливное отверстие. Увы, пробки-затычки даже рядом не оказалось!

Я едва сумела выбраться из ванны и босиком направилась к вешалке, где повесила своё полотенце. Про себя же отметила, что очень неудобно, когда полотенце висит так далеко. Одевшись, я позвонила в регистратуру и сообщила, что вода из душа разливается по всей ванной и подоконнику, на что дежурный администратор ответил, что всё в порядке, так и было задумано! Мне оставалось только удивляться.

Оглядев теперь номер более критично, я увидела, что в нём нет холодильника и телевизора, а большие настенные часы стоят. Встав на стул и сняв их со стены, я поняла, что в них нужно поставить новую батарейку, однако снова беспокоить администратора ночью не стала.

Ну, и, наконец, я подошла к кровати, чтобы лечь спать. И тут я осознала, что кровать вплотную примыкает к обеим стенам алькова, и ни с одной стороны невозможно пройти к изголовью, а можно лишь проползти туда с торца кровати. Обычной прикроватной тумбочки не было и в помине. «Куда же я положу свои лекарства, которые принимаю на ночь или которые могут мне понадобиться в экстренных случаях?» – размышляла я.

Тогда, уже рассердившись, я вытащила ящик для белья из платяного шкафа, перевернула его вверх дном и, поставив в торце кровати, разложила на нём свои таблетки и капли. Когда я подползла к подушке, мне пришлось встать в кровати на ноги, чтобы включить настенное бра, которое висело чуть ли не под потолком. Однако ни современного выключателя, ни каких-либо дёргающих устройств я не обнаружила. Бра висело, видимо, для красоты.

Чаша моего терпения была переполнена. Во внешне привлекательном номере всё оказалось либо не действующим, либо совершенно не приспособленным для нормального функционирования. Однако сейчас у меня не было другого варианта, и я постаралась заснуть. Пока я лежала, мне в голову произвольно лезла одна и та же мысль: «Идиё-ё-ты! Ну, к чему мне ваши розочки на стенах, если здесь невозможно нормально жить?».

На следующий день я встретила с гидом по Житомиру Сергеем Владимировичем. Узнав, что я остановилась в гостинице «Ялинка», он заметил, что она находится очень далеко, на окраине города, и предложил мне поселиться в гостинице «Житомир», расположенной в самом центре. Он же договорился с администратором гостиницы о моём обустройстве на новом месте.

В жаркий августовский день мне пришлось ехать в «Ялинку», а потом уже с чемоданом возвращаться в центр города. Но оно того стоило, поскольку отсюда до любого места было, как говорится, рукой подать. В гостинице «Житомир» мне предоставили номер на четвёртом этаже, совсем небольшой, давно не ремонтировавшийся, со старой мебелью и старым сантехническим оборудованием, но в нём всё функционировало. Кровать была неширокой, но к ней было удобно подойти, возле кровати, как и положено, стояла тумбочка. В номере были холодильник и телевизор, показывавший, правда, только одну программу.

Некоторые затруднения у меня вызвал кран в ванной комнате. Он работал по очень хитрой, одному ему известной схеме, и в какой-то момент я даже подумала, что у меня в номере отключили воду, так что пришлось обратиться к горничной. Она показала, как работает кран, и подбодрила меня, сказав, что абсолютно все клиенты гостиницы не сразу могут сообразить, как им нужно пользоваться. Ещё одним досадным для меня моментом было обилие в номере каких-то насекомых, похожих на моль, только очень мелких. Они изрядно досаждали мне.

Однако претендовать на лучшие условия не приходилось, так как этот номер стоил баснословно дёшево. Если мне не изменяет память, то всего сто двадцать гривен в сутки. В кафе гостиницы были также очень дешёвые комплексные обеды.

Впрочем, я и о «Ялинке» не могла сказать, что там дорогая еда, да и дежурившая в день моего переезда в другой отель менеджер оказалась чрезвычайно доброй и даже не взяла с меня штраф за то, что я просрочила время освобождения номера. Вот так в течение всего лишь нескольких дней мне довелось жить в двух гостиницах Житомира. Ну, а как поразил меня сам город и его история – об этом отдельный репортаж. Приключения в гостиницах ничуть не повлияли на моё восторженное отношение к родному городу моей мамы.

Ольга РЕЙМОВА

Родилась в городе Уфе, по образованию математик. Член СП России. Автор семи книг. Стихи и проза печатались в альманахах и журналах, в том числе: «Бельские просторы», «Журнал Поэтов», «Золотое руно», «Кольцо А», «Витражи». Автор публикаций в приложении к «Независимой газете» «EX-LIBRIS». Награждена медалью к юбилею М.Ю.Лермонтова, дипломом им. Ф.И. Тютчева конкурса «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Русский пейзаж» за стихотворение «Раздумье».

ПУТЕШЕСТВИЯ ЗА НАСТРОЕНИЕМ

В городе Сочи тёмные ночи

В Сочи мы с дочкой решили поехать на январские каникулы. Заказали отель недалеко от набережной и экскурсию в Олимпийскую деревню. Когда решили ехать, то думали, что народу никого не будет, – зима, холодно и в Сочи, где действительно тёмные ночи. Мы целый день гуляли и в отель возвращались затемно, при свете уличных фонарей.

Перед поездкой одна моя приятельница посоветовала обязательно попробовать местный рыбный деликатес – барабульку. Поскольку у нас было всего четыре дня, то решили в первый же день на ужин найти ресторан с барабулькой. Праздничный город украшен новогодними ёлками, шарами, серпантином. Нашли кафе, посмотрели, есть ли барабулька. Официант сказал: есть – и самая свежая, только сегодня привезли. Заказали блюдо лишь мне, потому что моя дочь не ест ни рыбу, ни мясо и ничего другого, что двигается. Так что я наслаждалась барабулькой в одиночестве, а дочь всё время спрашивала: «Вкусно?». Видимо, я ела с таким удовольствием, что невольно возникал такой вопрос. И каждый следующий обед или ужин я брала эту барабульку и с благодарностью вспоминала прекрасную Танечку с её рекомендацией.

В этот же день мы гуляли по набережной. К нашему удивлению, народу для этого времени года и тем более для января, было много. Я подумала, а что же тогда там творится летом, наверное, яблоку упасть негде! Вдоль набережной всякие магазинчики, киоски, и все отдыхающие заходят, покупают себе что-нибудь из одежды или сувениры.

Кстати, так сложилась моя жизнь, что до этого в Сочи я не была ни разу. Город мне понравился, много интересных построек, пальмы. В день нашего приезда был сильный снегопад, и все пальмы были окутаны снегом, и лапы пальм поникли. Наутро весь снег растаял, и пальмы ожили! Вот, даже зимой этот город – курорт! Город создан для отдыха.

Поездка в Олимпийскую деревню забываема. Ездили на микро-автобусе. Водитель, он же экскурсовод, много интересного рассказал про эти места. Снега в этот день было не просто много, а очень много! Если в городе Сочи он утром растаял, то здесь – сплошные сугробы. В Олимпийской деревне мы провели весь день, побывали на Красной поляне, в Роза хуторе, в экстрим парке.

В город вернулись уже затемно, после девяти часов вечера. Водитель был очень серьёзный, в дороге он рассказывал об этих местах и хотел, чтобы его внимательно слушали: если он улавливал разговор в салоне, то замолкал и просил не разговаривать. А в конце предложил задавать вопросы, которые возникли у пассажиров. И подробно отвечал на них. Он нам поведал историю этих мест с незапамятных времён. И, несмотря на такую снежную и ветреную погоду, мы благополучно вернулись в Сочи.

В день отъезда решили ещё погулять на море и сделать больше фотографий. Море очень штормило. Дочь встала на пирс почти у самого края, а я, естественно, двигалась ближе к ней, чтобы крупнее сделать кадр. А в это время набежала такая высокая волна, что окатила нас с головы до ног. Вернуться в отель мы не могли, потому что уже сдали номер, просушиться нам негде. Но, на наше счастье, день был очень солнечный, и мы решили, что погуляем здесь и высохнем под жарким солнцем. У меня хоть ноги были сухие, потому что брюки поверх сапог, а у дочки джинсы заправлены в сапожки и там, оказывается, хлюпала вода, но я про это не знала, потому что на мой вопрос, сухие ли сапоги, она ответила: да, да, конечно, сухие.

Мы решили ещё посетить художественный музей. Обошли все залы, просмотрели картины, порассуждали о том, какой хороший музей, и здесь есть совсем неожиданные картины нам неизвестных художников. А потом она предложила пойти вымыть руки, и мы спустились в туалет, там она сняла свои сапоги, вылила воду и стала сушить их на сушилке. У меня был просто шок от увиденного, и от того, что дочка от меня скрыла! Ведь мы могли бы купить ей новые сапоги – работали все магазины и деньги у нас были. Я стала возмущаться, но она привела меня в чувство, как это она умеет делать совершенно спокойным голосом: всё хорошо и всё обойдётся. К счастью, действительно всё обошлось. Однако без приключений и каких-то неувязок не бывает путешествий.

Кипр – остров мечты

Путешествовать всегда приятно. В этом году мне повезло многократно. В апреле я путешествовала на остров Кипр с дочкой и внучкой. В это время года на острове тепло – не бывает очень жарко. Там особенная атмосфера.

Мы жили десять дней в городе Айя-Напа в апартаментах. Вход отдельный, две комнаты, одна из которых совмещена с кухней. В кухне все принадлежности: буфет с посудой, фужерами и чайными чашками, приборы к столу, холодильник, электрическая печь с духовкой, где при желании можно испечь пирог или печенье, микроволновая печь для подогрева еды. В общем, всё есть, и можно самим готовить. Мы, конечно, сами не готовили. Завтрак был включен в стоимость проживания. Мы часто ужинали в ресторане при отеле. Когда шеф-повар заметил, что моя дочь вегетарианка, он подошёл к ней и подробно расспросил, что она включает в свой рацион. И потом они стали больше готовить разных вегетарианских блюд для неё, а иногда персонально нам приносили к столу какое-нибудь блюдо типа спагетти или пельмени с сыром.

При апартаментах был большой балкон, где я каждый вечер отдыхала от дневных экскурсий и любовалась на ночное небо, на котором ни тучки, ни даже облачка, только мерцание звёзд и аромат цветов, которых я прежде не видела.

Рядом с апартаментами бассейн, всего шагах в десяти. И всё это на берегу Средиземного моря, до которого рукой подать! Пляж немного дальше от этого места, но до него прогуляться по берегу – одно удовольствие. В этом месте Средиземное море очень чистое, видно камушки на дне. Мне нравилось тут гулять и просто посидеть на лавочке. Кроме красоты, здесь тишина, только голоса птиц и шум моря и ветра. Я сижу и смотрю на море и на небо, и кажется, что во всём мире так же тихо и ясно. Дождей в этих краях, по рассказам гида, почти не бывает, всего пятнадцать раз в году. Мои девочки ходили на пляж подальше, где песчаный берег. Я тоже пару раз туда прошла, но не с ними, а одна. Они ходят бодро и быстро, а я потихоньку, разглядывая всё по сторонам.

Кипр для меня сказка. Много впечатлений от путешествия. Кроме прекрасной погоды, мне понравились жители острова – киприоты. Они очень красивые, приветливые и добрые. Посещая экскурсии, я узнала, как много выстрадал народ на этом острове. Кипр хотели присвоить многие страны, но киприоты отстаивали свою независимость в семидесятые годы прошлого века. Жители острова бережно чтят память борцов за свободу – здесь много памятников. Но северная часть острова принадлежит Турции, на границе живёт женщина – очевидец тех событий. У неё пропал брат без вести, но она надеется, что он всё-таки жив и вернётся. В её кафе выставлены его фотографии и описание боёв,

в которых он участвовал. Такая память очень трогательна. У всех стояли слёзы в глазах, когда слушали эту историю. Она не уезжает с этой границы, ждёт брата уже много лет. До той войны их семья здесь жила.

Мы посетили шоу фонтанов «Водная феерия». Великолепное зрелище! Фонтаны «пели» и «танцевали» под музыку разных стран и народов. Но когда зазвучали наши «Калинка» и «Катюша», то весь зал восторженно кричал и аплодировал. Это был искренний восторг, а у меня опять слёзы, но это слёзы счастья, что наши песни звучит в чужой стране, вдалеке от дома. Я стала какая-то уж очень сентиментальная! И мне ещё понравился концерт фонтанов – звучала музыка Арама Хачатуряна «Танец с саблями» из балета «Гаянэ»! И прекрасен был танец воды под музыку Чайковского. Всё это действо проходило под открытым небом, вечером.

Прогулки по улицам города оставили приятное впечатление: красивые, в греческом стиле белые строения вызывают восторг. Кругом цветы и парки. Прогулка на корабле «Чёрная жемчужина» по Средиземному морю никого не оставила равнодушным! Смелые на остановках прыгали в море с верхней палубы. Моя внучка тоже прыгала, а я за неё ужасно волновалась. Кроме того, мои девочки приняли участие в шоу на джипах. Но меня там не было, я не поехала с ними. Внучка четыре раза проплыла вокруг камня, где, по легенде, Афродита вышла из пены морской. Много интересного увидели и услышали.

Как-то давно я написала стихотворение «Одинокий остров». Вот и исполнилась моя мечта! Я побывала на этом острове и была там просто зритель...

Хочу на остров одинокий,
Где буду я совсем одна.
Хочу увидеть край далёкий,
Где никому я не нужна.

Хочу я в тихую обитель,
Где нет ни страсти, ни любви,
А я там буду просто зритель,
Не зная грусти и тоски.

Я стану жить, как Робинзон,
Вставать под птичье пенье,
И вдаль смотреть на горизонт,
И ждать лишь вдохновенья.

Уфа – родные пенаты

В мае я побывала в своём родном городе Уфе, где родилась и прожила большую часть своей жизни. Уфа – очень красивый зелёный город. Мы ездили с дочкой, прогулялись по всем паркам города, их много. Вспомнили детство и нашу жизнь, навестили родственников, у нас их там совсем мало осталось. Многие ушли в мир иной, и мы навестили могилы ушедших.

Когда гуляли по городу, я обратила внимание, что моя дочь как-то изменилась, у неё в глазах светилось счастье, которое всколыхнули эти воспоминания детства и юности. Родные края никогда не оставят нас равнодушными.

Город приготовился к празднику Дню Великой Победы, всё ухожено, чисто, сверкает, улицы украшены гирляндами! На берегу реки Белой на скале высится памятник башкирскому герою Салавату Юлаеву, и около него гуляет народ, угощаются башкирскими блюдами, покупают башкирские сувениры. Праздник! Здесь мы встретились с моей однокурсницей, подругой, можно сказать, всей жизни. Рядом наш Университет, где учились все мы и наши дети, это родное место для нас, здесь прошли лучшие годы жизни. В Уфе мы посетили самые любимые места: это и висячий мост в парке Салавата Юлаева, и аллея по улице Пушкина, и детский парк имени Ивана Якутова, в котором выросли все наши дети.

Мы были в Уфе всего три дня, стояла тёплая солнечная погода. С каждым годом становится труднее выбираться в свои родные края. Пусть здравствует и процветает Уфа со своими чудесными парками, пусть счастье и радость не покидают этот прекрасный город!

Санкт-Петербург – город-музей

Мы семейно любим этот прекрасный город-музей на Неве, как бы его ни называли: Петербург, Питер, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург. Всегда хочется поехать в этот город, погулять по Невскому проспекту, постоять на Дворцовой площади, зайти в парк к Екатерине Великой, пройтись по набережной Невы, побывать в Русском музее и задержаться там на целый день. И неважно, как он нас встретит, – солнечным или дождливым днём – в любом случае он раскроет нам все свои красоты и самые интересные места.

В июне поехали в Питер на белые ночи. В день приезда прошли пешком от Московского вокзала до отеля, где заказали себе номер. Это далеко от вокзала, на Набережной канала Грибоедова около Мариинского театра.

И в первый день приезда посетили Мариинский театр, смотрели «Бахчисарайский фонтан». Это первый балет, который я видела в детстве, наверное, мне было тогда лет восемь или девять. И в этот раз

испытала опять восторг от просмотра. Дирижировал Валерий Гергиев. В эти дни в Санкт-Петербурге проходил XXIV музыкальный фестиваль «Звёзды Белых ночей». Был полный аншлаг. Мы сидели в ложе бельэтажа и видели весь оркестр и дирижёра. Такое останется в памяти навсегда.

Но этот восторг продлился и в кафе «Театральное», куда мы зашли поужинать. Была суббота, а в кафе в четверг, пятницу и субботу перед посетителями выступает арфистка. Такая неожиданная и великолепная встреча. Мы не ушли из кафе, пока она не закончила своё исполнение. Сидели и наслаждались музыкой.

На другой день ездили в Петергоф. Погода была дождливая, порой дождь так лил, что пузыри пускал по асфальту. А потом тихо, и опять можно прогуляться. Во Дворце Петра была впервые. Восхищена! Экскурсовод рассказывала много интересного. И я приехала из Петергофа гордая и счастливая, что живу в прекрасной стране, где есть такая чудесная история! Во мне возликовал патриотизм, как в детстве. Из Петергофа мы плыли на катере, где нам предложили посмотреть и купить на память виды Петербурга и Петергофа, и ещё я купила книжечку «Жёны царей».

А на следующий день поход в Русский музей, опять восторг, опять вдохнула русский дух, опять счастье, что я именно здесь! Картины Айвазовского уже который раз притягивают магнитом, и невозможно оторваться. Тут я уже основательно устала, и можно сказать, что сидя разглядывала картины.

У нас было всего три дня, и мы ещё вернёмся в этот замечательный город в устье реки Невы на Финском заливе!

Нина СОРОКИНА

О НАШЕЙ ЖИЗНИ

Герои нашего времени

Эссе

Кто они, сегодняшние герои нашего времени? Когда задаёшься этим вопросом, берёт оторопь и приходишь в ужас. В наш век потребления, повсеместного распространения Интернета многие вдруг возжелали славы. Появилась даже такая телевизионная передача «Минута славы». Но там люди хотя бы достигают её путём своих талантов, труда. В жизни же сейчас мы наблюдаем порой чудовищные или просто откровенно циничные случаи.

Последние примеры, которые буквально всколыхнули так называемую общественность. Выпускники академии ФСБ отметили свой выпускной массовым автопробегом по улицам Москвы на элитных машинах Гелендваген. Это происшествие вызвало неоднозначную реакцию как со стороны правоохранительных органов, так и пользователей сети Интернет.

Такую же неоднозначную реакцию вызвал другой случай. Игроки сборной России Мамаев и Кокорин после провала футбольной команды на Евро-2016 развлекались в одном из элитных заведений Монте-Карло, по информации ряда СМИ, потратив около двести пятьдесят тысяч евро на свою вечеринку.

Несколько дней будоражило и вызывало возмущение, на сей раз однозначное, появление видео в Интернете жестокого убийства подростками котёнка.

Хорошими делами прославиться нельзя, как было сказано в одном советском мультфильме. Кстати, о советских временах. Героями были, прежде всего, люди труда, потом космонавты, выдающиеся люди, внесшие свой вклад в науку, культуру и т.д. Но вот один герой из прошлого и настоящего. Некоторые строчки его трудовой биографии: секретарь обкома комсомола, один из заместителей заведующего международным отделом ЦК ВЛКСМ и т.п. – это в прошлом. Что в настоящем: работник администрации Президента РФ, работал также в секретариате Председателя Государственной Думы... Награды – целый иконостас. На его юбилейном торжестве, где присутствовали известные и просто статусные лица, показали фильм о достижениях и свершениях героя, где в центре внимания сам герой с известными людьми. А достижения, свершения – в чём конкретно? И ведь сам герой, и его окружение искренне считают, что жизнь удалась! Но, как показывает жизнь, таких героев история забывает быстро.

А таких, например, как Герострат, нет. Но это слава другого рода.

И геростратов, и дутых героев – тьма тьмущая, благодаря Интернету порой становящихся мировыми «знаменитостями». Время сейчас такое: циничное, жестокое, в обществе отсутствуют общепринятые критерии «добра-зла». О разгуле преступности, уровне коррупции можно и не упоминать, давно это перестало удивлять и возмущать, в какой-то мере это волнует разве что совсем уже равнодушных граждан. Какие времена, такие и герои!

Решающий аргумент

Зарисовка

Как-то была свидетелем интересной сцены в автобусе. Время было вечернее, в автобус набилось много людей. Я находилась в передней части салона. В задней же части разгорался скандал с оскорблениями, использованием ненормативной лексики. Чего не поделили оппоненты, я так толком и не поняла, к тому же мне их и не было видно. Пассажиры начали возмущаться: одна женщина пригрозила вызвать полицию, другой пассажир требовал высадить их, третий пытался призвать к порядку, мотивируя тем, что он хочет ехать в тишине. Но спорщики не унимались. По голосу слышно было, что один находился в состоянии алкогольного опьянения.

На одной из остановок вышло большое количество пассажиров, и мне удалось пробраться в хвост салона, чтобы посмотреть на скандальных пассажиров. Тот, который был явно пьян, оказался мужчиной среднего возраста. Другой – совсем молодой парень. Перед тем, как мне выйти из автобуса, увидела следующую картину. Молодой парень встал со своего сидения, подошёл к мужчине и спросил:

– Ты хоть знаешь, сколько будет двадцать пять умножить на двадцать пять?

Тот молчал.

– А я знаю, – торжественно объявил парень и назвал цифру, – шестьсот двадцать пять!

На какой-то момент воцарилось молчание. Пассажиры стали улыбаться. Инцидент был исчерпан.

Я не еду в Ленинград

Зарисовка

Очередная поездка в Санкт-Петербург и снова на конференцию. Билеты, как обычно, покупаю в кассе Киевского вокзала. Подходит очередь, заказываю билеты в Санкт-Петербург – туда и обратно. Кассир,

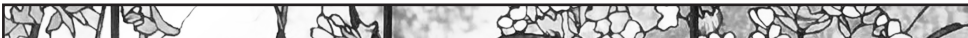
немолодая женщина, говорит вслух: «один билет в Ленинград». Я её поправляю: «Нет, в Санкт-Петербург». Кассир не реагирует, продолжает меня обслуживать. И говорит: «Один билет из Ленинграда». Я её снова поправляю: «Нет, не из Ленинграда, а из Санкт-Петербурга». Она делает вид, что меня не слышит. И только, когда я её поправила в третий раз, возмущённо заявив, что я не еду в Ленинград, она отреагировала: «Вы думаете, что я так специально говорю? У меня так программа настроена, у меня в компьютере написано: ЛЕНИНГРАД». «Ну и ну, – подумала я, – неужели правда?». Впрочем, сомневаться в правоте её слов у меня оснований не было. Хотя с этим я столкнулась впервые.

Какие у нас мужчины!

Зарисовка

Еду в метро. Людей немного. Заходит в вагон престарелая дама. Мужчина тут же вскакивает и уступает ей место. Дама садится и, обращаясь к окружающим, с радостной улыбкой говорит: «Какие у нас мужчины!».

Через несколько остановок дама выходит. После этого заходят три дамы, не молодые уже, но и не старые. Одно место свободно, на него садится одна из женщин. Рядом сидит молодой человек, на коленях у него планшет. Одна из дам с улыбкой говорит ему: «Не уступите ли место?». «Нет, нет», – категорически отвечает молодой человек.

Евгений БУЗНИ

Член Союза писателей и Союза журналистов России, Академии Российской литературы. Родился в г. Симферополе. Окончил факультет романо-германской филологии Симферопольского государственного университета. Работал переводчиком в странах Африки, Азии и Европы. Автор более двух десятков книг: романов, сборников стихов и рассказов, литературоведческих произведений и переводов. Лауреат ряда литературных премий. Профессор Московского гуманитарно-экономического института, преподаёт английский язык. Живёт в Москве.

18 сентября 2016 года прошли выборы, и говорят, что они прошли по-новому. А я хочу напомнить читателю о том, как однажды я принимал участие в выборах 2011 года в качестве наблюдателя...

БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ «ВЫБОРЫ»

Фельетон без юмора

Я называю прошедшие выборы в государственную думу военной операцией не потому, что в Москву вводят воинские подразделения для обеспечения общественного порядка после избирательного беспорядка, хотя их ввод и может вызвать обстановку военного характера. Об этом мы будем писать позже. Сейчас разговор о самих выборах.

Операция «Выборы» началась задолго до самих выборов. Всё происходило, как в настоящей войне. Одна сторона готовила своих солдат (просто членов «Единой России»), офицеров (не просто членов ЕР, а занимающих ответственные руководящие посты в любых хозяйственных и административных структурах), старшин (председателей участковых и территориальных комиссий) и генералов (Центризбирком), другая своих – избирателей любых партий (солдаты), членов избирательных комиссий с правом решающего или совещательного голоса (сержанты), наблюдателей (беспогонники).

Обе стороны вооружали своих солдат инструкциями, направленными, как острия копий противников, в диаметрально противоположные стороны. «Единая Россия» давала команду солдатам голосовать стройными рядами, по возможности каждый на нескольких фронтах. Спец-

отряды за особую плату проходили автоматами по десяткам фронтовых участков по открепительным талонам. Офицеров инструктировали проводить рекрутские наборы в армию голосующих за Единую Россию как за деньги, так и силой приказа начальников. Подчинённые обязаны были принести открепительные талоны для дружного голосования за «Единую Россию». Старшин обучали приёмам незаметной закладки в урны бюллетеневых мин, которые при подсчёте голосов неожиданно взрывались, внося в результаты желанные сотни якобы сторонников «Единой России». Гранаты в виде пачек бюллетеней поменьше вбрасывались солдатами по ходу голосования. Эти голоса раздавались виртуально солдатам, не явившимся на войну по причине их пацифистских убеждений, но подсчитывались за них реально. Стратегическая задача перед солдатами, старшинами, офицерами и генералами была поставлена верховным главнокомандующим и его сподвижником – набрать как минимум шестьдесят процентов голосов в пользу Единой России, дабы потом в рамках будто бы демократии все вопросы решать одной партией.

Вторая сторона тоже вооружала своих солдат инструкциями, как противостоять тяжёлому вооружению административного ресурса, как не допустить обмана минами и гранатами, наблюдателям вручались видеокамеры и фотоаппараты, которые должны были фиксировать продвижение вражеских танков с пачками бюллетеней в стволах. В семь тридцать утра четвёртого декабря 2011 года обе стороны сошлись в рукопашном бою на всех фронтах. На одном из них довелось побывать и мне в качестве сержанта. Расскажу о нашем сражении, где мы потерпели поражение, хотя на некоторых других фронтах дело было лучше, и наши войска оттеснили всё-таки «Единую Россию», а в некоторых местах даже обратили в бегство, проявляя численное преимущество. Нам, к сожалению, это не удалось и вот почему.

Пришёл на участок, как полагается, в половине восьмого. Комиссия состояла, исключая меня, из библиотечных работников, коим пообещали всевозможные блага от правящей партии в случае её победы на участке. И председатель старалась, как могла, а смогла она многое. Полчаса раскладывались бумаги на столах, расклеивались избирательные плакаты. Пришедшего члена комиссии от КПРФ с правом совещательного голоса отказались таковым признать, оставив право только наблюдателя, хотя я и доказывал, что при наличии удостоверения от партии, которое было заблаговременно представлено в комиссию, статус не имеют право изменять. Только через два часа, после прибытия представителя территориальной комиссии, справедливость была восстановлена.

Урны для голосования стояли не опечатанными, но и не открытыми. В восемь утра членов комиссии посадили на свои рабочие места (моё оказалось в конце зала), и тогда председатель провозгласила несколько директивных слов, приоткрыла крышки урн словно бы для показа,

что они пусты. Переворачивать слабо скреплённые верёвочками ящики председатель не рискнула, тем более, что и не хотела этого делать, наскоро опечатала, а тут и первые голосующие стали появляться. Член комиссии с совещательным голосом по имени Маша аккуратно начала фиксировать на бумаге каждого, кто опускал бюллетень в урну.

Не стану подробно описывать эту часть сражения, где избиратели приходили, искренне надеясь, что их голос займёт достойное место на поле сражения, в котором большинство должно честно одержать верх над меньшинством. На этом этапе сражение идёт скрытно. Никто не знает, в кого стреляет каждый солдат. Только иногда вдруг выяснялось, что солдат приходит, а оружие в виде бюллетеня ему не хотят давать по той причине, что в книге регистрации записано о предварительной выдаче ему открепительного талона, а это не даёт ему право участвовать в сражении на данном фронте. Солдат уверяет, что никакого талона не брал, а председатель утверждает, что не может ничего поделаться, поскольку запись в книге сделана вышестоящей территориальной комиссией. Даже если там кто-то ошибся, всё равно ничего не поделаешь, голосовать не будешь. Это тоже было одной из военных тактик «Единой России», применявшейся, как потом выяснилось, почти на всех фронтах, ибо каждый такой открепительный талон шёл в копилку голосов их партии. Разочарованный не проголосовавший солдат написал, конечно, жалобу. Но ведь это всё равно, что выстрел в туман, который, может быть, куда-нибудь когда-нибудь попадёт.

Однако подобные инциденты были лишь разминочной перестрелкой. Основное сражение началось по окончании выборов и в начале подсчёта выстрелов за ту или иную партию. Как полагается по закону, теперь-то начиналась открытая борьба, когда все стороны должны видеть друг друга и определить набранные силы. С этой целью раскрываются все карты игроков, вывешивается большой протокол и на нём для обозрения всей комиссии заносятся показатели боя. Для начала, ещё до боёв голосования в протокол необходимо занести число солдат, которые ожидаются на голосовании, то есть зарегистрированы в качестве избирателей этого участка. Этого сделано не было, как не был вывешен вообще большой протокол. Точнее он был, но им не воспользовались, а сразу принялись за подсчёт бюллетеней.

На мою просьбу обработать сначала одну урну, а потом вторую было отвечено отказом. Составленные вместе столы, вокруг которых выстроились члены комиссии, засыпали вываленными бюллетенями, которые члены священного действия стали быстро растаскивать, раскладывая на семь пунктов на столе. Иногда кто-то называл партию, иногда нет. Кто и что складывал, проверить было невозможно. Одна наша Маша своим острым молодым взором заметила и выхватила несколько раз не успевшие рассыпаться после вброса сложенные пачки бюллетеней, кои я пересчитал и записал в своём особом мнении, что в этих незаконных пачках проставлены голоса только за «Единую Россию». Маша замети-

ла также развёрнутые бюллетени, спрессованные вместе, как если бы они пролежали на дне с самого начала голосования. Ей бы в разведке работать. Но здесь на открытом поле сражения выхватить всё из-под рук противников не удалось.

Чтобы было понятно дальнейшее, приведу всё-таки цифры сил, участвовавших в этой операции. У «Единой России» оказалось 739 голосов. У занявшей второе место «КПРФ» – 286. Третьей шла «Справедливая Россия» с 215 голосами. На четвёртом оказалась «ЛДПР» – 190 голосов. Аутсайдерами шли «Яблоко» – 124 голоса, «Патриоты России» – 17 голосов и «Правое дело» – 14. Если мы всё это сложим вместе (в арифметике мы сильны), то получим 1585 голосов. Но вот беда: никто в уме сложить всё это не мог, а перед глазами никто ничего не писал. Бюллетени скоренько упаковали и спрятали в коробку.

Между тем наша Маша, которая вела строгий учёт голосовавших (когда она уходила на короткое время, я продолжал подсчёт, так что погрешность могла исчисляться в единицах) показала данные, которые говорили, что проголосовало всего 1180 человек, что на четыреста пять голосов меньше. А это означает только одно: за «Единую Россию» вброшено четыреста бюллетеней, как минимум, поскольку неизвестно было, все ли бюллетени, отнесённые к «Единой России», на самом деле попали по назначению.

При такой постановке дела «обвинить» в честности членов комиссии, по крайней мере, некоторых из них, трудно. Да ведь по правилам подсчёта голосов положено, чтобы председатель комиссии брал поочередно бюллетень и выкрикивал, за кого подан голос, чтобы все слышали и были уверены в правильности. Но боевая операция на данном фронте не предусматривала честную тактику. Потому нигде ничего открыто не фиксировалось.

На мой вопрос, когда же мы будем составлять все вместе отчёт и на моё заявление о том, что полагается открыто занести все данные, председатель изумлённо воскликнула: «Да если мы всё напишем, как есть, у нас ничего не сойдётся!». Вот это было откровение. Оказывается, библиотекарь прекрасно знала, что покажи мы реальные цифры, они никогда не сойдутся, и вышестоящие органы их не примут. Поэтому её помощник Сергей скоренько всё написал кулуарно на черновичке и тут же понёс в какой-то компьютерный центр сверять и приводить в порядок, чтобы числа всех строк протокола сошлись.

Читатель может не поверить, но отпечатанный протокол мы увидели в пять часов утра, когда с полузакрытыми от желания спать глазами члены комиссии подписывали протокол, не заметив, сколько было выдано бюллетеней, сколько погашено, сколько проголосовало и так далее. Председатель торопилась отвезти протокол в управу. Все остальные члены комиссии торопились домой спать. Я попросил дать мне копию протокола, что председатель обязана была сделать, но комната с ксероксом к этому времени уже была запёрта. Мне пообещали дать ко-

пию шестого декабря. Однако и шестого, как договаривались, протокол голосования мне не выдали, заявив, что он в управе и копию сделать не смогли.

Наконец, после того, как мною было обещано судебное разбирательство, копию протокола вечером седьмого я получил, но без круглой печати, а со штампом «Верно». Я бы согласился и с этим, но узнал, что ещё до голосования всем «старшинам» избирательный генералитет распространил инструкцию о том, как бороться с наблюдателями и представителями неединороссовских партий. В числе таких способов, как «провоцировать на нарушения и скандалы», «сомневаться в правильности предъявленных документов», «удаление с участков», «усаживание наблюдателей как можно дальше от урн для голосования» был и пункт «если выдавать копии протокола голосования, то всячески неправильно оформленные», т.е. такие, которые не примет суд по причине отсутствия чьей-то подписи, круглой печати и прочее. В моём документе вместо круглой печати штампик. Иными словами «не мытьём, так катаньем» правду оттесняют в закоулки.

Военная операция по надувательству избирателей в пользу «Единой России» завершилась успешно. Вы только представьте, дорогой читатель, что было бы, если бы всё было по-честному? Как бы мы жили в нашей России?

Позже мне довелось принимать участие в других выборах уже в качестве кандидата в депутаты. И снова была та же военная операция. Только теперь на участках для голосования присутствовали видеокамеры. Одна наблюдатель даже выступила перед камерой, заявив о вбросе бюллетеней и подлогах при подсчёте голосов. Я как кандидат требовал пересчёта бюллетеней. Но исполнители, то бишь солдаты регулярной армии избиркома, твёрдо стояли, примкнув штыки. Только поэтому, проиграв сражение, я перевёл свои выстрелы в судебные инстанции сначала своего района, а потом и в Мосгорсуд, требуя самого простого: привлечения в качестве доказательства видеозапись с моего избирательного участка. Но в войсках была одна команда – не пущать! И потому видеозапись не принималась к рассмотрению. Я потерпел поражение на всех фронтах.

Ну, что же делать, дорогой читатель? Мы совсем без оружия или всё-таки нет? Может, и у нас есть ещё кое-что в заглазнике? Может, не всё потеряно?

Евгений ПОЛЯКОВ

Родился в Ростове-на-Дону. Окончил Московский институт электронного машиностроения. Член Интернационального Союза писателей. В 2013 г. вышла дебютная книга беллетризованных воспоминаний об армейской службе – «Двухгодичник. Сказки про Красную армию». Вторая книга – «Независимый кандидат» – опубликована в 2015 г., в ней сквозь причудливую призму фантастики показаны реальные проблемы современности и к чему они могут привести, если их не решать. Третья книга – «No problem» – включает рассказы и новеллы.

ОДНА ЦЕЛАЯ И ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ ТЫСЯЧНЫХ ВЗГЛЯДА НА ЧУДО

Главы из повести

Купол

Напротив сидят и стоят люди. Много людей. Большинство сидящих читает – кто бумажную книгу, кто электронную, кто-то уткнулся в смартфон, а кто-то листает газету «Метро». Да, мы в метро. Позднее утро и последние опоздавшие тянутся на свои рабочие места. Какие хмурые лица, у Гребенщикова было: «мрачные лица», но суть это не меняет. Очень хочется крикнуть: «Люди!!! Почему вы такие кислые? Ведь вы же пока ещё живы. Почему не радуетесь этому? Лет через пятьдесят большинство из вас не будет топтать эту грешную землю. Очнитесь!». Но они все где-то далеко, в каком-то своём сонном заколдованном царстве. Все... да не все! Глаз выхватывает двоих, сидящих на следующей от прохода скамейке, наверное, поэтому я их и не сразу заметил. Они другие. Они уже давно проснулись, а может, и не ложились вовсе? Какое-то ощущение детской картинки, когда в центре две ярко раскрашенные фигурки, а на остальных краски не хватило, пришлось дорисовывать простым карандашом. И вокруг них защитный световой купол, куда не может проникнуть серый графит и вообще всё плохое. Этот купол осязаем, между ними и следующими сидящими зазор, как справа, так и слева. Нет, не на полное место. На вагонном диване ровно шестеро пассажиров, как изначально и проектировалось для этого типа метровагона. Свободное пространство не только по бокам, но перед ними. Только благодаря ему я могу отчетливо наблюдать этих двух

обитателей купола. Они под полной защитой от всевозможных оттенков серого, где клубящихся, а где низко стелящихся. Для этих двоих весь остальной мир не существует. Есть только они.

Эти двое (мужчина и женщина) нежно обнимают друг друга своими лучистыми, тёплыми улыбками. Мужчина положил её руку себе на колено, а другой поглаживает подушечки её пальцев. Изредка они обмениваются короткими фразами, которые грохот метро скрадывает от меня. Да и зачем им фразы, всё же написано на их лицах. Читай – не хочу. Сколько им лет? Вроде они моложе меня, хотя сейчас это уже и не так удивительно. Наверное, за сорок, может, даже ближе к пятидесяти.

Сколько остановок я за ними наблюдал? Не мало – пять или шесть. Ну, свою-то я точно не проеду, моя конечная. Зачем им этот купол? У них же всё хорошо. Кто они? Муж и жена? Вряд ли, столько лет так чувства сохранить. Тогда что же получается, полюбовники? В этом случае купол необходим. И тут у меня впервые за чёрт знает сколько лет родилось безрассудное желание. Или может всё-таки глупое? Я встал со своей скамейки, пересёк отделяющее от этой пары расстояние, наклонился к ним и произнёс: «Знаете, очень хочется, чтобы всё у вас получилось». Они абсолютно не удивились, словно им такое по нескольку раз на дню говорят. Мужчина ответил: «Спасибо», а женщина только подарила мне одну из своих улыбок. Продолжение фразы я не придумал, поэтому повернулся, не снимая идиотской улыбки с лица, и двинул к своей скамейке. Но место моё уже было занято. Ничего, постою, недолго уже осталось.

Одноклассники

В тот день Игорь, как обычно, открыл «Одноклассники». На ярлычке «Гости» светилась метка, что за прошедшие сутки кто-то заглядывал на его страничку. Кто бы это мог быть? Если Вовка, то надолго схлестнёмся, а мне сейчас нельзя. Надо код этого чёртового агента синхронизации данных с порталом отладить. Ладно, я одним глазком, а потом к агенту. Мышь, изрядно подогретая любопытством, метнулась открывать страницу посещений. А там...

Фиолетовая кофта, до боли знакомое, чуть смуглое, практически не изменившееся за двадцать лет, лицо. И улыбка... такая озорно-задорная, как будто она из последних сил сдерживает себя, чтобы не рассмеяться в голос. Что уж там – ей пальчик показали или просто пощекотали перед нажатием на спуск камеры? Как будто опять в институт студентом вернулся. Танька-Танька. Я ж в тебя влюблен был на последнем курсе. Даже полушутя, чтобы отказом, если случится, не огорошили, замуж звал. И ты так же шутейно, но всё-таки отказала. Как точно, не помню, но как-то по-доброму.

Какое-то время Игорь тупо пялился в монитор, а на лице сияла дурацкая улыбка, до ушей. Увидел бы его кто тогда, точно бы решил, что он умом немного тронулся. Но, похоже, никто не видел.

Затем, когда первый восторг немного прошёл, уголки губ потянулись вниз, морща лоб. Как, просто зашла и ничего не написала? Почему? Узнала ли? Вспомнила? В голове сами собой всплыли строки Пушкина, и пальцы начали барабанить по клавиатуре.

– Ужель та самая Татьяна? Как живёте, можете? Помните ещё такого Игоря, хоть и не Онегина, и даже не Евгения, но всё-таки. Кратко про себя (вдруг интересно): работаю по специальности, АйТи-шником, мелкий начальничек. Написал (и были изданы) пять книг по программированию. В личном плане: три жены и двое детей. А как ты? Может, пересечёмся как-нибудь, в кафешке посидим, пообщаемся. Я угощаю ☺.

Ответа сразу не последовало, и не сразу тоже, только к вечеру другого дня.

– Ух ты, три жены и двое детей. Ну, ты, Игорёк, даёшь. У меня всё значительно спокойней: один муж и один ребенок. Работаю главным бухгалтером, так что ничего интересного. Насчёт пересечься – я за, только со временем сейчас напряжёнка, отчёты идут. Давай недели через две спишемся, созвонимся. Пока-пока.

Первая встреча

Игорь и Татьяна ещё несколько раз списывались и даже созванивались после первой своей виртуальной встречи на «Одноклассниках», но контакту в реале всё что-то мешало.

- Ну что, в эту пятницу встречаемся? Или опять, как в прошлый раз?
- Давай попробуем. А ты ещё хочешь?
- Я-то всегда хочу, хе-хе.
- А я только, когда могу. Извини.

Ну вот, наконец, им удалось согласовать, утвердить, единственно, что не скрепить печатью, время и место саммита большой двойки.

Ноябрь две тысячи седьмого года выдался бесснежный, поэтому небольшая площадь перед метро Новокузнецкая в районе восьми вечера казалась очень тёмной. Игорь немного волновался, а вдруг в этих потёмках он не узнает Татьяну. Всё ж таки почти двадцать лет, как не виделись. А вдруг фотка сплошной фотошоп? Опять же – темно не подетски. А может, надо было всё-таки цветы купить? А если она их не возьмёт, например, муж ревнивый. Ладно, не купил и не купил.

Игорь всё-таки узнал её. Татьяна вышла из метро и встала немного левее от входа, наверное, подумала, что пришла раньше.

Встретились, двинули на Пятницкую, там кафешек и рестораничков один за другим, но они забыли, какой сегодня день. А была пятница, и ещё до кризиса. Значит, места культурного общепита с большой

степенью вероятности могли быть заняты офисным человеком, отмечающим окончание трудовой недели. Так оно и оказалось, мест не было нигде. Они уже побеседовали с пятью или семью хостессами, где-то их сразу тормознул швейцар. Везде следовал грустный ответ, преграждавший вход. После очередного отказа Татьяна спросила:

- Я успею до следующего ресторана покурить?
- А ты разве куришь?
- Неужели забыл, у нас вся компания курила, и я, и Наталья, и Ольга, и Викуля. Ты же тоже курил, я правильно помню?
- Да, курил и курю.
- Ну, давай, тогда и покурим. Только можно постоим, не хочу на ходу.

Они остановились, и Игорь впервые уже в этой жизни стал внимательно рассматривать лицо и фигуру Татьяны. Последовала усмешка и опять вопрос:

- Что, так изменилась?
- Да, нет... как раз почти и не изменилась. Знаешь, вот смотрю на тебя, и кажется, что у тебя какие-то восточные черты есть?
- Так у меня ж мама татарка.

Они постояли и, докурив, двинули дальше, свернув с Пятницкой к Третьяковской. Везде тот же результат – мест нет. Игорю ещё подумалось: «Похоже, кто-то там сверху нам активно мешает. Не хочет, чтобы мы дальше общались. А другого раза может и не быть». Татьяна, словно прочитав его мысли, улыбнулась и сказала: «Ну, если здесь не получится, – указав взглядом на последнее кафе перед метро, – то, наверное, в другой раз...».

Мест не было и там. Игорь уже стал разворачиваться к выходу, как какая-то официантка, почти выкрикнула им вдогонку, пытаясь перервать музыку: «Подождите-подождите, вон там сейчас место освободится». Они встали рядом с уготованным для них столиком, за которым ещё сидели предыдущие посетители. Стояли, как показалось, долго, служа немым укором. «Кушайте, гости дорогие, побыстрей, мы тоже есть хотим».

Наконец, место освободилось. Сели. Какое-то время на столе ещё стояла грязная посуда. Игорь молча смотрел на Татьяну. Она тоже молчала. О чём он тогда думал? Может, о том, что такое Татьяна сейчас? Чего добились, кем стала. А она о чём в этот момент думала? Может, о том же, только в его адрес?

Подождала официантка, убрала со стола, смахнув крошки тряпкой не первой свежести. Хорошо хоть не на них, а всего лишь на пол. Затем принесла меню.

- Что будем пить, Таня?
- Мне алкоголь сейчас вообще нельзя.
- ?!
- Я лекарства пью.

- А есть?
- Я после шести не ем.

Стоило после этого так рваться в рестораны, если дама не пьёт и не ест. Игорь совсем скис, но Таня его подбодрила:

– А ты заказывай-заказывай, на меня не смотри. Ты же, наверное, не ужинал?

Игорь заказал что-то из горячего. Кажется, мясо. Грамм двести коньяка. Татьяна взяла себе эспрессо, и потёк плавный разговор о том, кем они стали за эти двадцать лет. Начал Игорь, чуть более детально раскрыв две свои основные вехи: пять книг и три жены с двумя детьми. Татьяну больше заинтересовали подробности про личную жизнь: от каких жён дети, сколько кому лет, какие у них интересы, общаются ли? Спросила, как у него в последнем браке дела обстоят. Игорь зачем-то расхорохорившись, выдал, что хочет де супружнице своей текущей изменить с красивой девушкой с грудью не менее четвертого номера. Татьяна усмехнулась, но как-то грустно и вернула реплику: «Извини, тут я тебе ничем не помогу. У меня только третий».

Затем настал черёд исповедоваться Татьяне. Для «весёлых» 90-х можно сказать обычно: распределилась в почтовый ящик – закрытое предприятие оборонной промышленности. Успела немного отработать программистом на Союз Советских... Но в один прекрасный момент государства этого не стало, – вместе с зарплатой и собственно работой. Стали требоваться бухгалтеры. Двинула туда, попутно получив соответствующее второе высшее. Уже достаточно давно, лет с десять, работает главбухом в ряде фирм. На жизнь и семью хватает. Сын в седьмом классе, муж АйТишник, нет, не программист, скорее администратор да ещё с функцией закупок.

Встреча двух сокурсников плавно катилась к финалу, Игорь уже доел и допил всё, что заказал. Татьяна тоже успела справиться с несколькими чашками эспрессо. Игорю показалось, что если сейчас он скажет дежурные: «Пока» или «До встречи», – то Татьяну он больше уже никогда в этой жизни не увидит. Может, именно потому он и спросил:

- А мы ещё увидимся?
- Почему нет? Можем в кино, например, сходить.
- Да... наверное, можем... Слушай, ты вот тут всё рассказывала, что и работа у тебя неплохая и относительно высокооплачиваемая, и сын нормальный и учится хорошо, и муж любящий и любимый, и квартиру вы смогли купить, а вот считаешь ли ты себя при этом состоявшимся человеком, и можешь ли сказать, что жизнь удалась?

Зачем он это спросил, с какого-такого бабая? Таня на какое-то время задумалась, поджав губы, потом ответила:

– Не знаю... да и как можно так самому сказать, что жизнь удалась. Да и потом... Знаешь, мне муж изменяет. Я всегда думала, что из нас двоих у меня больше шансов изменить, что ли. Мне казалось, что я человек более увлекающийся, а он такой спокойный, размеренный.

На работе ещё всегда посмеивалась, когда кто-нибудь из женщин про измены своих вторых половин рассказывал. Думала, ну уж мне-то это точно не грозит. Как они почту и телефоны своих благоверных проверяют, как одежду обнюхивают и обыскивают. А тут в телефон его полезла, безо всяких яких, номер один был нужен. А там эти самые СМС... И всё совершенно однозначно, никаких других толкований. Все разы его, когда он дома не ночевал, – то якобы по работе, то у друзей – всё сходится. А ведь я ни сном, ни духом... Ничего не замечала. Как будто всё так и надо. Нет, мы, конечно, не могу сказать, что душа в душу жили. Попервоначально ругались много, он мог вообще всё со стола на пол сгрести. Типа – все горизонтальные поверхности должны быть идеально чистыми – или из шкафов всё вывалить: не так вещи сложены. Феншуист хренов. Могли по месяцу не разговаривать. Но в последние годы как-то более спокойно стало. Можно сказать, что даже ладили. Ты знаешь, я, как узнала про это, так у меня внутри будто что-то оборвалось. Я же думала, что мы с ним вот так до пенсии и дальше жить будем. Ещё мысль тогда прошибла: «Неужели это уже всё, и ничего у меня больше не будет – ни любви, ни счастья, ни хотя бы уважения». А мне ведь уже за сорок (ты, впрочем, знаешь). Кому я теперь нужна? Сын скоро вырастет, женится и уйдёт в свою семью. А дальше что, что мне-то делать? Вот так вот как-то...

– Да... – только и смог ответить Игорь. А что тут действительно скажешь?

– А ещё я второго ребёнка очень хотела, а он нет. Уж и мытьем, и катаньем, и хитростью. Говорила, что пью противозачаточные, а не пила. Высчитывала время овуляции, и тогда чуть ли не ножницами его презервативы протыкала. А он, то год со мной сексом вообще не занимался, то предохранялся по полной, прямо как Иосиф или кто там непорочный-то был.

– И сейчас ты от него, даже такого, всё равно ребёнка хочешь?

– Сейчас может дальше больше, чем раньше. Может, этот ребёнок – моё спасение. Вдохнёт и в меня смысл. А то что же получается? Ничего, считай, у меня не осталось... Давай уже собираться, что ли, – тут Татьяна поёжилась, как будто замёрзла, – время-то позднее, пора уже...

– Хорошо, давай. Вот только сейчас расплачусь. А мы с тобой ещё хоть раз увидимся?

– Ну, если только раз, – ответила Таня и улыбнулась опять чуть грустновато.

Субботнее утро

Первое субботнее утро в их съёмной квартире началось для Игоря слишком рано. По его меркам. Он в выходные до одиннадцати вставал редко, только, если ему куда-то надо было. Мог и вообще до часу

продрыхнуть, а тут в семь вскочил. Нет, не вскочил, а тихо и очень осторожно поднялся, чтобы Татьяну не разбудить. Она только на другой бок перевернулась и глубоко вздохнула. Так-то она всю ночь ворочалась, иногда что-то бормотала, а изредка вообще всхлипывала. Наверняка последствия этих мерзких ночных СМС от своего бывшего. Игорь поэтому тоже чутко спал. Или, может, вообще не спал? Ещё семи не было, а что-то вытолкнуло его из кровати, как чёртика из табакерки. Он постоял ещё какое-то время у кровати, вглядываясь в Таньку. Чувства были странно противоречивые: то ли нежность беспредельная, то ли жалость к ней, зачем она вообще решила с ним жить. Что он ей может дать? У него ведь до этого только официальных жён – три штуки было, да ещё с одной дамой где-то с год вместе прожил. И со всеми не срослось. Как же здесь получится?

Продолжил свои невесёлые мысли Игорь уже на кухне, тихонько, на цыпочках туда выйдя и аккуратно прикрыв дверь. Заварил растворимого кофе. Мелкими глотками отхлёбывал обжигающую жидкость. Бодрости это не придало, в голове тяжело переваливалась с боку на бок эта непонятная нежножалость к Татьяне. Хотелось сделать для неё что-то хорошее, прижать к себе, защитить, но только чтобы не проснулась. Последние СМС где-то в два ночи долбиться перестали. Пусть ещё поспит.

Что же всё-таки хорошего сделать, чтобы ей хоть как-то полегчало в этой обстановке? Завтрак приготовить? Да я вообще-то мало что могу приготовить. Яичницу, ну или там картошку пожарить. Но ведь неизвестно, когда она проснётся, остынет к тому времени. А чисто для себя стряпать – абсолютно не хотелось. А может, прибраться в квартире? Пылесоса, правда, нет, да если б и был, то точно бы Таньку разбудил. Веника тоже ещё не купили. Зато швабра есть, я её два дня назад в «Ховринском хозяине» приобрёл и ведро заодно. Из местной командировки раньше домой возвращался, вот и заглянул. Значит, можно пол помыть. Начну с дальней комнаты, не с той, где Танька спит.

Татьяна уже несколько минут стояла в дверном проёме, наблюдая, как Игорь моет пол, передвигает чемоданы и коробки на уже чистую часть маленькой комнаты, тихонько что-то мурлыча себе по нос. Игорь её не замечал. В голове Татьяны, ещё не отошедшей от сна, стремительно пролетали миллионы мыслей, которые мозг никак не мог ухватить ни за какую их часть, но глаза светились тёплым утренним светом, словно отражая солнышко, уже проникающее в их квартиру через окно. Когда Игорь в очередной раз выпрямился, после отжима швабры, Татьяна неосознанно, рывком сделала два шага в его сторону и обняла его сзади. Игорь от неожиданности сначала дёрнулся, но потом расслабился и замер на какое-то время, спиной к Татьяне и со шваброй в руках. Через пару минут он поставил своё орудие труда в ведро и, слегка ослабив Татьянины объятия, обернулся. На лице Татьяны по двум давно уже проложенным дорожкам медленно скатывались слёзы.

– Что случилось? Я тебя разбудил? Извини, я не хотел. Я уже заканчиваю, только в большой комнате помыть осталось. Точно ничего не случилось? – испуганно спросил Игорь.

Татьяна вытирала слёзы ладонью, размазывая их по лицу. Из одежды на ней была только цепочка, но это её никак не смущало. Она крепко прижалась к Игорю теперь уже спереди и зашептала ему на ухо:

– Всё нормально, ты меня не разбудил. Я сама проснулась, уже пора. Просто... просто я так рада, что ты есть... со мной есть.

Эпилог

На лавочке парка сидела парочка, или всё-таки пара? На молодых они явно не тянули. Сколько же им было? Сидели они против света, солнце слепило глаза, но по всему было видно, что обоим им за полтинник точно перевалило, если не за шестьдесят. Явных аксессуаров старости в виде клюки или дурацкого чепчика рядом не наблюдалось, но всё, включая их позы и жесты, говорило, что пара уже перешла в университет жизни в третий возраст и точно не в начальные его классы.

Мужчина (или всё-таки дедушка) улыбнулся и сказал:

– А помнишь, как ты мне в самом начале говорила: «Семейная жизнь – это всегда тяжёлый труд». Ну так как, не устала за столько-то лет?

Его спутница рассмеялась в голос так, что сидевшие рядом голуби испуганно взлетели. Затем закашлялась, а когда смогла ответить, то задорно, по-молодому выдала:

– А видишь, как оказалось, с любимым-то и не тяжко вовсе.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Член СП XXI века, кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО «На Пречистенке» Центрального Дома учёных РАН, творческих вечеров Содружества Современных Литераторов, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», автор книг стихов «55 стихо творений» (2013) и «Зимостишие» (2015), публикаций в журналах и альманахах, в том числе в альманахе «Витражи».

ЛЕТОСТИШИЯ

* * *

Остановленное мгновение –
Ветра лёгкое дуновение,
Над ночную волной речною
Разговариваю с тобою...
Ветку к берегу прибывает,
Мышь летучая пролетает,
Мысли лету вполне созвучны,
И как будто мы неразлучны.

* * *

*Как мелки с жизнью наши споры
(Р.Рильке «Созерцание», пер. Б.Пастернак)*

Ночного неба звёздные миры
Мне неизвестны, как чужие страны,
Они полны опасностей неожиданных...
А от невзгод, препятствий постоянных
Сердца становятся и чутки, и мудры.

Невольно слита с вечностью природа.
То что-то шепчет, то молчит листва,
Меняется окраска небосвода,
Листает ветер письма псалма.
И не приемлют души непогоду

Земных стихий пространства и просторы
Принять, понять готовы мы всегда ли?
Не оттого ли многие печали,
Что вовремя того не замечали,
Как «мелки с жизнью наши споры».

* * *

Ночь, похоже, в звёздах запуталась,
Набрала их пригоршню полную,
По небесному тёмному куполу
Разбросала россыпью в полночь
Зов и отзыв кажутся долгими,
Траекториями неизвестными
Звёзды падают прямо в Волгу
И мерцанием рыбу приветствуют...

* * *

Не обижать, не обижаться,
За те мгновения держаться,
Которые теплы, добры,
Как те далёкие миры,
Что в сновидениях да в сказках,
И дорожить любой подсказкой,
Любым намёком на удачу
И на везение впридачу!

* * *

Ещё не отмаялась, но отбесилась –
И чувство покоя и внутренней силы
Приходит всё чаще и не покидает,
И даже удача порой выпадает...

Пространства безвестные, новые лица –
И есть, что открыть и чему удивиться.
А чувств не осталось, которых не знаю,
Поэтому душу легко открываю.
Душа – на свободе, но не улетает,
В согласии со мною она пребывает.
На сердце всё легче, желанна дорога
От дома и к дому, сомнений – не много.
Спокойствие – это не успокоенье,
Но чем-то похожи при долгом сравнении.
Закат догорает, рассвет наступает,
На Древе познания плод созревает,
Цена ему – путь за пределами рая,
Но я это знаю, но я это знаю...

* * *

Вкус поцелуя, а не привкус расставанья,
Которого не знаю протяжённость,
Так цепко удержал вниманье,
Что всех воспоминаний утончённость
Сравнима с шёлковой нитью.
И, следуя не логике событий,
А, может быть, предчувствию, наитию,
Душа тебе останется открытой.

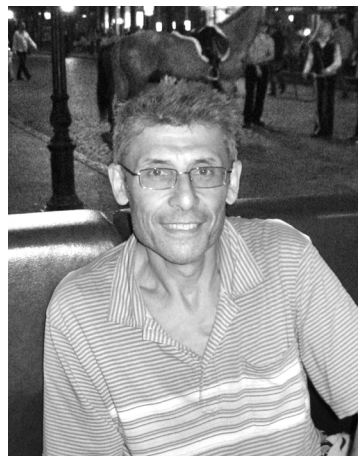
Оглядывайся чаще...
Неповторимость чувствовать несложно.

* * *

Пишешь редко,
поэтому каждое слово твоё
сначала глотаю жадно,
как будто голод успеваешь настичь
в перерывах между письмами,
но собираюсь с мыслями
и смаковать слова начинаю,
неспешно каждую букву вкушая,
и даже знаки препинания мне интересны,
многооточию – особое внимание,

особенно, если после него – мягкий знак,
так и хочется поднырнуть
под эту волну нежности,
задержаться в чувстве безбрежности
твоего тепла,
глубиннее, кажется, уже невозможно:
.....ь
Разве это не любовь...?

Григорий САМУЭЛЬЯН

Окончил в Москве Первый Медицинский Институт. Изучал восточную философию, религии и тайны человеческой психологии, медицину и техники духовного и физического балансирования. Занимался практиками нетрадиционного лечения, проводил семинары по овладению саморегуляцией психической и физической энергии. Публиковался в российских, чешских, болгарских и американских изданиях. В 2004 г. вышла книга «Анатомия мысли». Готовится к изданию книга «Музей мозговых фигур». Более 20 лет живёт в Нью-Йорке.

СЕНТЯБРЬСКАЯ СИМФОНИЯ

Сентябрь притаился за окном,
гардинами дождя прикрывшись.
В дыханье шепчущем своём
он умоляет: «Тише, тише...
Послушай музыку мою,
смычки ветров на ветвях-струнах.
Ты узнаёшь либретто снов,
навеванных туманным утром?»
И как мечтатель-неудачник,
дары он всюду раздавал,
Ведь мир – дитя, что вечно плачет,
а он, вздыхая, утешал.
Шурша страницами аллея,
перебирая ноты листьев,
Он музыкой болел своей,
он одержимым становился.
Все звуки вдруг слились в один,
как флейт небесных дуновенье,
Мир в одночасье превратив
в цветастых рифм вихрешлоенье.
Под бурные аплодисменты двери
и на ночь незакрытых ставен
Стоял Сентябрь, печально веря
в незыблемость осенних правил.

Сентябрь, 2010 г.

ПОДРАЖАНИЕ ОКУДЖАВЕ

Моей жене Инночке Богачинской в день её явления в мир земной

*Женщина, Ваше Величество,
как Вы решились сюда?*

Булат Окуджава

Где-то в далёких Галактиках
Вспыхнула ярко звезда.
Ваше Сиятельство, Инночка,
Кто Вас задумал, когда?
 В тусклый просвет одиночества,
 В мир, где в избытке беда,
 Инночка, Ваше Высочество,
 Кто Вас спровадил сюда?
Путь Ваш – не свет электричества –
Ночь переделать в рассвет,
Инночка, Ваше Величество,
Кто же Вам выдал билет?
 Трудно Вам жить с лилипутами,
 Где же он есть – человек?
 Вот ведь и Вы перепутали
 Город, планету и век.

25 февраля 2013 г

СТИХИ О СТИХИИ

Ураган в Нью-Йорке

Затишье, как меч, занесён над тобой,
То ль перед штормом, то ль перед штурмом.
Отряды домов направляются в бой,
И руки ветвей провожают их в утро.
Под стоны и дробы небесной армады
Стихия ворвалась, гремя канонадой.

Воды потоки
 ложатся, как строки,
И маршируют
 вдоль улиц кротких.

В крошечном затменье
Раскрошены листья,
И падают ветви
Крушением истин.

Кварталы тонут,
Всплывают мысли,
И кружатся, кружатся
Кружатся тени
В сплошном затменье
Веков, поколений.
В сплошном отчужденье
От древа жизни
В потоках суждений,
В истошных визгах
Небесных высей
По роду людскому
Неистойой тризной.

Свет утра поднялся
Над теменью ночи.
И в каплях воды
Капли солнца хохочут.

Всё так, как обычно,
Под города сенью.
И день воскресает
В глазах воскресенья.

Нью-Йорк, октябрь, 2011 г

Людмила САНИЦКАЯ

Кандидат медицинских наук. Член СП России и Международного сообщества писателей России, ЛИТО «Московитянка» ЦДЛ, «ЛИТО на Пречистенке» Дома учёных, Фонда «Светоч», СП XXI века. Автор шести поэтических сборников и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», альманахах «Муза», «Связующее слово», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), «Витражи» и других. Автор литературной страницы «Медицинской газеты». Лауреат премий им. Грибоедова, Лермонтова, Есенина и Булгакова.

* * *

По кленовому золоту листьев,
Горьковатой прохладой дыша,
Что ты бродишь устало, что ищешь
И чего ты взыскуешь, душа?

Нет в отчизне ни складу, ни ладу,
Море боли и капли тепла...
Утешайся же поздней отрадой,
Посмотри – это осень сошла!

Ненадолго её гостеванье,
Завтра лягут снега и снега...
И горька она, как расставанье,
Как короткая жизнь, дорога!..

ОКТАБРЬ

И вязну я, как муха в янтаре,
В печальных мыслях, октябрю подобных.
Каким ещё быть мыслям в октябре?
А между тем октябрь был бесподобным!

Он золотист был, зелен и багров.
В прожилках чёрных веток облетевших
Он был хорош! Как музыка без слов,
Как упоенье звуком птицы певчей.

И мне бы так, как нынешней поре,
Допеть и допылать, докрасоваться...
Но смертному с бессмертным не тягаться.
И вязну я, как муха в янтаре.

НОЯБРЬ

Седая по утрам трава,
Еще зелёная по сути,
И день в осеннем неуюте
Угас, означенный едва.

Бледна туманная заря,
И лист опавший на асфальте
Глядится золотою смальтой
На мокрой фреске ноября.

Зима является впотьмах,
Скользит бесшумным шагом лисьим,
И цепенеют лужи, листья,
И стыннут слёзы на щеках.

Но днём ещё светло, как днём,
И кажется – зима не близко...
И лист на фреске византийской
Сияет золотым огнём.

* * *

Пока ещё разлука – не разрыв.
Пока ещё печаль остановима.
И музыки тревожащий надрыв
Пока ещё проскальзывает мимо.
Пока ещё в горячечном бреду
Блеснёт нам счастье чистотой алмаза...
А что оно похоже на беду –
Когда-нибудь,
 когда-нибудь,
 не сразу...

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Сегодня речь идёт не о любви.
Скорей – о человеческой приязни.
И письма пожелтевшие твои
Уже читаю без былой боязни.

А было – эти лёгкие листы
И почерк нервный – сердце обжигали.
И маленькие боги с высоты,
Смеясь, тугие луки напрягали.

А нынче здесь иные божества
Уютно устроились у камина –
Часы заводят, шевелят дрова
И верно служат мудрой Мнемозине.

Но вот – коснусь исписанных листков –
И замолчу, и затаюсь бессонно...
И светит мне из вереницы слов
Души минувшей пламень потаённый.

Валентина ЕКАТЕРИНИЧЕВА-ФАТЕЕВА

Родилась в Вильнюсе (Литва). Филолог. Автор десяти сборников стихов, среди них: «Вальс судьбы» (2002), «Ветер странствий» (2008), «Сиреневые облака» (2013), а также трёх книг прозы, в том числе повести «Яблоко для Евы» (2011). Член Русского литературного клуба им. Г. Державина (г. Каунас), Союза сельских писателей Литвы (г. Йонава). Проводит презентации книг, концертные программы. Публикуется в газетах «Лиетувос айдас», «Обзор», «Вильняле», Международном альманахе «Ступени» (Вильнюс, 2015). Занимается изданием сборников поэзии и прозы.

ЧТЕНИЕ

Свеча горит. Открыта книга.
Начало нового пути.
Нет в чтении важнее мига,
Как вдохновение найти!
Сюжет захватит иль наскучит?
А в нём герой подобен мне?
Иль, может, чтение измучит,
И я предамся тишине...
Но в перерывах между чтеньем
Не угасает интерес,
Подобен жажде вдохновенья
И нескончаем до небес!
Пока живу, и ум в сознание,
Мой разум требует огня,
А чтение – радость ожидания,
И это пища для меня!

МИГ

«Здравствуйте, Пушкин», – скажу я при встрече.
Он улыбнётся, приподнимет край шляпы.
Может, похвалит случившийся вечер,
Царь крылатых поэтов, правнук арапа.
С тростью в руке он прошествует важно,
Не оглянется. Я оглянусь и замру,
И вслед закричу с надеждой отважной:
«Пушкин, живите! – я на дуэли умру...».
Он обернётся, рукою помашет,
Задержит на миг зорких глаз дерзкий взгляд,
Путь его дальний в дубравы проляжет,
Где в вальсе грустит озорной листопад.

ВСЁ В ПРОШЛОМ

Всё в прошлом, впереди туман,
Лишь ускоряет время бег...
Мне крикнуть хочется – обман,
Меня пугает твой разбег!
Почувствовала жизни вкус.
Замедли, время, бег!
Из круга выпасть я боюсь
И не открою век...
Из чрева матери попасть
В драконью пасть земли,
Создатель, не хочу упасть,
Пропасть в твоей пыли...
Дай воздухом и светом стать,
Вселенной послужить...
Я мыслью стану прорасть,
А, значит, буду жить!

ГДЕ ЖЕ ТЫ?

Ночь. Сиреневый сад под луной,
В нём душа моя бродит одна,
Вспоминая о жизни иной,
Только светит всё та же луна...
Те же запахи, те же цветы,
Что вдыхали с тобой под луной.

Тот же свет из космической тьмы,
Что любили мы в жизни иной...
Где же ты? Заблудилась душа
И тропинку к тебе не найдёт.
Как же ночь под луной хороша...
А душа? Кто же душу поймёт?

ОТДОХНИ

Когда любовь прохладой станет,
Ты не томись, а отдохни!
Любая страсть в жару устанет,
Огонь сердечный не томи...
Покоем насладись и тенью,
В лесах и рощах поброди,
А под раскидистой сенью
От размышлений отдохни.
Воспоминания в сонеты
Отправь и жизнью насладись,
Не принимай ничьи советы,
А в сердце нежности дождись.
И не томись её приходом,
Отсутствием горячих чувств.
Мы остываем с каждым годом,
Но ценим близость крепких уз.
Когда любовь прохладой станет,
Пройдись в сиреневом саду...
Душа любить не перестанет:
Всегда в раю, всегда в аду!

В РИТМЕ ПУЛЬСА

Каждый день, как пульс височный,
Бьётся в такт судьбы в судьбе.
Проверяет жизнь на прочность,
Доверяет лишь себе!
Каждый день, как сон входящий
Одарит надеждой вдруг –
Сказочный иль настоящий,
Но изменит жизнь вокруг!
Надо так ценить мгновенья,
Чтоб потом не сожалеть,
Ведь всего одно движенье –
И за ритмом не поспеть!

ДОЖДЬ

Дождь пролился влагой благодатной,
Страждущую землю утолил,
Поступью своей молодцеватой
До утра, должно быть, зарядил.
По стеклу стучали капли звонко,
Словно дождь просился на порог,
Жаловался долго, плакал тонко,
Был он сам сегодня одинок.
Всё приму с улыбкой благодарной –
Тихий шелест листьев у окна,
Грустный день и стук дождя чеканный,
И что я по-прежнему одна.

НАЧАЛО ОКТЯБРЯ

Клён сменил наряд за моим окном.
Птицы вдаль летят, мне махнув крылом.
Пёстрый шёлк вокруг – осень ворожит,
Из озябших рук тихо лист кружит.
Завершает круг ветер до небес,
Притаился вдруг потемневший лес.
Вот и листопад за моим окном,
Догорел закат золотым огнём.
Но печаль не рвёт больше душу мне,
Пусть никто не ждёт, снова жизнь в цене.

ПРОГУЛКА

Над нами бездна воздуха и света, –
С высокого холма в седую даль смотрю:
Там город незнакомою планетой
Встречает в серебре вечернюю зарю.
Тропа лесная выведет к простору,
До горизонта нет ни края, ни конца,
Земная красота предстала взору,
И ликованием наполнились сердца!
Январь явил бесснежную погоду,
Вернул в объятия былого октября,
Воспринимаю заново природу
И замираю перед тайной бытия.

Наталья МОРЖИНА

Родилась в Красноярске, с раннего детства живёт в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова. Работала в «Комсомольской правде». В настоящее время редактор в благотворительном фонде Русфонд Издательского Дома «Коммерсантъ». Член Союза журналистов СССР – Союза журналистов Москвы. Автор книги стихов «Парад планет» (2015), удостоенной диплома ХХІХ Московской Международной книжной выставки-ярмарки-2016. Дипломант и член творческого клуба альманаха «Новый Енисейский литератор».

* * *

В лесу я становлюсь собой – другою:
мысли отпущены, чутьё обострено.
Валежина не хрустнет под ногою.
Я – слух один
и зрение одно.

Могу сквозь чашу тихо просочиться,
не потревожив слаженных ветвей,
мха не примяв, не оскорбив грибницу,
не испугав встревоженную птицу,
а только взглядом обменявшись с ней.

Одежда тяжела и неуклюжа.
То космонавт я в ней,
то водолаз...
А если выскользнуть, как гибкий ужик,
из всех доспехов – добычи для глаз?..

И на полянке замереть, не зная,
но кожей ощутив, как дышит день,
что промелькнуло там: душа лесная
иль самолёта ангельская тень.

* * *

Уткнулась лодочка в мостки.
Шагов десятков до крылечка.
Дверь поддалась. И – тишь. Ни свечки
и ни лампад. Шаги легки.

Здесь только древний полумрак
с настоящим древесным духом.
Здесь хорошо: прохладно, сухо,
надёжно и спокойно так.

Губами тронула молитву –
ту, что начало всех начал,
а голос (мается ль, болит ли?) –
свежо и полно прозвучал.

Мой тихий неказистый голос,
не узнаю тебя в себе.
Чем ты наполнен, кем ты послан,
откуда взялся в синеве?

Мой голос, брешь моя и слабость,
опять гортань воспалена,
тебе и песенка не в радость:
фальшива и глуха она.

Мой голос, мёртвый от волнения,
пересыхающий от слёз,
трещиноватый от куренья,
как спилы старые берёз,

мой голос, бедный от рожденья
до погруженья в седину, –
и это он, мой голос, пенем
уплыл, светлея, в вышину!..

От нижней тёмной «до» подводной –
прозрачной лесенкою гамм –
до верхней, птичьей, непокорной
«до» серебристых амальгам!

Туда, под купол деревянный,
наверх, в затёсы топором,
что двести лет стоят упрямо
под ветром, снегом и дождём...

Но как? Откуда это пенье –
из неразумий и забот
сквозь приоткрытый в удивленье
неприспособленный мой рот?

И как ты отыскал, мой голос,
в забитой памяти больной
мелодию – пшеничный колос,
связь между небом и землёй?

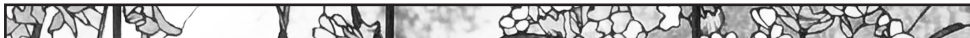
От изумленья умолкая,
не понимая, в чём секрет,
я думала: кто ж я такая,
что прислан мне певучий свет?..

Ведь это дерево, не камень!
Храмы давно разорены.
Какими ж дивными руками,
когда-то вы возведены...

Кто выбрал это место – остров
меж стынью северных небес
и сталью вод? И кто же создал
древесный храм?
Неужто – Лес

взрастил его, как растит тайны,
грибы, деревья и цветы,
онежской влагою питая
тугие корни, что плутают
среди подземной темноты?

Карелия, Кижские шхеры

* * *

Отойди, любопытный,
настырный, – уйди, муравей,
и не изображай
чудеса насекомой отваги,
затесавшись на поле
помятой тетрадки моей,
чтобы тоже оставить
свой след на полоске бумаги.

Мы с тобою поделим
корявую плоскость стола,
тот горбыль, посеревший
под солнцем, дождями и ветром.
Так, распилена вдоль,
ель могучая кротко легла,
к небесам и ко мне
обращаясь оструганным верхом.

За длиннющим столом
пировали не раз рыбаки.
Сток чаек помёт
и черники чернильные пятна,
что белеют-чернеют
на серой скрижали доски:
это памятки дней –
отошедших, иных, невозвратных...

А сегодня тетрадь
забелела на этой доске,
и моё бормотанье
с прерывистым чаячьим криком
здесь соседствует мирно –
и в хохоте, жути, тоске
заколдованных птиц,
и в покое Онеги великом...

Карелия, Большой Клименецкий остров

* * *

Здесь не впервой.
Казалось, путь знаком,
и никаких превратностей со мною...
Но прочный камень, за века проросший мхом,
опасно накренился под ногою.

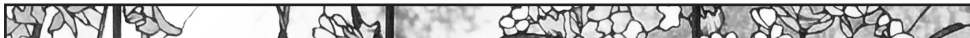
День солнечный,
улыбчив ветерок,
и не придумать для прогулки лучше,
но по воде, как театральный Рок,
гром раскатился из случайной тучи.

Когда ж ты, темнотряхая, пришла
и зацепилась за соседний остров?
Подкралась со спины чужая мгла,
беззвучно выросла в полнеба, как скала,
и львиный рык утробно издала –
немыслимый на солнышке
и грозный.

* * *

По долгожданной белизне, таясь и млея,
вальсирую в тональности снегов,
чтоб удлинить прогулку по аллее
ещё на несколько ласкающих шагов.

Спасибо, снегопад, спасибо, Штраус,
за ваш согласный аккомпанемент!
Как мимолётны дни, сколь их осталось, –
но как огромен радости момент...

* * *

О встрече договаривались летом:
«Нет, не сегодня... Через пару дней».
И лето улетело. Осень – следом,
зима в молчанье двинулась за ней.

Весенним утром –
солнечным, морозным –
(дыханье здесь, а снег ушёл навек) –
я принесла тебе четыре розы.
Четыре розы.
Белые, как снег.

Ты здесь ещё – душа и даже тело.
Слова бессильны. Смертен человек.
Я с краю положила неумело
четыре розы,
нежные, как снег.

* * *

Здесь чаща маличника, яблоко сада,
здесь капелька света свисает с листа.
Куда торопиться?
Не надо,
не надо...
Чего суетиться,
коль жизнь непроста?

Травинка в губах на манер сигареты
за неимением лучших манер.
Прожито, проето, про это пропето...
И заново – осень.
И морды химер.

* * *

Бродя по безлюдным дорожкам,
могу помянуть, как кошка,
с туманами поговорить...
Принять за соцветья созвездья
и в страны, куда нам не ездить,
окошечко приотворить.

На грядке не всходит рассада?
Да ладно, наплюй, не досадуй:
что в землю упало – сгниёт,
зато из накормленной почвы,
прохладен, прекрасен и прочен,
лопух королевский взметнёт.
Чтоб тоже вернуться в неё.

* * *

Будет день – и будет пицца,
а пока – не суетись,
не ищи вниманья в лицах,
не гони с карниза птицу,
не пугайся,
глянув вниз.

Это – просто.
Это просто
ветер комкает листву.
Он, уже до неба ростом,
свирепеет, туч наросты
надвигая на Москву.

Будет дождь по коже зданий
день и ночь (стихает стих!),
уточняя ожиданье,
уточняя очертанья
лабиринтов городских.

Андрей КАЛЕЦКИЙ

В БЕСПРОСВЕТНУЮ НОЧЬ

Мне ничем ты не хочешь помочь,
Так не стой у меня на пути.
Я иду в беспросветную ночь,
Чтоб меня не смогла ты найти.

Я промаюсь один в той ночи
До конца мне отпущенных дней,
А сейчас пять минут помолчим,
Ведь молчанье признанья сильней.

СОН

Вдоль берега моря скользила ладья,
Плыла в этой лодке богиня моя.
Махнула рукою приветливо мне,
И вскоре я был у богини в ладье.

По синему морю скользила ладья,
В ней двое влюблённых: богиня и я.
Вот только куда я с богиней уплыл?
Проснувшись с рассветом, об этом забыл.

ЕСЛИ ТЕБЯ НЕНАРОКОМ

Если тебя ненароком
Обидел любимый, не злись.
Ведь это один из уроков,
Из тех, что даёт тебе жизнь.

От злости не вспыхивай спичкой –
Не будешь бесцельно сгорать.
Усвоишь урок, и в привычку
Войдёт своих близких прощать.

КУКЛА

Одета в платье не по моде,
Забыта всеми и судьбой,
Стояла кукла на комод
Под слоем пыли вековой.

Собой, бывало, любовалась,
Смотрясь в старинное трюмо,
Но как-то раз ей показалось,
Что красота ушла давно.

Ах! Как же с ней играли дети,
А после, как ложились спать,
В кроватку клали. Годы эти
Едва ль уже придут опять.

И стала кукла часто-часто
Себе вопросы задавать,
А прожила ли не напрасно,
И что ещё от жизни ждать?

Старела кукла год от года,
Трюмо тускнело меж окон,
Менялась неизбежно мода,
Таков у бытия закон.

Однажды с куклы пыль смахнули,
Воскликнув: «Ей немало лет!».
Былую красоту вернули,
И вот она, как раритет, –

Всё в том же платье не по моде,
Вполне довольная собой,
Стоит в музее при народе,
И вновь обласкана судьбой.

Галина МЯЗДРИКОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ТУМАН

Это не мираж, не обман –
путешествие длиною в туман.

Наши судьбы очень странно сплелись
там, где горы устремляются ввысь.

Это был не обман, не мираж –
удивительный весенний пейзаж,

нам открывший своё сердце Милан,
поглощающий реальность туман.

Море манит меня тёплой волной,
в воду снова опускаю ладонь.

Не спешим торопиться мы вниз
по тропинке с кратким именем ЖИЗНЬ.

* * *

Я – слабая женщина, сил у которой немерено.
Я – сильная женщина в жутком падении ниц.
Я – странная женщина – атом огромной империи.
Обычная женщина, с мощью великих цариц.
Сударыня, дама, гражданка – судьбою проверено:
по-разному мир отражаю с улыбкой и – без.
От разницы этой собою бываю осмеяна,
собой оставаясь в не понятном мире чудес.
Я – слабая женщина. Жизнь помогала мне выстоять.
Я – сильная женщина. Трудно даётся мне бег.
Сокровище, солнце, чудачка, сумевшая выстроить
свой замок из света. Я – женщина. Я – человек.

Анастасия САЙКО

Живёт в г. Долгопрудный Московской области. Окончила экономический факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, работает менеджером. Состоит в ЛИТО «Мастерская настроения» и «Клязьма». Публикуется в городских литературных сборниках и газете «Долгие Пруды». Неоднократный призёр поэтического конкурса «Молодые голоса Долгопрудного». Член редакционной коллегии поэтического альманаха молодых авторов.

РОМАНЫ ОСЕНИ

Подруга Осень заходила в гости,
Пила коричный терпко-сладкий чай,
Рябиновых монист звенели грозди,
В туманном взоре плавилась печаль.

Поправив пряди золотистых листьев,
Вздыхала тихо, плакала дождём,
Движением ресниц тревожно-лисийм
Мешала вечер с кобальтовым днём...

Шептала грустно: «Где мой мальчик Лето,
Весёлый обаятельный шалун?
Растаяли янтарные рассветы,
И вместо солнца – тусклая латунь.

Лишь поманил лучистой лазурью,
Палитрой ярких радужных цветов...
И улетел... А мне – вновь тучи хмурить
И танго танцевать среди ветров».

Прощалась, уходила в ночь густую,
Оставив кардамона тонкий шлейф.
А утром за окном кружилась буря,
И пела песни быстрая метель.

Красотка Осень в шубке серебристой,
В вуали из пушистых снежных грёз
Летела над землёй, а с ней искристый,
Избранник новый – юноша Мороз.

ЛЕТНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Лето засмеялось в травах звонко,
Солнце заплутало в волосах.
Рыжая беспечная девчонка
С небом незабудковым в глазах.

Облаков пушистые ресницы
Оселят лазоревую высь,
Жарких дней летящие страницы –
Брызжущая счастьем песня-жизнь!

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Забытая песня... Как ветер,
Ты сердце внезапно встревожишь.
Слова твои грустные снова
Напомнят то время иное,
И лица другие, и вечер,
Который уже не вернётся.
А музыка вдаль унесётся,
Как бурные вешние воды.
Но долго ещё пред глазами
Мелькать будут прежние годы,
О них так волшебю поётся
Весенними вечерами...

Елена ТЕМЧЕНКО

Творческий псевдоним Анеле. Стихи начала писать с 12 лет. Окончила филологический факультет Волгоградского Государственного Педагогического Университета. Работала в журналистике. Печаталась в волгоградских и московских изданиях. В 2009 г. вышел первый поэтический сборник «Святые». Стихи вошли в литературные альманахи: «С иными именами» (2012) и «Витражи» (2016). Лауреат поэтических конкурсов. Живёт в городе Балашиха.

АВГУСТ

Касаюсь августа душой,
Он блещет звёздными глазами.
И лёт невиданный покой
Пока невидимое пламя...

И так расплескан небосвод
И серебром, и синевою.
И если небо упадёт,
Ты станешь им, оно – тобою...

Ни бездны нет, ни высоты...
На целый мир – одно дыханье.
Наполнен август... И цветы
Ликут в пышном созерцании.

НАСТОЯЩЕЕ...

У тебя нет книг, у тебя нет стихов,
Всего, что растешь, любя...
И даже твой дом, твой заветный кров
Проплывает мимо тебя...

У тебя нет денег, нет красоты,
Машин, друзей и врагов...
Глаза твои, руки – тоже не ты.
Нет у тебя берегов...

Как выйти из этой слепой игры,
Где время сжимает тебя?..
Ты в будущем ищешь свои дары,
Ты в прошлом винишь себя...

Нет в этом мире надёжных опор,
Земные слова пусты...
И лишь в настоящем, как в тайне гор,
Себя обретаешь ты.

ЛЕТО

Лето в распахнутой косоворотке
Дышит дождями и молоком...
Тихо колышется в сонной лодке
И обнимает своим теплом...

И луговое звенит раздолье,
И растекается неба вязь...
Лето крылатое, заревое
Травы целует, росой слезясь...

И наклонившись, поёт чуть слышно,
Ветром стыдливо к подолу льнёт.
В прянном саду созревает вишня,
Соком томится багряный плод...

И засыпает в лоскутках алых
Спелое солнце на рукавах...
Лето распустит косу устало
И укачает в своих руках...

Галина КОЛОБОВА

Родилась и выросла в Ленинграде. Окончила Ленинградский Механический институт. Любовь к поэзии привила мама – педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в 7 лет. С 1980 г. живёт в Москве. В 2004 г. в издательстве «Линор» вышла первая книга стихов «Год любви», в 2011 г. – буклет «Осенняя мозаика». Печаталась в газетах и журналах, таких как «Родники», «Факт», «Вокруг смеха». Член ЛИТО «На Пречистенке» Центрального Дома учёных.

* * *

Давай поговорим о Прозе.
Она подобна яркой розе –
Срывай!

Поэзия легка, воздушна,
Как одуванчик, непослушна –
Поймай!

У Слова есть души глубинность,
И простодушие, и невинность,
Внимай!

А у Таланта – только Муза.
Но сколько пользы от союза.
Создай!

БОМЖ

Я встретила роскошного бомжа.
Он Блока мне читал и Гумилёва.
И взгляд его, то нежно, то сурово,
Меня пронзал, как острière ножа
Пронзает кожу спелого плода.
И я спросила – кто он и когда
Утратил смысл, и веру, и надежду?
Так мало походил бомж на невежду,
Когда ответил просто: «Я – артист.
И, как ненужный, пожелтевший лист,
Несёт меня по грязной мостовой.
Я умираю, но пока живой,
И хоть меня совсем не узнают,
У церкви всё же мелочь подают...».
Он попросил помочь ему, и я,
Себя за малодушие кляня,
В ладони деньги молча протянула.
Потом, молясь, в ближайший храм шагнула.
И долго там, светла и горяча,
За души нищих плавилась свеча.

Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ

Родился и живёт в Москве. Окончил МИСИ им. В.В. Куйбышева. Стихи пишет с 13 лет. Первая публикация была в смоленской газете «Рабочий путь» в 1967 г., когда служил в армии. 18 лет работал старшим научным сотрудником в институте «ВНИИИстромсырьё». Окончил курсы литературного мастерства при МГО СПР (семинары Дмитрия Силкана). Автор двух сборников стихов «Мечты, надежды и реальность» и «Три поэмы», публикаций в периодической печати и в 26-ти сборниках и альманахах.

Я ОСЕНЬ НЕ ЛЮБЛЮ!

Я осень не люблю не только потому,
что частые дожди и первые морозы, –
не радостно ни сердцу, ни уму,
и, как на кладбище, взгляд застилают слёзы!
Опавшая листва гниёт или горит,
и руки веток покидают листья,
и словно ель с сосною говорит,
но шёпот вдруг прервёт ружейный выстрел!
Охотники в лесу отстреливают дичь,
а на людей охотятся болезни.
Мне невозможно эту грусть постичь,
а водку пить для сердца не полезно!
Я сам в осеннем возрасте теперь –
Приход зимы осталось ждать с тревогой.
Осенняя пора – букет людских потерь
пред зимнею заснеженной дорогой.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУЗЬЯМ

Мы друг другу праздник только сами
можем иногда преподнести –
ласковыми, добрыми стихами
и словами – слушай и прости.

Оттого на свете так непросто
жить среди родных, среди друзей.
Их не подберёшь себе по росту:
жизнь – не магазин и не музей!
Жизнь – театр, а люди в нём актёры.
Только не везде и не всегда!
На карьерах мчатся транспортёры,
а на них – железная руда.
Только чтобы превратить в железо,
или в сталь, или чугуна отлить, –
раздробить руду всегда полезно,
от пустой породы отделить.
Так и жизнь нас бьёт и разделяет,
и ломает судьбы нам подчас.
И никто, и никогда не знает,
Что там ждёт его в последний час?!
Лучше благодарными быть Богу
за чудесный дар, что ждёт в пути,
Ничего не взяв с собой в дорогу,
в вечность собираться понемногу
за звездой, невидимой почти.

КАРАОКЕ

Есть малые, а есть большие сроки,
есть мастера и подмастерья есть.
Придумали умельцы караоке,
Чтоб, как артисты, все могли мы петь.
Изобретенье это неплохое,
чтоб каждый представлял, что он – артист,
а из певцов никто не знал покоя
и трепетал бы, как осенний лист?
Необходима конкурентность всюду,
без рынка заморозится прогресс!
Чтоб всех певцов не класть в одну посуду,
а знать, где лажа, где – деликатес.
Чтобы всегда старались подмастерья
достичь с годами мастерства вершин,
Чтоб струны рвались и скрипели перья,
и Аполлон творить им разрешил.
И чтоб на сцене никакой «фанеры»,
Ведь это же – халтура, господа!
Читайте «Отче наш» и «Символ Веры»,
и в дальний путь на долгие года!

ПРИВИДЕНИЕ

Он близок был, но так и не изведал,
какой заряд таился в темноте.
Он вышел к кладбищу за нею следом,
но образ растворился в пустоте!
Она его словами приласкала,
иного сделать просто не могла.
Она страдание изображала
и в полумраке скрылась, как игла.
И в мраморе застыло привидение,
в накидке белой с головы до пят,..
как будто мимолётное видение
в окрестности кладбищенских оград.

* * *

Недовольство звучит в твоём тоне.
Ты открой всё, как есть, не таи,
я лишь стисну легонько ладони,
загляну только в очи твои.
И пойму я тогда с полувзгляда,
что не мил я тебе и не люб!
На прощанье мне будет наградой
угасающий жар твоих губ.
Но скажи, что скучаешь, как прежде,
что ты просто устала слегка.
Утверди меня в сладкой надежде,
что напрасно бешусь я пока!

РОМАНС О ЛЮБВИ

Кто прожил много лет и видел в жизни много,
тот помнит вкус побед и знает боль потерь.
У чувства не всегда пряма, как луч, дорога,
но ты её найди и в свет её поверь!
Лишь смерть прервёт любовь –
короткий путь иль долгий!
Для Веры и любви нет на земле преград!
И если кем-то ты унижен и оболган,
то воевать со злом за Веру будешь рад.
Всевышний дарит жизнь, а жизнь нам дарит опыт.
Без чувства жизнь мертва! Кто не любил – не жил!

Мечта пройдёт, как сон, надежда может лопнуть,
но за любовь борись, хоть из последних сил!
Кто прожил много лет и видел в жизни много,
тот помнит вкус побед и знает боль потерь.
У чувства не всегда пряма, как луч дорога,
но ты её найди и в свет её поверь!

ССОРА

Тишина внезапная настала,
и, в отсутствии трескучих фраз,
чувствую уверенность металла
в ругани, что разлучила нас!
Ссора – бесполезное занятие,
никому она не дорога!
Человек, что прежде был приятен,
стал теперь опаснее врага.

Я РАЗДВОИЛСЯ!

Я раздвоился.
Часть меня осталась,
а часть ушла искать других путей.
С лирической иллюзией расстался,
хожу осиротевший меж людей.
Возможно, Близнецам такие свойства
знакомы и привычны быть должны?
Отчасти ощущаю беспокойство
своих родных и, в частности, жены.
Зачем я это сделал? Сам не знаю.
Необъясним поступок наш порой.
Мы ходим, балансируя по краю,
и сами наслаждаемся игрой.
Скорей всего, кому-то нужно было,
чтоб независимо от дел и бед,
меня судьба внезапно раздвоила?
Как знать теперь и кто мне даст ответ?
Тот, прежний, задремавший в электричке,
умчался с вереницей прошлых лет...
А я сажусь в вагончик по привычке,
хоть прошлого давно в помине нет.

МЁРТВАЯ И ЖИВАЯ ВОДА

Как в сказке стародавней говорилось,
чтоб сросся шрам, чтоб старец юным стал,
есть две воды и обе чудной силы,
но только их ленивым не достать!
Источник мёртвый не журчит, не бьётся,
и не растёт в том месте ничего.
И птица никогда в нём не напьётся,
и зверь сторонкой обежит его.
Живой – напротив – бурный и журчащий,
насыщен светом, весел и игрив.
Он – жизни возродитель настоящий –
кустарников и трав, цветов и нив.
К нему в жару летят лесные птицы,
и звери норовят напиться здесь.
Вблизи его желают все гнездиться
и размножаться, и расти, и цвести.
Но в том разгадка – ныне всякий знает –
без мёртвой и живой не оживить.
Сперва водою мёртвой поливают,
затем живой на рану нужно лить.
Так оживляли в сказках и в былинах,
в легендах, да и в жизни иногда.
Святой родник и тот ручей Калинов
целебен стал на долгие года!

Фото Виктории Солодовниковой

Екатерина КАЮРОВА

Окончила филологический факультет РУДН, Москва. В настоящее время работает в Тульской областной детской библиотеке. Проза и стихи публикуются в периодических изданиях, поэтических сборниках, альманахах. Автор двух сборников стихов: «Солнечная девочка» («Прикосновение», Тула, 2007), «Золотой букетик солнца» («Пресса», Рязань, 2012). Редактировала журнал для детей и юношества «Незабудка» (Тула) и сборник «Сказочный мир».

ВЗДЫХАЕТ ОСЕНЬ У ДВЕРЕЙ...

Вздыхает осень у дверей,
И грустно ей, роскошной даме,
Роняя золото кудрей,
Смотреть на отраженье в раме.

Она в усталости своей
Ещё пленительно-прекрасна:
И обнажённостью ветвей,
И страстностью рябины красной...

Смывает дождь наряд с ветвей,
А ветер по' миру разносит,
Но честен хлад осенних дней –
Не обещает. И не просит...

Не потому ль мне всё милей
Глядящая в седую просинь,
Прозрачная печальность дней,
Чем призрачная радость вёсен?

СОЛНЫШКО ТЕПЛИТСЯ В КРОНАХ БЕРЁЗ

Солнышко теплится
В кронах берёз,
Скоро отреплется
Золото кос
Белой метелицей..
Близок мороз.
– Веришь?
– Не верится!
– Это – всерьёз?

Шелестом бросили
Листья вопрос:
– Кто же обозами
Сини навёз
В небо осеннее?
Выше берёз
Кто семицветный
Высветил мост?

Под ноги сыплется
Солнечный свет –
Листики, листики..
Вот вам ответ:
Ветер был с дождиком,
Из тёплых мест,
Яркую радугу
Взвёл до небес!

Осень нас радует
Тёплым деньком:
С облака радуга
Пьёт молоко
С пенкою розовой,
Ты погляди!
– Ночи морозные
Ждут впереди.

БАЛ СВОЙ ЗАВЕРШАЕТ ЛЕТО...

Бал свой завершает лето:
Пораздарены букеты,
Тыквой солнечного цвета
Сохнет августа карета.
Тонет тувелькой хрустальной
Месяц в маленьком пруду,
И, как в сказке разодета,
Перед звёздными свечами
В одиночестве печальном
Плачет Золушка в саду...

ПРЕДЗИМЬЕ

Судьба в окошко заглянула:
«Как у тебя, дружок, жизнь?».
Предзимьем пасмурным дохнула,
И заметелила: «Держись!
Летим вперёд! Открыты двери,
И кони стынут у ворот,
Они помчат к заветной цели...».
А я всё медлю: «Гололёд...
Такой полёт в метель тревожен –
А вдруг коней-то понесёт?».
Метель поёт: «Кто осторожен,
Тот и шампанского не пьёт...».

Елена БЛИСКУНОВА

Родилась в Омске. В Москве живёт с 1978 г. Закончила экономический факультет Московского инженерно-строительного института. Работала в Департаменте градостроительной политики. Член СП России. Пишет стихи и прозу. Печатается в альманахах «Сияние лиры» и «Витражи». Автор книги «Сила любви» (2014) и поэтического сборника «Путеводная звезда» (2015). Выступает с романсами на свои стихи.

КАК МОГ ПОДУМАТЬ?

Как мог подумать, что легки мне расставанья?
...По телефону не услышать – сердце вскачь:
Оно на голос твой, сорвавшись на свиданье,
Кометой Персеид горит, и боль – хоть плачь...

Как мог подумать, что отстранена в молчанье?
...Молчит так скрипка в ожиданье скрипача.
Безмолвна я бываю только от отчаянья,
Что рядом нет Тебя и твоего плеча.

Как мог подумать, что легки мне расставанья?
Когда вдруг рвутся нервы с плачем, как струна...
Морзянкой сердце надрывается в посланьях,
Ночей бессонных выбивая письма.

Как мог подумать, что отстранена в молчанье? –
На голос твой сорвалось снова сердце вскачь...
Созвучье душ – ошеломлённое слиянье!
...Но без Тебя не петь мне, милый мой скрипач.

БЕЗ ТЕБЯ

Я без тебя, мой друг, занемогла,
С тобой оставив сердце вдалеке,
Меня знобит без твоего тепла,
А ветры всё неистовей во мгле.

Я без тебя, мой друг, полужива,
И ощущение, как в наркозном сне...
Фантомной болью пульс стучит едва,
И тягостна тоска с хандрой вдвойне.

Я без тебя, мой друг, как без себя,
Ты – ключ к замку от счастья! Ты – мой свет!
Тобой лишь исцелюсь, мой друг, любя,
И мне врача милее в мире нет!

НАМ ВМЕСТЕ БЫЛО СУЖДЕНО

В бокалах белое вино
Искрится, отражая трепет
Свечей, пылающих давно,
Под пламени безмолвный лепет...

...О чём вещают нам они,
Доверившись безумной страсти?
О том ли, что сгореть в любви
Легко, её предавшись власти?

А может, чувства наголо –
Пример Любви самозабвенной?
...Течёт щемящее тепло,
Как отклик жертвы сокровенной...

В бокалах белое вино
Едва пригубленным осталось.
Нам вместе было суждено
Испить прозренья запоздалость...

ОТ ДРУЖБЫ ДО ЛЮБВИ - ОДИН ЛИШЬ ШАГ

От дружбы до любви – один лишь шаг.
Зачем же искушать нам расстоянье?
Когда уже читается в глазах
Взаимное, открытое признание.

От дружбы до любви – всего лишь шаг,
Затихший шаг под властью обаянья.
...У края счастья не попасть впросак
И удержаться бы – на расстоянье.

От дружбы до любви – короткий шаг.
Возможна ль дружба? Может, и возможна...
Я верю Вам, мой друг, Вы мне – не враг,
Пусть будет Ваша дружба непреложна.

Припомнилось: Вы обещали вечность...
Так проявите, милый мой, сердечность.

* * *

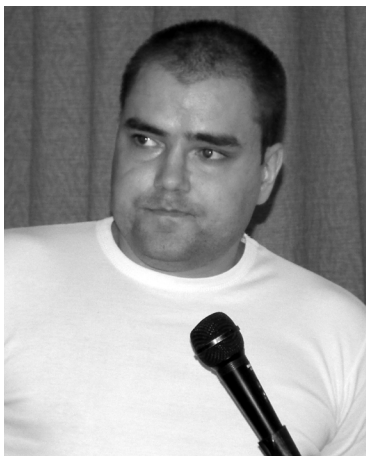
Расцвела черемуха – скромница, красавица,
С трелью соловьиною всё смелей кудрявится,
Лепестками головы под круженье бальное
Украшает жемчугом и фатой венчальнойю.

Я легко поверила в сказку... в платье белое,
И в слова любимого... в обещанье смелое...
Ароматом нежности, счастьем одурманена,
Сердце непорочное навсегда изранила...

Отцвела беляночка, ягодой чернявится,
И не зря разлуками осень в песнях славится...
Заплету я волосы с гроздьёю ягод спелую
И спою о долюшке, как я стала белою...

И взгрустнёт черёмушка, соловьями брошена,
Сны увидит зыбкие, снегом запорошена.
Но от сна воспрянувши, насладившись трелями,
В кудри вновь украсится – вешними апрелями.

Дмитрий ТЕРЁШИН

Родился и живёт в Москве. По образованию юрист. После нескольких лет работы по специальности полностью посвятил себя литературной деятельности. Автор книги «Ранняя осень», подготовлена к печати вторая книга. Публиковался в альманахе «Витражи». Участник литературных фестивалей. «Как говорят мне многие: «Если ты решил стать поэтом, то...». Я отвечаю на это, что мне не пришлось выбирать этот путь, он был предначертан мне».

* * *

Как хочется порою стать глупцом,
Чтоб вхожим быть во все людские двери
И по земле ходить не босиком,
Бесчувствия себе кусок отмерив.

Куда ни гляну – всюду пустота,
Объята клыками безразличья.
И на душе всё та же маета,
Что стала ещё сызмальства привычна.

Куда спешить, когда нигде не ждут,
И что терять, когда без кожи тело?
Очнуться бы на несколько минут
От этой жизни, жутко омертвелой.

Нет выбора – приходится ступать,
Глотая грязь из-под сапог прохожих.
Пути не видно, но стремлюсь опять
Куда-то ввысь, ведь истина дороже...

2016

* * *

Берёза грустит, облетая, –
Ей осени видится край,
Ведь всем до ухода осталось
Немного, отгрезится май.

Мы все здесь прохожие только,
Что ищут чего-то в пути.
Но можно ль, не ведая боли,
Нам радость и счастье найти?..

Не ждите от неба поблажек,
Жизнь – ход к исцелению души.
Кто понял, тот весело скажет:
«Не бойся ступать, поспеши!»

* * *

Инне Богачинской

Звоню родной и неприкаянной душе
В какой-то там Нью-Йорк, на край планеты –
Услышать милый голос и вообще –
Целебных слов бальзам пролить и встретить.

И слышу я нейтральное «Hello»
Сквозь связи треск – и там, и тут помехи.
Но: «Инна, Инночка!» – И вдруг она: « Алё!..» –
И ангелы в душе, как не заметить.

И разговор: «Как вы?» – в ответ: «А вы?!» –
– Всё сложно, Димочка...
– И у меня непросто...»
Таким, как мы, здесь не дано, увы,
Душою распрямиться до погоста...

Но надо верить – наш черёд придёт,
Быть может, когда нас уже не будет...
И наших душ возвышенный полёт
Подобные сердца здесь не осудят!..

2015

Ольга ЕДУТОВА

Родилась в Самаре, окончила Куйбышевский Политехнический институт. Увлекается поэзией, музыкой. Почётный работник молодежной политики Московской области. Руководит молодежным творческим объединением «Мастерская настроения» города Долгопрудного. Печаталась в альманахах «Долгие пруды», «Наследие», «Русский колокол», «Витражи». Участник творческой поездки в Венгрию в составе делегации Содружества Современных Литераторов.

СВАДЬБА ДОЧЕРИ

Пожелание Елене, моей младшей дочери

Свадьба дочери, шёпот грусти.
Словно чёлн скользит по воде.
Отпускаем? Ну да, отпустим.
Пусть плывёт по своей судьбе.

Свадьба дочери – расставаньё
С детской песней, летящей вдаль,
Свадьба дочери – обещаьё,
Что сердце не коснётся печаль.
Отпускаем с надеждой на радость.
Отпускаем. Люби. Дерзай.
Пусть в душе будет только сладость,
Пусть в сердцах будет только май.

СОН РЕЧИСТ...

...и ночь опять. Вползает, что-то шепчет,
зовёт нас погрузиться в сны беспечно.
Ты должен спать, пусть время быстротечно,
но сон, как жизнь, – наполнен и речист.
Услышь его намёки и признанья,
прими и разгадай его желанья.

Ты мечтаешься меж явью и виденьем,
считаешь баловством все сновиденья.
Но ночь не обмануть, она хитра,
И пьём нектар волшебный Божества.
Проснёшься просветлённой в ожиданье
Дня нового, без страхов и терзаний.
Сон пролетел, наполнен и речист.
День, вновь рождённый, как младенец, чист.

ГДЕ НАЙТИ?

Не хожу я на свиданья, не хожу.
Не ищу дворцов хрустальных, не прошу.
Мне бы сруб из сосен гордых вековых,
Мне б любовью непокорных – молодых.

Мне б рассветов каждодневно – золотых,
Ожерелий мне б янтарных, огневых.
Мне б полянку перед домом без межи.
Мужа бы, не скопидома, – укажи,

Где найти такое царство на земле,
Чтоб навеки отогрело душу мне?
Чтобы пелось и плясалось день-деньской,
Чтоб в том царстве поселился муж со мной.

Был бы щедрым и весёлым добряком.
Чтоб не пил и был хорошим мужиком.
Не скосил бы ту полянку без межи.
Где найти такого мужа, – укажи.

Чтобы не был скопидомом и не бил.
Чтоб плясал со мной у дома и любил.
Не скосил бы ту полянку без межи.
Где найти такого мужа, – укажи.

Не хожу я на свиданья, не хожу.
Не ищу дворцов хрустальных, не прошу.
Мне бы мужа и полянку без межи.
Где найти такое царство? – укажи.

ЛЕТНЕГО ВЕЧЕРА ПРОСИТ ДУША

Город по-летнему дело вершит.
В ярких балетках девчонка бежит,
Вышла беспечно в июль без зонта,
В лужах растаяла их красота.

Парень в футболке, кепка на нос.
– Дождик в июле? Да не вопрос.
Прыгай скорее к нам под навес,
Место отыщем и для принцесс.

Хочешь не хочешь, встали в рядок,
Мчит по асфальту мутный поток,
Кто-то ворчит, кто-то хмуро глядит.
Дела дождю нет до наших обид.

Пасмурно, зябко, дождь моросит.
Дед у метро одиноко стоит.
Шляпа у ног и записка в руке:
Кто позаботится о старике?

Вдруг просветлело, и дождик утих,
Радуга небо украсила вмиг –
Слева и справа, кручу головой,
Прямо над нами сияет дугой.

Листья шуршат и машины шипят.
У остановок маршруток отряд.
Я же по скверу иду не спеша.
Летнего вечера просит душа.

Ирина СОТНИКОВА

Родилась и живёт в Крыму. Закончила филологический факультет Симферопольского университета им. М.В. Фрунзе и Таврический университет им. В.И. Вернадского, аспирантуру. Автор пяти поэтических сборников, публикаций в периодике. Участник проектов «Я люблю этот город» в честь 220-летия г. Симферополя (2003) и «Кто есть кто в крымской фантастике» (2004). Автор переводов крымскотатарских текстов и поэтов республики Катар. Редактор литературного блога ЛОГО (www.blog-is.com.ua).

ЗАСУХА

Звучит сентябрь валторной и гобоем,
Ещё неслышим... Будто невесом.
Я убираю прошлого обои,
С души, звучащей с прошлым в унисон.

Сентябрь звучит, и мне немного грустно
Опять вернуться в древние поля.
Ладонями попробую коснуться
Тех рваных ран, что обнажит земля.

Звучит сентябрь в глуши пустых колодцев
До грани, до неведомой поры.
Горячий ветер в междурядьях вьётся
И в паутине обречённо бьётся,
Сжигая поры яблочной коры.

Он отыграет скоро и поспешно,
Затянет дымкой обожжённый край.
Прикрою я убожество прорешин
Своим теплом.
Играй, сентябрь, играй!

КРЫМСКИЙ ВЕЧЕР

И кто-то ждёт в конце аллеи,
И поступь вечера легка.
Закат застенчиво алеет
На глянце острого клинка

Татарской башенки. Не скоро
Взмахнёт крылом осенним ночь.
Застыло время коридором,
В котором – я, печали дочь.

И мне так страшно и тревожно
На грани двух земных границ.
Рисует вечер осторожный
Размытость сумеречных лиц,

Чтобы не видеть тех, кто рядом.
Так легче не сойти с ума,
Не есть хлеба чужих обрядов,
Не думать, где тюрьма, сума...

И кто-то ждёт. И обездвижен
Сорвавшийся кленовый лист.
Ослепшая от бед, не вижу,
Как вечер одинок и чист.

* * *

Скоро, скоро будет листопад...
Загрустили рощи предосенне.
Тени ждут, когда печалью серой
Небо упадёт в заснувший сад.

А пока играет на стволах
Ослабевшее от зноя солнце,
И, танцуя, бабочка смеётся,
Отгоняя свой предсмертный страх.

Скоро, скоро станет невдомёк,
Как случайно пролетело лето.
А пока застыло время где-то...
И закат рубиновый далёк.

* * *

Пусть время сгорает, как водится, –
Безжалостно и незаметно.
Оно обо мне заботится,
Стирая судьбы приметы.

Не будут в душе расставания
Гнездиться обидою женской,
И пройдены расстояния
Намёком изящного жеста.

Конечно, я лгу бессовестно,
Конечно, всё было проще:
Я – сумрак, что робко кроется
В ветвях обнажённой рощи.

Полощется алым знаменем
Закат в потемневших шторах.
Я – та, чьи слова-признания
Слабее, чем ветра шорох.

* * *

Ангел Высокой Печали
Молча коснулся плеча.
Жизнь начинаю сначала,
Нить оборвав сгоряча.

Ангел Насущной Заботы
Тихо о счастье спросил.
Счастлива буду... Работой...
В меру оставшихся сил.

Ангел Последней Надежды
В путь за собою позвал.
Да, я согласна. Как прежде...
Только в руинах вокзал!

Взрывами рельсы разбиты,
С башни обрушился шпиль.
Ангел Смертельной Обиды
Кожу огнём опалил!

Хватит тревожить крылатых...
Кутаясь в жёлтую шаль,
Осень в багряных заплатах
В сад по-кошачьи вошла.

Позолотила деревья,
Сбросила листья в подол.
Осень – открытые двери
Ангелам холодов.

* * *

Вместе с луной гуляли
В сумерках чувств и осени.
Падала с тополями
Лунная зыбь в озеро.

Тропка шаги путала,
Сосны в вечернем штиле
В чёрные иглы кутались
И белый отсвет пили.

В лунный покой входила
Неприглашённой гостьей.
Голые ветви плыли,
Словно кресты на погосте.

Прах суеты сбросила,
Дань отдала вечеру.
В сумерках чувств и осени
Больше терять нечего.

ЕЛЕНА ФЕДОРОВА

Окончила Университет искусств. Почётный работник культуры г. Лобня. Член Российского Союза писателей, Интернационального Союза писателей, драматургов, журналистов. Автор 25 книг на русском (5 из них для детей) и 3-х на английском языках, в том числе романа «Венские кружева» и сборника стихов «Сны перламутровой бабочки». Пишет в разных жанрах прозы и поэзии. Автор более 200 песен для детей и взрослых.

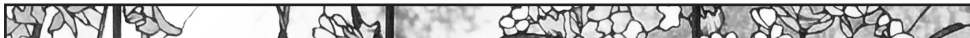
НЕ ПРОСИ МЕНЯ ОСТАТЬСЯ...

Сердце хочет остаться. Сердце знает маршрут.
Задержись, ну хотя бы здесь на пару минут.
И не бойся, не бойся в плен любовный попасть.
Ты же знаешь, что это – настоящая страсть.
Ты же чувствуешь силу, ты сгораешь в огне...

Нет, не нужно, мой милый, мы с тобой, как во сне.
Нам пора расставаться, я должна уезжать.
Почему мне не двадцать, ну, хотя б двадцать пять?
Почему так жестока к нам с тобою любовь:
До разрыва аорты, губы – в кровь, души – в кровь...

Нет не нужно, не стоит всё опять начинать.
Не хочу расставаться, не хочу уезжать...
Сделай что-нибудь, милый, чтоб любовь не убить...
Ах, как больно, как трудно нам друга любить...

Не могу остаться, не могу уйти.
Жаль, что нам не двадцать. Отпусти...
От любви спасенья не найти.
Нам уже не двадцать. Подожди...
Голову теряю, губы – в кровь
Ах, любовь шальная... Ах, любовь...
На минутку только задержись,
Чтоб прожить со мною вместе жизнь...

* * *

Мы не знакомы. Пробегашь мимо.
А в голове моей звучит шаманский бубен:
Знакомы мы с тобой. Ты точно знаешь,
Что часом позже между нами будет...

Ты знаешь, и поэтому упорно
Прносишься, как ветер, мимо, мимо...
Ты заставляешь грохотать шаманский бубен
И видеть то, что так ещё незримо.

И чувствовать бесчувственностью кожи,
И понимать своим непониманьем,
Что даже невозможное возможно,
А наша мудрость – глупость мироздания.

Смотрю, как ты опять проходишь мимо.
Спешишь куда-то... да, мы не знакомы...
А в голове звучит шаманский бубен,
И на душе сладчайшая истома...

* * *

Ни к чему друг друга упрекать,
Всё давно закончено, давно...
И в душе погас особый свет,
Стало пусто, холодно, темно.

Отогреться негде, вот беда,
Хоть огонь в камине разожжён.
Мы ещё пытаемся с тобой
Объяснить, что это – просто сон.

Вот проснёмся завтра на заре
И увидим мир совсем другим...
Только сердце бьётся невпопад
И не верит... Что мне делать с ним?

* * *

Гладко выбрит и причёсан,
Дорогуший телефон.
Я глазам своим не верю –
Молодой Ален Делон.
Дон Жуан, герой экрана
Из Парижа – к нам в село?!
Это ж надо, быть не может...
Как нам крупно повезло!
Это – в яблочко, в десятку.
Это выиграть мильён!
Улыбается и смотрит
На меня Ален Делон.
И представьте, говорит мне:
– Парлеву, мадмуазель!
Не хотите ль прокатиться? –
Подгоню свою «газель».

– Да, конечно, я согласна
С вами свет объехать весь.
Это счастье! Это чудо,
Что мы встретились здесь!
Мы катались, целовались
До рассвета, до утра.
А потом мой парижанин
Мне сказал: «Прощай, пора.
Уезжаю я обратно
В свой изнеженный Париж.
Не грусти. Жди новой встречи.
Всё, пока, прощай, малыш».
И уехал на «газели»,
И растаял, словно сон.
Я недолго горевала,
Сына назвала – Делон...

Ирина ВЛАСКИНА

По профессии – инженер-экономист. Стихи начала писать в 2009 г. Является членом литературного объединения «Новое Переделкино» и клуба авторской песни «Западня», в 2013 г. выпустила диск песен и романсов «Озарение». Сотрудничала с композитором Михаилом Алёхиным, в соавторстве с которым было создано более 80-ти песен. Публиковалась в альманахе «Витражи». Живёт в Москве.

* * *

*К музыке Г.В.Свиридова из кинофильма
«Метель» по повести А.С.Пушкина*

Мой милый друг, я Вас люблю,
Люблю Вас пламенно, люблю Вас страстно!
Мне счастья с Вами искать напрасно,
Хоть о пощаде я судьбу молю.

Не в силах я не видеть Вас,
Вы – боль души моей, моя отрада.
Не одолеть мне все преграды,
Чтоб навсегда судьба связала нас!

* * *

Таят беду иль наслажденье
Плен голубых бездонных глаз
И чутких рук прикосновенье,
Ненужность пышных длинных фраз?

Как поселилась эта мука
В душе, уставшей от страстей,
Где прижились покой и скука
Однообразных тусклых дней?

От счастья голову теряю,
Даю себя приворожить
И не пойму: я погибаю
Иль только начинаю жить?

ДУША

Душа парила высоко,
Ей мир казался чист и светел,
Парила просто и легко,
Господь тогда её приметил.
Увидел он, как в высоту
Взметнулись копья, стрелы, спицы,
И эту душу на лету
Они подбили, словно птицу.

Душа слетела под откос
И, оказавшись в сточной яме,
Ответ искала на вопрос:
Обидно ли считать друзьями
Тех, кому силилась помочь,
Не зная собственной корысти,
К кому спешила день и ночь
Ловить протянутые кисти?

Врагов припомнить не смогла
Душа: она весь мир любила.
Тогда откуда эта мгла
И холод, будто из могилы?
Тогда откуда этот смрад?
Ах, да, она ведь в яме сточной,
И здесь ей кто-то очень рад,
Прицел был верный, очень точный.

Душа опять была легка,
И к ней помой не пристали,
Господь увидел свысока:
Горит свеча на пьедестале.
Душа светила в темноте,
Молясь за тех, кто был друзьями.
Жаль, что свечу не видят те,
Кому привычней в сточной яме.

05.2016

КУКЛОВОД

Попутный ветер голосист,
Мелькают ветви-спицы.
Из-под колёс осенний лист
Взлетает жёлтой птицей.
За ним другой, ещё один,
Все листья сбились в стаю,
А ветер, шут и господин,
Их нехотя считает.
Тасует, как колоду карт:
Берёзовый, кленовый,
Затихнет – и команду «Старт!»
Даёт листочкам снова.
Лист каждый выполнить спешит
Очередное сальто,
Клубком весёлым прошуршит
Вся стая по асфальту.
Один потёрт, другой промок,
Но всех пьянит свобода.
Им, опьянённым, невдомёк:
Руками кукловода,
По воле ветра, все давно
В одну слетелись кучу,
И кукловоду всё равно,
Кто в куче прыгнет круче.
Всему есть тлен, всему конец
И вечное начало,
И осень сбросила венец,
Как зиму повстречала.

Валерий ШУВАЛОВ

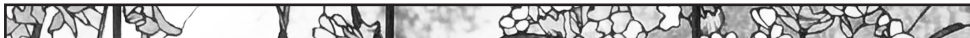
Филолог-германист, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета. Член Союза Российских писателей-переводчиков России и Международного общества имени А.П. Чехова. Автор четырёх поэтических сборников: «Слова», «На крыльях языка», «Послание в бутылке» и «Остаться человеком». Занимается переводами поэзии с немецкого и английского языков.

У ЖИЗНИ ВЗАЙМЫ

Я взял бы всё это
у жизни взаимы:
романтику лета
и прозу зимы
с мечтой о весне;
как спасательный круг –
хороших друзей
и любимых подруг,
дыхание строк
плюс немного вина –
и этим бы смог
насладиться сполна!

ПОЭЗИЯ

Словно голос - то громче, то тише –
нас зовёт за собою вперёд
Это то, чем живём мы и дышим:
растворённый в крови кислород!

АНГЕЛЫ ПЛАЧУТ

Дожди на далёкой планете –
источник печали и бед:
то ангелы плачут, как дети,
хотя им немало уж лет.

Их лица пропитаны пылью,
утеряна прежняя стать
и сложены за спину крылья –
они разучились летать.

Им снятся ночные полёты,
и, втайне слагая стихи,
они на космических счётах
суммируют наши грехи...

МИРАЖИ

Крепкий чай в стакане стынет,
воздух знойный чуть дрожит...
Я представил, как в пустыне
вдруг увидел миражи:

из заоблачной Нирваны,
отражённые в воде,
проплывают караваны –
не верблюдов, а идей;

в них неведомая тайна,
и причудливей их нет...
А потом, как бы случайно,
появляется сюжет.

ФАНТАЗЁРЫ

Наш дар – стихов и песен
волшебные миры,
нам мир неинтересен,
в котором нет игры.

Мы вам протянем руку
и позовём вас вдаль,
рассеяв вмиг и скуку,
и прежнюю печаль.

В нас плещутся озёра
эмоций и идей:
ведь мы же фантазёры –
и с нами веселей!

ПЕРСПЕКТИВЫ

Божественно красивы
огни небесных трасс,
но эти перспективы
не радуют мой глаз.

Любые точки зренья
сливаются в одну,
идя в реке забвенья
стремительно ко дну.

Остались многоточья
да пара запятых,
как будто кем-то ночью
запрятанные в стих...

НЕРАЗГАДАННОСТЬ

Неразборчив чей-то почерк,
не понять и днём с огнём
мир, в котором, между прочим,
мы давно уже живём –
мир тревожный и воспетый...
Как уж есть, не обессудь:
в неразгаданности этой
закодирована суть!

ОСТРОЕ МЕНЮ

Продолжая разговор,
что ведётся с давних пор,
я сказал бы осторожно:
жизнь не истинна, не ложна,
в ней узором, вкривь и вкось,
странно всё переплелось,
и, как это ни печально,
но она – парадоксальна.
Острое её меню
принимаю и ценю,
понимая всё равно,
что другого – не дано!

* * *

Есть, пожалуй, у нации каждой
свой особо чувствительный нерв:
побывав здесь хотя бы однажды,
вы услышите музыку сфер,
что и ныне, подобная чуду,
к нам на крыльях летит свысока...
В этом городе Моцарт повсюду –
и останется здесь на века!

Татьяна ХАТИНА

Член СП России, участник ЛИТО: «Складень» – при фонде «Славянской письменности и культуры», «На Пречистенке» Дома учёных РАН, «Московитянка» – при ЦДЛ. Автор сборников стихов: «Снегопады любви», «Святые родники», «Солнечные качели», «Поле Памяти». Дипломант литературных конкурсов, в том числе «Чернобыльская быль» (Москва, 2010). Печаталась в альманахах «Муза», «Атланты», в сборнике «Родники России», в сборниках МГО СП России. На стихи написаны песни.

РОЗОВЫЙ СЕРДОЛИК

Памяти Марины Цветаевой

Приходит, как видение из прошлого,
Тот день передо мною вновь возник.
Морским прибоем нам на счастье брошенный,
Весь розовый от солнца сердолик.
Я загадала: мысль волною путалась
В сиянии твоих бездонных глаз.
И в бриз морской, как во спасенье кутаясь,
Я поняла: судьба связала нас.

С той нашей встречи много жизней сгнуло,
И без тебя мой взгляд к тоске привык,
Но иногда бессонной ночью стылою
Мои ладони греет сердолик.
И снова день сгорает от желания,
Твои глаза меня боготворят.
И долго ткётся нить воспоминания:
То наши души вместе говорят...

Тот берег, пляж, наш Коктебель из прошлого,
Где я у моря вывела в тоске:
«Марина плюс Сергей», и тайной брошенный
Наш сердолик на розовом песке...

ВСТРЕЧА

по мотивам повести А.П.Чехова «Дама с собачкой»

Ажурный зонтик, кружевная шляпка,
Шлейф платья летнего струился по песку.
Вы шли вдоль берега у моря... Зябко
Волна прибоем тешилась... Тоску
Лицо её печально выражало,
И нежный локон падал на висок,
А рядом чудо белое бежало...
Рука держала тонкий поводок.

Весёлый пёсик, белоснежный шпиц,
Он так смешно бежал перед хозяйкой,
И не было на пляже больше лиц,
Приятнее, чем эта дама... Стайкой
Ловили рыбу чайки над водой,
Сбегали волны изумрудно-сини.
Барашками лизал песок прибой,
И скалы гордо изгибали спины...

На пляже столики, открытое кафе,
Где Гуров в одиночестве томился,
Уже пять дней под лёгкое шафе
Грустил один, так пусто отдых длился.
От чашки кофе он отвёл глаза,
Увидел даму с маленькой собачкой,
И понял: эта тонкая лоза –
Заманчивая для него задача...

Не ожидал, но подошла, присела...
«Который час?» – спросила в тишине,
И голос нежный и такой несмелый,
Печаль в глазах... Он будто бы во сне...
Кормил собачку косточкой куриной,
О чём, не сознавая, говорил.
Она глядела, гордо выгнув спину,
Но знала, что уйти не хватит сил...

Случилось чудо, стали дни короче –
Прогулки вместе, трепет тонких рук,
А море ласково шепча, пророча,
Не унимало горечи разлук...
Глаза её то ласково светились,
То горькой грустью наполнялся взгляд.
Как будто птицы в тесной клетке бились
Мгновенья страсти, кто же виноват?

Дарило море тайные мгновенья,
Песчаных кос размытые следы.
И бриз морской качал в уединении
Биенья двух сердец, и сожжены мосты...

19.12.14

БЕЛЛА

Слова нанизаны на чётки строф,
Жемчужной россыпью, алмазной гранью.
Плетутся кружевные нити слов,
Соскальзывая в бездну мирозданья.
Иль забираясь в высоту веков,
Здесь находя достойное признание,
Там в глубине возвышенных стихов –
В них Беллы Ахмадулиной страданье.

Платок и шляпка, голос чуть дрожит,
Высок полёт той лебединой шеи,
И долго-долго каждый звук звенит,
И колокольчик этот души греет.
Не поэтесса – истинный поэт,
Там на орбите твоё кружит имя.
Читаешь строки, и не гаснет свет,
Стихами, растревоженный твоими...

24.12.14

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Половинка Луны спелой долькой лимона
В чайном блюде ночи так янтарно горит.
Слышу тайны созвездий хрустального звона,
Шёпот дальних миров, словно песня, звучит.
Ночь закутана в плащ той весенней прохлады,
Что оставил нам день, выкрыв солнца ключи.
И машины поют до утра серенады,
А ты встань у окна, постоим, помолчим...

Жёлтый лик фонарей и машин многоцветье.
Окон призрачный свет из соседних домов.
Это было и есть, ещё будет столетья...
Попрыгунья-весна вновь сбежала из снов.
Каждый солнечный день так призывно наряден,
Все бульвары омыты апрельским дождём.
Воздух чист, свежее вымыт, надушен, прохладен...
Как весёлый жених, он спешит к тебе в дом...

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН

Член СП России, Международной гильдии писателей (МГП). Автор книг: «Да не престанет русский род», «Нечаянные строчки», «Святитель Филипп Московский», «Три имени – одна Россия», «Я знаю, отчего...». Один из победителей конкурса «Школа букиеровских лауреатов» в Милане в 2012 г. (семинар Е.Б.Рейна), Лауреат конкурса МГО СП России «Лучший поэт-2012», международного конкурса МГП «По Чехову» в номинации «драматургия» (2013). Член редколлегии Международного литературного альманаха «Витражи».

* * *

Весна пожаловала поздно,
И – знак остывшего жилья –
Грачей заснеженные гнёзда
Над колкой проседью жнивья.

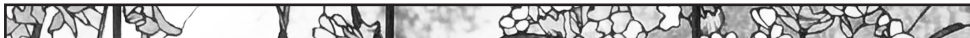
Ещё покашливает хрипло
Несостоятельный апрель,
И эхом снежных бурь прилипла
К земле последняя метель.

На тёмно-синем небосклоне
Оттиснут чувственный пейзаж –
Налитые томленьем кроны
Над смутным временем пропаж

И дармовых приобретений
(В контексте двух полярных мнений).

* * *

Ещё не осень, но уже пахнуло
Тоской дождей сквозь перезревший зной.
Усталый город смугл под солнцем снулым,
Зелёный сквер прострелен желтизной.

Поникло лето. Мягкую размытость
Последних тёплых незабвенных дней
Холодная сменяет деловитость
Чеканноликой осени моей.

Мне нравится её манящий профиль.
Колдунья золотоцветная она –
Венец всех человеческих философий,
Волшебных грёз прекрасная страна,

Где место есть любви, отваге, чести...
Но вряд ли мне там жить с любимой вместе.

* * *

Как много света в этой тишине.
Как много жизни в этом увяданье.
Как этот лес, со мной наедине,
Похож на заповедное преданье.

Какой покой! Какая благодать!
Ненастных дней отдёрнут серый полог,
И мне легко и радостно шагать
По чёрно-бурым осыпям иголок,

Шуршать ещё не прелою листвой,
Пугать собою солнечные блики,
И, породнясь с небесной синевой,
Растаять в одиноком птичьем крике.

Предвечный свет!.. Далёкий птичий зов!..
В нём радость дня! В нём вера! В нём любовь!!

* * *

Мне нравится раскованность ворон,
Их чинный вид, их мудрая беспечность.
Им не нужна преемственность времён
И человеческой вечности увечность.

Не знаю, прост их мир или не прост,
Но нас они намного совершенней,
Хотя бы потому, что их вопрос
Не требует продуманных решений.

Они годам счёт нудный не ведут,
Гортанным «карр» приветствуя светило
И в утра мирные, и в дни кровавых смут,
Любя лишь то, что им сегодня мило.

Бог дал им жизнь и «радуйтесь» сказал..
Ты ждёшь меня? Я еду на вокзал!

* * *

Сентябрьский день, задумчивый и светлый,
Как переход в другую ипостась,
Освободил меня от всех поветрий,
И канул в ночь, со мною не простясь.

Я был один. Дышалось полной грудью,
Бурлящий холод целовал в уста.
Взошла луна. Уже над голой сутью.
Уже подобьем чистого листа.

Всё было в этом ново и не ново.
Всё в этом было свыше или над..
Эпоха сумасшествия хмельного
Окончилась два дня тому назад.

Судьба моя зияла поворотом.
Я был один. Я снова ждал чего-то.

* * *

Когда на склоне дня сквозь толщу туч печальных
Мелькнёт всего на миг весёлый солнца свет,
Я знаю, отчего в его лучах хрустальных
Так хочется сомлеть трепещущей листве.

Я знаю, отчего шальных ветров напевы
В чарующий тот миг застенчиво робки,
И отчего дрожат янтарные посевы
На горнем берегу зардевшейся реки.

Я знаю, отчего, неюный и серьёзный,
Я – тот, кто видел всё и ко всему привык –
Не говорю себе, её завидев: поздно,
И знаю, отчего немеет мой язык.

Я знаю, отчего так глупо столбенею,
Когда в заботах дня вдруг сталкиваюсь с нею.

* * *

Прошло всего с полсотни блёклых дней,
А страсть ушла. Развеян образ чудный.
Я, вырвав чувства из груди своей,
Разрушил град любви, как вор приبلудный.

Едва ли я вернусь туда опять,
Где ночь без сна, где день, как сновиденье.
И на кого, не хочется мне знать,
Оставлено любви моей владенье.

Мой Рубикон струится позади.
Я бросил жребий и лишился боли.
Теперь, в глазах сурового Судьи
Я уличён в бездушье, как в крамоле,

И осуждён на будничный закат.
Ушла любовь – мой друг, мой адвокат.

* * *

Сухим металлическим блеском
Разъявших пространства лучей
Влекомый, иду перелеском –
Свободный, забытый, ничей.

Я вижу, как травы сминает
Предзимья незримый дозор,
Как тёплые краски сменяет
Зимы леденящий декор;

Как в настезь открытые дали,
В совсем уже стылую синь,
Уходит октябрь, покидая
Сонм сонных берёз и осин.

Была ли любовь?.. На похмелье
Я пью холодов этих зелье.

* * *

Когда я вижу толстый фолиант –
Набор скучнейших фраз – невольный ужас
Овладевает мной. Какой талант
Родил дитя такое, поднатужась?

Зачем же мой небыстрый карандаш
Марает этот чистый лист бумаги?
Зачем и я впадаю в эпатаж,
Набравшись неоправданной отваги?

Не для того ль черчу я этот след,
Чтоб пасть строкой дешёвых мемуаров?
И оказаться в избранном числе
Не считанных «вольтеров» и «пиндаров»?

Как чуден день, дарованный судьбой!
Живи же им, и в нём живи собой!

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Окончила Горьковский государственный университет имени Лобачевского. Член СП России с 1998 г. Главный редактор альманаха «Третья столица». Автор двадцати поэтических сборников и прозаических книг таких, как «Антипушка», «Снегопад в моём подъезде», «Грибной дождь для Лёвы» и других. Публиковалась в журналах, альманахах. Участница и дипломант поэтических фестивалей. Живёт в Нижнем Новгороде.

ВЕЧНОСТЬ ПРОДЛЕВАЯ

* * *

Там коврик цветастый.
Там радости весть.
Там много любви и свободы!
– Откройте мне дверь!
Проживала я здесь
в мои безмятежные годы!
И сколько по улицам вдоль сентября
бродить мне ещё одиноко?
Вся память моя – две берёзы, скамья,
упрямая, тихая тропка.
Звоню в домофон. Никого. Ничего.
А было так много, поверьте,
такое бесчисленное большинство:
открытка от папы в конверте,
иконка в цветочках лазоревых вся,
часы на комод с кукушкой,
все в рюшках узорных там шторы висят,
там блеск новогодних игрушек!
Там сдобой пахнет!
Вы люди иль нет?
На улице ветрено, стыло!
...Я пачку купила тогда сигарет,
хотя никогда не курила.

Я выпила водки,
хотя я не пью,
гранёный, холодный стаканчик.
Никто не поймёт эту горечь мою,
и что для меня она значит.
Мне окна смотрели устало в глаза –
я жадно глядела
навстречу!
...О, как ты чиста, золотая слеза,
как женщина, родина, вечность!

* * *

Это диво – Мамврийского дуба росток!
Вижу: скалы, деревья и выпуклый мыс.
Распелёнатый натрое жизни исток –
эту почву из чахлого корня прогрыз.
А внутри у него гулко сердце поёт
тихим ангельским голосом, что Авраам,
услышавший всю музыку, семь её нот,
услышавший весь мир, волю давший росткам!
И отсюда пошёл человеческий род
во все круги земли, на восход и закат.
– О, не смейся, ты, Сара! – ответил Господь.
– О, нет, не смеюсь. Мой сыночек зачат...
И запела листва, потекли звёзды вниз,
и упали они. А когда рассвело,
все столетья прошли, все закаты сплелись,
дуб Мамврийский взошёл – миру вновь повезло!
Я гляжу на мальчишку, что вместе с отцом
нам ворота открыл. И я делаю шаг
на священной земле, чтоб лицо пред лицом,
чтоб воочию видеть, чем бредит душа!
Этой красною глиной и твердью земной,
желудями, корой, крохой-дубом в тени.
Ибо сказано: «О, вы идите за мной!».
Ибо сказано: «О, все вы – дети мои!».
И не я ли молилась, колени прижав,
на прохладном полу, чтобы мир не угас?
Воробышка-мальчишка со взглядом стрижа
где-то в старой Москве тоже ведал о нас...
Не его ли молитва скорее дошла
вся в окалинах звёзд, вся в осколках снегов?

Этот дуб, распелёнатый на три ствола,
посреди благовестных Хевронских лугов.
Виноград – низкорослый особых сортов,
это тоже тогда лицезрел Авраам.
И Россия, хранимая Божьим перстом,
вся в осколках снегов, вся похожа на храм!

* * *

Вода вкусна. Она особых качеств,
водою этой небеса заплачут,
водою этой реки побегут.
Мне их – прозрачных и бездонных – мало!
Струя впивается мне в кожу, словно жало...
О, воды, что грызут подземный грунт!
О, воды, что размером с пол-ладони!
В болотце нашем вряд ли кто утонет:
там только тени блёклые снуют!
По осени там – клюквенное царство.
Коряга, спёкшаяся в чёрный жгут,
как будто чувство вовсе не угасло,
любовь – не в бровь, а в глаз и дальше – в сердце
сквозь все минуты, интервалы терций.
И в детских ботах хлюпает вода.
И мне одиннадцать. И птица изо льда
примёрзла к перекладине колодца.
И мир не треснет. Мир не разольётся
из вёдер, перелитых без труда
в блестящий, оцинкованный цилиндр
из жгучих, яро спаянных глубин.
Купанья час! От печки жар нисходит,
и пахнет хвоей сладкой, новогодней,
халвою, негой и рахат-лукумом,
и чем-то неуёмным, дерзким, юным.
Как будто птица изо льда – взлетит
сегодня в ночь! Родная, расписная,
а ты куда? Со всеми вместе в стаю.
Но сердце, сердце, сердце так щемит!
«Останься!» – крикну. Разбивая лёд,
она и бровью вслед не поведёт!

* * *

О, мир изначальный, бессмертный, тебе исполать!
И слава тому, кто умеет тебя исторгать.
Так вот для чего – наша Пасха, Крещение и Суд,
идёт исчисление с первых – на башне – минут.
О, как мне жилось, словно пелось, о, кровная связь!
И жизнь удалась. И вселенная вся – удалась!
Когда в лёгком платье – из ситца иль шёлка подол,
раскрыты объятия, и пущено время в помол,
и все те слова
о любви безграничной в пути,
о, как они могут меня далеко завести!
Где нету предела, где нету границ и оград,
лишь ангелы корни пускают и древо растят!
И всё это будет однажды расти и цвести,
когда те слова – о любви и прощенье – в пути!
О, мальчик, цыплёнок – дитя моё! Божье дитя!
Там сфинкс петербургский с тобою играет, шутя!
Он вместо собачки, он вместо пернатых и рыб,
пока неутешен, пока ты рыдаешь навзрыд...
Твой ангел корнями врастает и бьётся об лёд,
он ведаёт-знает, что время твоё настаёт,
пока не родился Иуда, покуда не жжёт поцелуй,
ты млей на подушках, алкай это время, взыскуй!
Мы все – иномирны, пока нас никто не предал,
пока ты глядишь, между безднами – есть интервал,
прижми его к телу. Вот так. Да покрепче прижми,
купельное утро, купельное время – твой мир!

МИСТИЧЕСКИЕ ВИТРАЖИ. ДЕБЮТ В ВИТРАЖАХ

Даша ЕВДОКИМОВА

Жительница Москвы, ученица 8-го класса, только начинает свой творческий путь. Она любознательна, много читает, увлекается игрой в большой теннис, занимается плаванием. Учится в Художественной школе. Мечтает стать писательницей. Представленные здесь рассказы являются её литературным дебютом.

РУСАЛКИ

Рассказ

Море. Оно всегда притягивает к себе необъятным пространством и некой загадочностью. Ветер, что легко покачивает чаек на тихой глади воды, несёт в себе его тайны: резкие песни сирен, громкое дыхание чудовища Кракена и печальное пение русалок. Русалки. Кто они такие, пожалуй, никто не знает. Думают, что они прекрасные существа, дочери Нептуна, который следит за порядком Мирового Океана. Но это всего лишь выдумки старых рыбаков, которые клянутся своим внукам, что видели безумно красивых дев с длинными рыбьими хвостами. На это можно тихо усмехнуться, ведь русалки никогда не выплывают на поверхность, потому что боятся влюбиться снова. Вы думаете, что они рождаются из смеха детей, как феи? Ошибаетесь, морские девы – это влюбленные в тех, кто принадлежит другим. Русалки – красивые и в то же время печальные создания с длинными волосами и бледной кожей, которая светится при свете луны. У таких, как они, прошлое, которое невозможно забыть.

* * *

Это произошло много лет назад, когда люди ещё не знали фальши и обмана. Ей было семнадцать, восемнадцать – Ему. Счастье, которое переполняет девичье сердце накануне свадьбы, невозможно описать. Оно, как легкий ветерок, который еле колышет кроны деревьев, как тёплый запах моря на рассвете, когда мир только просыпается. Душа

ликует и трепещет, а сама невеста хочет петь.

А теперь представьте, что Она видит Его с другой. Надежды падают с края души, а улыбка сползает с дрожащих губ. Сердце бешено колотится, а разум будто отключился. Хочется тихо упасть в объятия любимого моря, которое никогда не обманет, не предаст и примет в себя. Так просто сделать шаг вниз и легко полететь туда, где волны с шумом разбиваются о скалы...

Никто никогда не узнает, что первая русалка появилась тогда, когда мир только познавал низкую ложь.

Море. Оно всегда притягивает к себе взгляды тех, кто любит.

* * *

Не предавайте, юноши, тех, кто любит Вас. От Ваших слов и действий зависит судьба той, кто однажды может стать прекрасной морской девой, с прошлым, которое никогда не забудется.

ПЕШКИ В РУКАХ ХИТРОЙ СУДЬБЫ

Рассказ

Люди – странные существа. Ими легко манипулировать, заставляя ревновать. Из-за сильной, сумасшедшей любви к другим Они ревнуют по-чёрному, чуть ли не желая смерти. И именно эту смерть приношу Я. Безумная, врываюсь в жизни людей, заставляя их страдать и мучиться. Мои жертвы умирают в агониях, будь то заказчик или сама цель: я убиваю всех. Со мной не надо связываться или искать меня, я найду Вас сама. От меня не скроется искра ревности, ненависти и жажды ранить и губить души.

Моей матерью была Смерть, и я научилась убивать. Моим отцом был Грех, и я научилась загрязнять людишек. Со мной под руку идёт сестра-Ненависть, и от неё я учусь до сих пор. Я появилась очень давно, так давно, что помню Египетских Фараонов и древних инков. Я нахожусь во всём мире, но не все могут разглядеть меня в своих глазах.

Я – Безумие, которое открывает врата на тот свет. Я та, кто находится в самом сердце вашей души, заставляя её менять цвета: от кроваво-красного, до иссиня-чёрного, что поедает всё на своем пути. После меня не остаётся ничего, ведь сделав свою работу в одной душе, я ухожу оттуда насовсем, сразу же появляясь в другом сердце.

На мне много ссадин и царапин из-за того, что некоторые люди могут бороться, закрывая свои двери в душу. А мне всё равно, всё же в мире живёт более семи миллиардов жалких людишек, многие из которых делают щёлку в свою душу, зовя меня к себе внутрь.

Скажу по секрету, люди порой интересны. Они скидывают всё на меня, то бишь, Ревность. Да, в какой-то степени это правда. Но ведь

они сами звали меня, разве нет? Да, они звали чёрную Ревность, и вот Я пришла! Убивая все другие чувства на своём пути, поглощая разум и душу жалкого человечка, я проникаю в самое ядро живого существа. Мне ничуть не жалко людей, которых я гублю, будь то женщины, мужчины или дети. Они всего лишь пешки в руках у Бабушки Судьбы, где по правую руку стоит моя мать, а по левую моя ненавистная тётушка-Жизнь.

Я люблю отнимать детей моей тётки, нагло смеясь ей в лицо. Я все-таки – Ревность, а людишки – лишь пешки в руках двух игроков: Смерти и Жизни, Раздора и Мира, а также их детей: Ревности и Любви, Зла и Сострадания.

Я никогда не сдамся и проживу столько лет, сколько от меня надо будет людям. Ревность никогда не умирает, в отличие от жалкой Надежды. Люди не видели её, а верят?! Абсурд! Люди видят меня и становятся моими пленниками! А это то, что мне надо. В моём плену у них помутняется рассудок, и они становятся абсолютно другими. Они желают смерти соперникам, но в то же время боятся. За свою грешную душу, за свой разум, за свою жизнь. Они теряют право на существование себя, начиная бояться за то, что нельзя спасти.

И всё же люди перестают сопротивляться мне властной, отдавая мне полный контроль над собой. Я разрываю душу человека, раскрывая всю его ненависть и злобу, а человечешка понимает, что забыл о моей силе. Он впадает в Безумие. Я, как Демон, который за секунду пожирает душу человека. Только я хуже... От меня заказчику никакой пользы, кроме мига кайфа от понимания того, что он смог лишить жизни соперника...

После наступает моя любимая часть...Тюрьма, виселица, лава, тигр. Прошу, выбирайте! Это всё мои труды, да и мама будет довольна такими жертвами. Сначала тот, к кому ревновал, после тот, кто ревновал, ну а затем тот, из-за кого ревновал. Такое тройное убийство нам с мамой очень по душе. Мы знаем, что на нас гnevаются, но какое нам до людишек дело, ведь мы также пешки в руках хитрой Судьбы?

Вера БЕРГ

Родилась в семье потомственных врачей. В детстве любила слушать рассказы деда, сидя у него на коленях на кухне, где бабушка пекла незабываемые пирожки с капустой. Окончила старейший питерский медицинский ВУЗ, работала в родном городе. В перестроечные годы уехала за границу. Любовь к родному городу и родному языку привила внукам, которые выросли на пересказах бабушкиных историй. Реализовала давнюю мечту – писать самой. Живёт в Милане.

СТАРЫЙ ДРУГ

Сюж

– Алло, ну я подъезжаю, ты меня встретишь у банка, чтобы я дорогу не искал?

– Да, конечно, как выйдешь из трамвая, переходи дорогу к двум высотным домам. Там у банка я тебя встречу.

....

– Привет! Тысячу лет не виделись! Я рада, что ты выбрался! Как добрался? Красивый белый костюмчик.

– Привет, да, давно не виделись. Быстро доехал, без проблем. А симпатичный у тебя здесь район!

– Мне тоже нравится, мой дом справа, за аптекой. Надо дорогу перейти. Ой! Ногу подвернула... Здесь выбоина в асфальте.

– Держись за мой локоть. Подожди, машина едет слева... Куда же ты? Не тяни так локоть, а то оторвёшь.

– Прости, мы так давно не виделись, что я забыла, насколько ты хрупкий.

– Да, с этой работой вообще не остаётся времени с друзьями встречаться, я уж и забыл, когда мы последний раз виделись. Хорошо у тебя здесь, воздух свежий, не то, что в центре.

– Здесь даже вдоль дороги приятно ходить – воздух чистый и вишни цветут, ты заметил?

– Нет, не заметил, когда пойду обратно, посмотрю. Тихо как – машин нет, птички щебечут – красота!

– Вот мы и пришли, вот мой подъезд, заходи. Вызывай лифт, а я сейчас почту возьму.

– Какой этаж?

– Второй, только сначала «Стоп» нажми, а то этот лифт странный: ездит, куда ему вздумается, памяти у него совсем нет.

– Сколько картин! Это твои?

– Это репродукции, мои только портреты, а акварели соседка попросила повесить – пейзажи её родного города. Они мне не нравятся, но из уважения к ней я их стараюсь не замечать.

– А кто эта девушка в красном? Подруга твоя русская?

– Нет, это натурщица, девушка цыганка. Заходи, смотри: мои кошки нас встречают!

Он сделал шаг, но зацепился за ручку, ветхая ткань рукава порвалась. Он остановился, но было поздно: прах посыпался, разносимый сквозняком по прихожей, ветхие одежды упали белой кучей на порог. Кошки, испугавшись резкого движения, убежали.

«Хорошо хоть в квартиру успели зайти, а то пришлось бы прах собирать с лестничной площадки», – подумала она, быстро проходя вглубь квартиры, чтобы закрыть кошек в комнате и не дать им разнести прах по всей квартире. Она присела на пороге и стала ворошить белую грудку мягкого тряпья.

«А, вот и мобильник! Надо его девушке позвонить, чтобы приехала и забрала его, а то я уже и забыла, как мумию пеленать. Но сначала соберу прах, а то каждый раз после падения он что-то теряет: то ухо потерял, потом я всем друзьям звонила, спрашивала, у кого забыл, а в последний раз у нас левый мизинец оставил. Закатился под диван, две недели не могли найти».

– Алло, Федерика? Это Наташа, у меня тут Андреа упал, ты не могла бы приехать помочь его собрать?

– ...

– Спасибо! Жду.

«Да, жаль, что он так сразу на пороге развалился... И штрудель не попробует, который я к его приезду испекла. Заверну половину Федерике, съедят дома, когда он в себя придёт».

Рисунок Константина Сомова

В ЛАБИРИНТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЗЫСКОВ

Инна БОГАЧИНСКАЯ

Родилась в Москве. Окончила Одесский университет. Статьи, очерки, стихи публиковались в республиканской и всесоюзной прессе. Автор пяти книг поэзии и прозы: «СТИХиЯ», «Подтексты», «В четвёртом измерении», «Перевод с космического», «Репортаж из параллельного мира». На конкурсе «Книга года» (1991) Энциклопедии Британника названа одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского Зарубежья. Лауреат Международного фестиваля русского искусства в Чикаго (1991), «Поэт года-1991» в Нью-Йорке. Награждена медалью «За достижения в области культуры и искусства» от Кирилло-Мефодиевской Академии. Творчество поэтессы высоко оценивал Андрей Вознесенский. С 1979 г. проживает в Нью-Йорке. Известный в эмиграции поэт и журналист.

В ПОИСКАХ НЕПОЗНАННОГО «Я»

Мадам Бовари – это я

Гюстав ФЛОБЕР

Пока перо не отспорилось
И в душе не пророс бурьян,
Позволяю сложиться пропорции:
«Творчество – это я».

Тем, что сыто, но обесцвечено,
Меня не заполнить.
Проникаю в сигналы Вечности
И ответа прошу у них.

Так всё во мне разнозначимо!
Не характер – взрывная смесь.
Хоть и горьки плоды познания,
Выбираю – знать и уметь.

Что за каждым символом мается?
Что сокрыто в сюжетах сна?
Принимаю одну информацию:
«Себя самого познай».

Так это же я – охотница.
Это же я – мишень.
Что-то во мне не сходится,
Как ветки и вермишель.

Это же я – юродивая.
Это же я – титан.
Ещё не остыла вроде бы
За миражом летать.

Это же я – обречённая.
Это же я – хирург.
Это меня, как девчонку,
Опять под венец берут.

Это же я – подсудимая,
Это же я – судья.
Ночью и днём скандирую:
«Всё-таки – кто же я?..».

На самом заядлом форте
Едкую, как нашатырь,
Провозглашаю формулу:
«Я – это всё, что не ты».

Что это – эгоманья?
Или эгоцентризм?
Дороже – себя обманывать.
Дешевле – с кем-то хитрить.

Во всех этих асимметриях,
Импульсах и скачках
Такие таятся мелочи –
Значимее не сыскать.

Будь то грешники или католики,
Главное – что внутри.
Ведь не врал же Флобер, который
Назвался «Мадам Бовари».

Нет ответов,
как ложь,
обоснованных.
Легче – готовить обед.
Или, скажем,
махнуть в астрономию,
Чем разбираться в себе.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТИННОСТИ И МНИМОСТИ, ИЛИ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ОДИНОЧЕСТВУ

Ларисе Бурчак

Семья – это союз одиночеств

Марина Цветаева

Уродство и ущербность
правят миром.
От нелюбви потрескалась кровать.
Затем и создаём
сомнительных кумиров,
чтоб утром было для чего вставать.

Затем на всё
«не то» чугун внедряем в уши.
Пускаем пыль в глаза,
казня себя виной
и убеждая в том,
что может быть и хуже,
что можно, например,
состариться одной.

И не найдя ни в чём
забвения и смысла,
смиряться уныло с тем,
кто входит в дом,
проглатывая горькую
пилюлю компромисса,
себя вторгаем в
одиночество вдвоём.

Но грядет пустота,
подслащенная тщетно,
и клаустрофобия срезанных углов,
и взмыленный турнир
прощаний и прощений,
и острая, как дрожь,
молитва о былом.

И будет немота
озябшего обеда
в присутствии чужих,
отсутствующих глаз.
И внутренний порыв:
– Всё брошу и уеду,
не сетуя на то,
что жизнь не удалась.

Но ластится тахта.
И липнет телевизор.
И голоса подруг:
– Ты что, в своём уме?
Как в песне, научись:
«Не слышу и не вижу».
Не думать. Не любить.
Не плакать. Не шуметь.

Стать полутенью.
Чем-то среднепотолочным.
Жар-птицей,
чей светильник взаперти.
Но вдруг понять,
что ад снаружи позолочен.
А рай – он и без золота блестит.

И что вдвоём –
не значит радостней и проще.
И что Источник
всех источников внутри.
Что надо, наконец,
разрушить круг порочный
и перестать
с собой лукавить и хитрить.

Пусть будет тон
железен и заносчив,
всем объяви:
– С собой остаться не боюсь!
Я больше
не деталь «союза одиночеств».
Я разрываю
названный союз.

В ответ
не жди подарков и возмездий.
Все в жизни
равно ропщут и скорбят.
Но потеряв
сомнительное «вместе»,
ты обретаешь
истинно СЕБЯ.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

...За то, что я больна – увы! – не вами!..

Марина Цветаева

Закат это или восход
В кольце коралла?
Кто в этот тайный статус вхож –
Понять старалась.

Затмение это или всплеск
Нежданной мощи,
Как будто вирус с неба влез
В вулкан эмоций?

Ошейник это иль алтарь?
Финал? Завязка?
Пульс воспаляется, как встарь, –
Опять увязла.

Светильник это или сдвиг?
Порок ли, пряник?
Когда сбегашь от любви,
Она нагрянет.

Находка это или бред?
Тепла хотелось?
Сомнительным лучом согрет
Мой дом. И тело.

Молитва это или миф?
Виразж влечения?
Иль, мир собою утомив,
Пора исчезнуть?

Тиран это или титан?
Курок иль милость?
Похоже, мозг решать устал.
Мысль утомилась.

Перелицую сей сюжет
С любви цунами.
И сообщу вам, что уже
Больна не нами.

В РУСЛЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Так в мире всё закручено нелепо –
Ну, просто фантазмагоризм какой!
Собой довольны раб, урод, калека.
А просветлённый обручён с тоской.

Найти пытаюсь смысл я в этих дебрях –
Так путник ищет свой ориентир.
А детектив – мотив в делах судебных.
А нищий клад старается найти.

И в ожиданье тайного сигнала
Молилась я, чтоб отворилась мгла.
И повторяла: «Если б юность знала!
И если б только, только старость бы могла!».

Ольга АДРОВА

Окончила факультет журналистики МГУ. Поэтесса, публицист, организатор и ведущая фестиваля «Возвратись в цветы» памяти А.Вознесенского, режиссёр поэтического видеоарта, участница Дней поэзии в Театре на Таганке. Автор публикаций в журналах «Студенческий меридиан», «Персона», «Московский журнал», в альманахе «Словесность», в сборнике «Шахматный рояль» (2011), «Журнал ПОэтов», книги стихов «Уцелела моя планета» («СовЛит», 2015). Лауреат поэтической премии им. Ю. Каплана.

ШАГАЛ

Пронизан синим
Воздух сизый –
Шагал
По снегу
Шагал.

МИМОЗА

Распутывай сложную прозу,
Четыре своди к одному.
А я покупаю мимозу
И в гости с собою беру.

И Пруст удивительно пишет,
И эти цветы хороши,
А взглянешь – могилую дышат,
Как мы, никому не нужны.

ЧУЖДЫЙ ЗОВ

Нам чуждый зов чужой души –
Уже отложенной страницы,
Как то, что долго не продлится,
И как проклятие уже.
Нам чуждый зов души чужой –
Ты шелесту её не внемлешь,
Под эти звуки дремлешь, дремлешь,
Под шорох птицы на меже...

ЧАСЫ

Как тикают часы, ребенка оглушая,
Как мается душа, не зная, для чего
Она сотворена, и родилась такая,
И больше ничего...
И кто ребёнку дал души глухое бремя,
Талантливой рукой нам вечность разминал,
Как назывался Он, – но тот в Него поверил,
Кто детство вспоминал.
А что теперь блеснёт? Гляди, тоска такая
Внезапно промелькнёт, как смерти
Санний след.
А то растёт в душе та женщина другая,
Которой равных нет.

Елена АНАНЬЕВА

Литератор, журналист, искусствовед, культуртрегер. Автор десяти книг поэзии и прозы. Участник более двадцати антологий, в том числе на немецком языке в авторском переводе. Участвует в литературной жизни Украины и России. Золотой лауреат Национальной Литературной премии «Золотое Перо Руси» (2015). Дипломант конкурса «Его Величество, книга!» в Германии за книгу «Квадрат древних – всегда квадрат» (2016). Гран-При Премии имени О. Бешенковской (2015-2016). Проживает в Германии.

Из цикла «СТИХИ БЕЗ ВИЗЫ»

Об Осени и Аленьком Цветочке

1.
Осень-художницу встретил Цветочек Аленький.
– Ты не спеши! Нарисуем с тобою счастье.
Капли дождя окропили волос пламень,
ливнями золота вмиг сменилось ненастье.

Хоть он ушёл тогда в дальние дали,
стал знаменит и успешен, её приметил,
столько камней отправил – цветных самоцветов,
всё, что собрал из дворца благодатного лета.

Голос звучит, но его всё не видно,
губы её оживились, припухли, вкус счастья
так ей запомнился, нежно ресницы
вздрагнули, ливнем нахлынув, –
любви утешенье в ненастье.
А поцелуй его – ах, какие сладкие,
в них ягод летних нектарное чудо.
Стали малиновы шелковицы сочной губы,
груш очертания вобрав, силу сливы юной.

2.

Осень-подружка, из Лета собрав украшения,
с берёзы – серёжки, у ивы – просветы терпения,
у одуванчика жёлтого пух припасла к зиме,
а с ветром озёрным скрепила контракт:
погладить одежды к весне.

А он промелькнул, прошептал лишь желание,
пообещал: я вернусь раннею ранью,
спешу для тебя, Осень, ночью гжелевой,
прекрасного счастья достать звезду, верь мне.

Сноп радуги вдруг из озонов ворвался в пространство,
и на ресницах туман задрожал, закружился в кругу.
И изогнулся мостом-месяцем радостно,
связал вместе прошлое с будущим наяву.

Да, листопадами чувств и всех желаний
не устелить пухом тёплым дорогу,
мы поспешим с тобой на свидание,
каждый придёт к желанному порогу.

Алый Цветочек мелькнул и исчез в тишине.

– Я соберу краски к белой зиме,
мы разисуем весь мир, чтобы стало светлей,
душ единение, вместе – добрей.
Встретимся мы по весне, непременно вернусь,
вместе отправимся в долгий и радостный путь! –
голос Цветочка, алея, вновь зазвучал,
там, где конец, там начало начал.

ПРОРОК

Вернулся он вновь –
Его имя воскресло, –
на пасху с дороги,
с креста сорвав сердце.
Пример показал всем –
правдивым и скромным –
готовы к распятию
на Аппиевой дороге.

За это им славу.
«Пророк!» – называют,
кто хочет, тот может.
Потом распинают,
потом, пригвоздив
даже вниз головою,
страдают пророки,
страдают герои.

За веру, надежду,
Распятые, Крещение –
Ход крестный, полёты –
потом Вознесение.
Разделит кусками
горящее сердце,
даст тем, кто страдает,
кто ждёт безвозмездно.

Вернулся он снова,
завесу откинув,
уходят мечтания,
реально дав силу
совместным деяньям –
нести крест и свет,
куда путь снова держишь,
«Камо грядеши»?

Пророки в полёте,
на тропах, во взводе,
пилоты души –
души верные в моде.
Лишь с ними в походы,
вновь в горы-пустыни,
где трудно идти –
друг придёт и поднимет.

Вновь в связке одной,
не с мобильным дозвоном,
а рядом с зарядом –
энергией полон,
с крестом – для показа:
распята неправда –
а сердце порвав,
разделить на всех сразу.

Оно так огромно,
мгновенно воскресло,
тем хватит кусочка,
кто верует честно,
так свыше пришло –
мы ведь заповедь пишем –
летим за добром.
Нас Всевышний услышит.

Теперь все пророки.
Любви и победы
получат – на счастье –
жар жгучего сердца.

А. ВОЛЛИС

Под этим творческим псевдонимом печатает стихи Людмила Олеговна Чернейко, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2014 г. вышел сборник её стихотворений «Исцеление строкой». Подборки стихов («Зимний триптих» и другие) публиковались в альманахе «Витражи» (№ 1/2 2016), в «Литературной газете» (№25-26, 2016). Автор поэтических переводов.

Из цикла «ТВОРЧЕСТВО»

Предвечное

Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis
Дай им вечный покой, Господи, и да светит им вечный свет

Под «Реквием» душа оттаяла,
а сердце сжалось до отчаянья.
В стихии музыки есть тайное..
С мелодией душа отчалила

от берега в большое плаванье
по океану щедроволному.
С надеждой оказаться в гавани,
доверилась звучанью полному

многоголосья унисонного:
мужского хора судьбоносного
и женского – просящестонного,
в своей беспомощности грозного.

Две силы, две стихии разные
сошлись под сводами соборными.
И люди празднично непраздные
внимали звуку рукотворному.

И натиску звучанья мощному
вдруг тишина преградой выросла.
Не та, что мёртвая, полночная –
она бы натиска не вынесла.

Вставала тишина Летейская,
как рок, священно-непреклонная.
И каждого судьба житейская
перед ней звучала, преклонённая.

В борьбе стихий, где «звук и пауза»,
«судьба и рок», «мольба-отчаянье»,
мне Лета виделась то Яузой,
то водной ширью без названия.

У Мессы, Хора – сила вечности,
непостижимой для агностика.
Без веры, в темноте беспечности
душе нет переправы, мостика.

И слёзный день, и день прощения
слились в поток благодарения.
Рождение – миг во-пложения.
Благословен момент творения...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

1.

Ты здесь была. Ты что-нибудь расскажешь
о мире нашем душам неродившимся –
как он ужасен, яростен, прекрасен,
в огне страстей как будто воспалившийся.

2.

Как тяжело идти по полю пахарем,
разбрасывать зерно в сухую почву,
искать воды, просить дождя, чтоб выжить,
и изучать созвездья гулкой ночью,
чтобы по ним предсказывать былое
и будущее видеть, словно в зеркале,
и думать, что сияющими звёздами
вы смотрите на нас, чтобы не меркли мы.

Александр СТУДНИЦЫН

Родился в Москве. Окончил Московский институт Стали и Сплавов. Член Российского СП. Публиковался в «Литературной газете», в альманахах, в том числе в «ПРЕДЛОГ.com» и «Витражи». Литературное творчество отличается оригинальностью. Основной своей миссией считает помощь в раскрытии духовной и запредельной составляющей бытия. Автор мистического романа в трёх частях «Сёстры Лилит».

СЛЯКОТЬ

От горького скопления гниющих в елях смол,
От мороси с грибницами, чей дух подземный в хвое,
Туманы дымны временем, их саван грызла моль.
Свежо и пусто, призрачно, но сыро всё пустое!

«На стол накрыты скатерти», – упало с языка.
Звала с дороги девочка – платок слетел к оврагам.
Касаюсь сосен – влажные, кора у них мягка,
Сапог хвою продавливал, внутри гноится влага.

Лес лодками без привязи верёвки ждёт, пока
Иду, и отдаляется мир лодкой шаг от шага.
До головокружения прощальна пыль с мостка!
Взмахну платком, чьи спущены с ветвей узлы двояко.

Лесной земле значение – последний взмах платка!
У мха молчали заводи, а духи у оврага
Ко мне, прощаясь, тянутся, речная тень легка!
Вдове в избе за скатертью о ней... приятно плакать.

ПИТОН

Ноги крестом – обвивает, как жертву питон.
Линии след мне в запястьях о цепи напомним,
Статую в дождь в том саду, где трава сквозь бетон, –
В доме твой взгляд, находящий во всём что-то, кроме...

Руки недвижны в кафе, их коснусь в полудрёме,
Сладостный сон догорал, а в золе сквозняком
Тень балерины – ты в клетке, избита, потом –
Мёртвую в ночь жгли с распятым у церкви на склоне.

Явь... изгибался питон, пьёшь ли кофе и мёд,
Тьме до молчания, знаю, в аду ты смеёшься!
Утром в кафе взгляд скользит у шоссе так серьёзно...

С каждой, кто гибла во снах, во мне что-то умрёт.
Крест у груди с двойниками сгорит в преисподней!
Алым улыбка в окно – головы поворот.
Ты уничтожила души мои, все до сотни!

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

У раздувшихся стен и обоев резных заперты
Есть негласная тайна – газеты с изнанки подложены.
С детских лет видя в дырах разрезы и шрамы похожие,
О когтях часто думал, один боясь в спальню зайти.

Вой собак по ночам слух пронзал, но, пугая почти,
Полюбилась мне ночь, жаль и дом, и сам страх – уничтожены!
Дом, как призрак, везде, мир хранит его вздохи тревожные!
Рвёт обои со стен, чтобы давние страхи спасти!

Кто-то ранит когтями, любя, не тая зла глубокого.
Кожа комнат, как сорвана, – зверь клад страниц не стерёт.
От пропавшего без вести фото в газете не трогало.

Улыбаясь, читаю, себя узнаю в краткий срок.
Жду спокойно, – мой зверь затаился во тьме где-то около.
Страшно чуть, но в том счастье, жаль –
понять его с детства не смог!

АЛХИМИК

Из негаснущей преисподней, подворотен и пыльной бездны
Поднимаются дымом сотни, из которых один воскреснет.
Миллионы однофамильцев воздвигают друг другу стены,
Строя мысленно новый город из имён своих постепенно.

В нём на улице псевдонимов из огня и воды алхимик
Мастерит изваяние в глине и вдыхает в него чьё-то имя.
Оживает гомункул и Голем¹, и тот город, что строился зримо,
Принимает его в макинтоше и с лицом неземным херувима.

Где из огненной подворотни в ночь выходит один из многих,
Мне свободнее и свободней повторять чей-то шаг в преисподней.
Повстречав человека в подъезде, я вдруг вспомню, что дал ему имя,
А он вспомнит, что отдал бессмертие...

всего лишь...

проходя мимо.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Верлибр

Прикосновения рук, десятков, сотен рук; поцелуй в лицо – крылья бабочки, а смерть её кто-то запомнил? Прикосновение к спицам зонта, который сломан не первый месяц... Может, что-то случилось?

С каждым касанием капель, с каждым дождём меня меньше и меньше, почти не осталось... Попавшие в тот же ливень чувствуют влагу, а завершается рукопожатие.

¹ Голем – персонаж еврейской мифологии. Человек из неживой материи, оживлённый каббалистами с помощью тайных знаний — по аналогии с Адамом, которого Бог создал из глины. В данном случае – искусственный человек.

Христиана РОСС

Художник-дизайнер с высшим образованием. Член СП России. Публикуется с 2008 г. в альманахах «Академия поэзии», «Витражи», «Золотое руно», в «Антологии современной литературы», сборниках поэзии и малой прозы. Лауреат различных литературных конкурсов МГО СП России, в том числе международных, а также конкурсов имени М. Цветаевой, А.Ахматовой. Награждена медалью МГО СП России «За вклад в отечественную литературу» (2015).

КАК РЯБИНОЮ РДЕЛА РОЩА!

*Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?
Головой склоняясь до самого тына...»*

Как рябиною рдела роща!
Дуб безмолвно желтел в закаты...
Желудями бросался в толщу
Всех надежд и тоски необъятной.
Великан в восхищённых взглядах
Осыпался хандрою в пространство.
Монумент нестигаемой правды
Тяготился таким постоянством.
Как утёсам не злиться на мели:
Берегам ни сойтись, ни расстаться!
Пусть судачат! Во взглядах успели
Эти двое навеки обняться!
Тарахтя, всё сороки иначат...
Что качает от хмеля рябину...
Пламя ягод бесстыдно не прячет.
Всю себя уронила до тына.
...Зимний выдох вернул гроздьям сладость.
Ржавый цвет, будто алые капли.
Не рубцуются горькая радость...
Всё кричит одинокою цаплей.

ПУСТЬ ОСЕНЬ ЖЖЁТ ЛИСТВУ

Пусть осень жжёт листву,
Как расставанье – письма,
И не стыдится наготы своей.
И нотами нахохленные птицы
Над одинокою бесплодностью ветвей.
Что ж... Пусть покорно примется такое.
И, укрывая до весны, благословит.
И пусть душа, жалея всё земное,
О небе и поёт, и говорит.
Благая череда... И смерть – уже не повод
Обманываться крайнею чертой.
Любовь есть путь, натянутый, как провод,
Меж небом и потерянной Землёй.
Не утрашили ни преграды, ни бураны.
Всё отдающий – вновь себя творит.
Так музыка: то бередит, то лечит раны
И гладит их рубцы...
И с сердцем говорит.

ВЫДОХНУЛА НОЧЬ ГОЛУБУЮ ЗЕМЛЮ

Выдохнула ночь голубую Землю.
И дрожит слезою выпуклая синь.
Раздирает кожей мёрзлость почвы семя.
Верую такую, сердце, не остынь!
Всё уже придумано и не нами спето,
Нежною свирелью и песней горловой.
Вновь с пригорка катится бронзовое лето
То слепит, то прячется за тучкой дождевой.
Птичий голос тает в поднебесье смуром,
Чтоб рвануться ввысь песенным нутром!
Так томятся души в человеческих шкурах,
Рвут земной базальт верою в добро...

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН

* * *

Грачи врачевали саднящие дали,
Копаясь сноровисто в комьях земли;
Над этим бессрочным живым биеннале
Витийствовал призрак паяца Дали.

Его эскападами мир заморочен,
Завёрнут, как кукла, в цветное тряпье,
И день, словно слайд, глянцеват, но не очень:
Отснят, отпечатан – в архив, в забытьё.

Погожая ночь – близорукая кляча
Сжевала врачующих дали грачей,
В полях расплескалась мелодия плача,
И вспыхнула в небе звезда ловкачей,

И нагло застыла на кончике пальца
Великого мэтра – дельца и паяца.

* * *

В путях развитых инфрасетей,
Через омуты знаний-болот,
Выбираясь из топей-идей,
Обретающих имя и плоть,

Я пытаюсь пройтись, не спеша,
Мимо тёплых крестьянских дворов
И глазами взглянуть малыша
На бредущих вдоль речки коров,

На опрятные клинья полей,
На раскрытую неба скрижаль...
Неужели скучаю по ней? –
Той, кого несказанно мне жаль,

Что покинула отчий свой кров
И ушла, мне оставив любовь.

* * *

Предвестником позорного битья
Земную даль объял закат багровый,
Но не признал конечность бытия
Мой стих – то легковесный, то суровый.

Энергия бездушной суеты
Плескалась смачно в городских кварталах.
Я не был с нею никогда «на ты»,
Но и она меня не привечала.

Она ломала стены «старых» догм
И заводила «новые» свободы.
И, за итогом подводя итог,
Багровому грозила небосводу.

Она в фаворе. Ей не прекословь.
В ней гибнет всё. И вера, и любовь.

ДРАМАТУРГИЯ

Анатолий ГРЕБЕНЬ

Молодой начинающий писатель. Родился и живёт в Москве. В 2016 году поступил в Литературный Институт имени А. М. Горького, на семинар драматургии. Начал печататься, когда учился в школе. Дебютировал в Международном альманахе «Витражи» с рассказом «А. П. Коршун», который при поступлении в институт получил самый высокий балл. Две статьи опубликованы в журнале «Да Сигна». Автор цикла рассказов, двух романов-антиутопий, двух пьес и нескольких миниатюрных сценок.

В ЛИФТЕ

Этюд

Действующие лица:

Павел – вдовец

Илья – алкоголик

Диспетчер

Девушка

Явление первое

В грузовой лифт заходят двое мужчин. Первый (*Павел*) с виду интеллигентный мужчина лет тридцати, одет в чёрный костюм, крупный, с умным выражением лица. Особенно выделяются покрасневшие от слёз глаза. Второй (*Илья*) – небольшого росточка мужичок, возраст в районе сорока. Массивная красная физиономия с синяками под глазами, как у алкоголиков, у него в покрытой волдырями руке бутылка спиртного.

Лифт трогается. Через некоторое время его резко подбрасывает вверх, затем – вниз. Свет затухает на время (минуты на две.)

Павел (цокает языком). Чёрт!

Илья молча сильно «долбит» по кнопке вызова диспетчера. Свет зажигается, отзывается диспетчер.

Диспетчер. Что у вас случилось?

Илья и Павел (хором). Мы застряли!

Диспетчер. Поняла! Не надо мне тут орать на ухо! Мы с вами свяжем... (*помехи; связь прерывается.*)

Павел (снова цокает). Чёрт... (*Прислоняется к стене; поднимает взгляд на потолок.*)

Илья (ещё немного подолбив по кнопке). Вы с похорон что ли?

Павел (с вялой неохотой). С чего вы взяли?

Илья. Вы во всё траурное одеты. Вот я и подумал... (*Застенчиво замолкает.*)

Павел. Да. (*Делает паузу.*) С похорон.

Илья (оживившись). Кто-то близкий или дальние родственники?

Павел (взгляд опускает вниз). Близкий. Жена.

Илья. А-а! Соболезную.

Павел молчит.

Илья. Мне, правда, жаль. Простите, что спросил.

Павел. Почему вам жаль?

Диспетчер. Аллё! Есть кто ещё?

Илья и Павел (хором). Да!

Диспетчер. Хватит орать! Мы вас вытащить сможем только через полтора часа. Ждать будете? Эм... В смысле, ждите! (*Связь обрывается.*)

Павел опять цокает языком, скатывается по стене и садится на пол.

Пауза.

Каждый из пассажиров думает о чём-то своём, разглядывая стены лифта. Илья отхлёбывает из бутылки.

Илья. Я – Илья. (*Протягивает руку.*)

Павел (смотрит с недоумением; пожимает руку). Павел.

Илья. Похоже, мы здесь надолго, да?

Павел (вздыхает). Похоже на то.

Пауза.

Илья. Знаете, у меня за последнее время сильно изменилось отношение к жизни.

Павел. Почему же?

Илья. Я много плохого успел совершить. За свою жизнь я толком ничего хорошего и не сделал. Я... не помогал людям, не делал добра. Никогда не задумывался ни о ком, кроме себя. И всё шло по нарастающей.

Павел (сам с собой). К чему этот монолог?

Илья. Алкоголь... по мне видно, да? (*Усмехается.*) Наркотики...

Павел. Прошу прощения... (*Раскрывает рот, словно хочет прервать Илью, но потом жестом велит продолжать.*)

Илья. Я скатился до самого низа... (*скатывается по стене и садится напротив Павла; отпивает из бутылки*)

Пауза.

Илья. Не помню, как звали ту девушку. Нет, я не знал её имени. Я лишь помню лицо: тонкие губы, худые щёки... Глаза. Эти прекрасные глаза... Голубые! Они смотрели на меня молящим взглядом. Молочно-белые волосы до плеч. Они развивались на ветру. И то платье... Белое с голубым рисунком цветов и вырезом сзади...

Павел тяжело и нервно вздыхает.

Илья. Что?

Павел (нервно, не глядя в глаза Илье). Ничего. Продолжайте.

Илья (тяжело вздыхает). Я разорвал то платье. Я силой сдёрнул его с её нежного и хрупкого тела. А под ним ничего не было. Совсем ничего. Ей на вид было лет двадцать. Она мне в дочки годилась, серьёзно. И это меня не остановило. Я окончательно потерял голову, алкоголь и наркотик в крови взяли своё. Я уже не отдавал себе отчёта, но вот все образы я запомнил. Теперь они, как напоминание мне, как наказание...

(вздыхает; вытирает слёзы; делает глоток).

Павел (сам с собой). Боже... Нет. Этого не может быть... Её убил мужчина средних лет и средней комплекции, с грубыми руками. Так сказал следователь. Пальцы все в экземе, поэтому шелуха осталась на шее. А на его руке должен быть укус до крови. Она его сделала, когда боролась.

Илья. Она пыталась спастись. Вот. *(показывает локоть с укусом).*

Павел (сам с собой сквозь слёзы). Это он!

Явление второе

Всё те же всё в том же лифте.

Павел (немного успокоившись; он не показал эмоций собеседнику). Где вы её встретили?

Илья. А?

Павел (монотонно, стараясь скрыть раздражение). Где это всё случилось?

Илья. Это произошло в окрестностях Казанского вокзала, если мне не изменяет память...

Павел (сам с собой). Всё правильно.

Илья (вытирает слёзы, жмурится). Я не хотел, видит Бог, я не хотел. Так низко я ещё не падал! Боже... У неё же родители, семья!.. А я просто отнял её у них!.. И почему такие, как я, живут, а такие, как она, умирают? Почему не наоборот?!

Павел (сам с собой). То же самое спрашиваю у себя... *(Вслух).* Как до этого дошло?

Илья. А? К такому всё шло постепенно. Наверное, вы думаете, что я сирота из детского дома или несчастный ребёнок из неблагополучной семьи?

Павел. А как иначе?

Илья (усмехаясь). Я вырос в самой обычной семье. Моих родителей нельзя ни в чём винить. Их, как оказалось, можно только жалеть... Я единственный ребёнок в семье... Как следствие, я не был обделён заботой и любовью. У меня было всё. Даже слишком... Достаточно, чтобы отнимать у других.

Павел. Как это понимать?

Илья. Я не знал истинной цены таким обычным понятиям, как чья-то жизнь. Да даже моя собственная... Уже в четырнадцать я «взял моду» сбежать из дома, курить, пить, общаться с людьми, которых обычно принято избегать... У меня не было цели в жизни. Я лишь хотел постоянно потреблять что-то новое.

Павел. Наркотики?

Илья. Мда... Уже в семнадцать лет я достал первый косяк...

Пауза.

Павел. Она говорила что-нибудь?

Илья (отрешённо). Кто?

Павел. Та девушка... *(Тяжело вздыхает).* С Казанского.

Илья (подумав). Нет. Я не помню.

Павел. Плакала?

Илья. Нет. Я удивился, но нет. То есть слёзы бежали из её глаз, но не было какой-то конвульсии или истерики. Она боролась, но не рыдала. Всё пыталась вырваться. Изо всех сил...

Павел. Она была сильной...

Илья. Да. Выходит, что да. А я... *(Усмехается).* А я даже сейчас думаю только о себе. *(Делает глоток).* Ох, знали бы вы, как мне хочется искупить всё, что натворил. Её семья... Я хочу... Хотел бы встретить их, чтобы они придумали достойную расплату мне. Ох, если б была возможность её вернуть...

Павел (вытирая одинокую слезу). А что бы они сделали? А ты *(с пренебрежением)* не думаешь, что им одно твоё лицо причинило бы огромную боль?

Илья. Мы уже на «ты»?

Павел (всё с тем же пренебрежением). Нет, я на «ты», ты - на «Вы».

Илья (усмехается). Понимаю. Вы презираете меня за это? Я понимаю. Я сам себя просто ненавижу!

Павел. Так что бы они сделали?

Илья. Убили бы.

Павел. Думаешь?

Илья. Я не знаю. Сказал бы «я бы убил», но мне противна даже мысль об этом. Нет. Я хочу, чтобы **МЕНЯ** убили. После такого не живут, лишь

существуют. Жалкое существование червя, что не достоин жизни. *(Делает глоток)*.

Павел. А чего стоит то, что ты сейчас делаешь?

Илья. Что?

Павел. Жалеешь себя. «Убейте меня, убейте...». Ты не пытаешься понять! Ты не знаешь, каково это.

Илья. Не знаю. Я хочу, чтобы никто не знал.

Павел. А что всему виной? Быть может, алкоголь? Ну, скажи.

Илья. Нет, не алкоголь. Люди сами. Не оружие убивает, а люди. Не алкоголь, а люди. Не наркотики, а люди сами уничтожают себя изнутри. Если бы была у каждого воля, не было бы всего этого.

Павел. А как быть её родителям, родным и близким сейчас? *(Вытирает с лица слёзы, сжимает кулаки)*. Ты сказал, что они должны убить тебя.

Илья. Да. Должны!

Павел. А они, как ты?

Илья. Что?

Павел (с раздражением). А они, как ты? Они убийцы?

Илья (с виноватым лицом).

А я убийца?

Павел со скрытой ненавистью усмехается.

Илья. Я не хотел делать того, что сделал. Я бесконечно ненавижу себя за это, за всё. За то, каким путём я до этого докатился, за то, что я вообще до этого докатился. Какое право я имею отнимать чью-то жизнь? Просто потому что какие-то свои желания я не смог усмирить. Животные желания, ужасные, примитивные, противные. Вам не понять, каково быть на моём месте, простите.

Павел (еле слышно). А тебе не понять, каково на месте её близких... *(Громче).* А зачем же ты мне всё это начал рассказывать?

Илья. Не знаю.

Пауза.

Илья. Каждый должен получать по заслугам!

Павел молчит.

Илья (будто сам с собой, но вслух). Абсолютно каждый!

Пауза.

Павел. А твои близкие что сделали бы? Если бы тебя убили, твои родные стали бы мстить? Вот, как ты считаешь, «поступили бы правильно»?

Илья (сквозь слёзы смеётся). Если бы были живы... Нет! Они бы не смогли. Мои родители бы страшно горевали. Возможно, даже впервые за свою долгую жизнь кому-то пожелали смерти. Но они бы не убили – не такие.

Павел. Они погибли?

Илья. Умерли. Сердечный приступ матери после... *(дрожащим голосом)* моей выходки... А следом и папа...

Павел. «Выходка» – надо полагать девушка?

Илья. Нет. Это было гораздо раньше. Перед тем, как я угодил в оздоровительный центр. Я... продал... её картины... любимые... за очередную дозу... *(Плачет)*.

Павел (со злобой). Помог оздоровительный центр?

Илья молчит.

Павел. Как странно... Отчего же твои родители не взяли бы на душу такой грех, а родные девушки должны?

Илья снова молчит.

Явление третье

Всё те же. Илья спит, Павел размышляет.

Павел (сам с собой). Что за дьявольская шутка?! Что же это? Неужели мало с меня испытаний? Почему именно он? Что я должен сделать? Убить?! Я??? Боже, как же я хотел этого до сегодняшнего дня! Мечтал об этом! Жил лишь мыслью найти его, увидеть, посмотреть в глаза и сказать: «Я её муж, мразь!». И вот он, спит передо мной. Он мой! Я могу сделать то, о чём мечтал... Но что мне это даст? Хотя, стоит мне закрыть глаза, как она вновь всплывает передо мной... И я глажу её шёлковые волосы *(водит рукой по воздуху, изображая сказанное)*, люблюсь глазами, целую губы и слышу этот волшебный смех!

Появляется образ девушки.

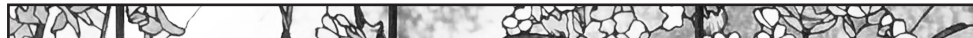
Девушка. Любимый мой! *(Смеётся)*. Как же я соскучилась по тебе, родной мой...

Павел (плачет). И я... *(Вытирает слёзы; смотрит на Илью; всё ещё говорит сам с собой)*. После этого я вновь желаю убить... Я знаю, чего вы хотите! *(Смотрит вверх)*. Невозможного... *(Безумно смеётся)*. Прощения! Его искупления!

Павел молчит какое-то время.

Павел (сам с собой). Я ведь не убийца... Его смерть мне её не вернёт... Ничто не вернёт... И он будет жить, и даже с моим прощением будет мучиться, до конца. Этот будет *(Смеётся)*... Будет... Странные те люди, которые считают месть искуплением и решением всех проблем. Как может месть принести покой в душу? Как может месть вернуть любимого человека? Смерть за смерть... Немыслимо! Лишь она одна мне нужна. Не его смерть, а её жизнь!

Илья резко просыпается и начинает тихо плакать в углу.

Павел. Почему ты плачешь?

Илья (испуганно, забившись в угол). А? Она... Снова она, Павел...

Павел (сам с собой). Сейчас только я ему судья...

Диспетчер. Вы ещё тут? В общем, к вам выехала аварийка, будет через минут десять-пятнадцать. Ждите!

Павел с гневным лицом смотрит на Илью,
тот поймал на себе этот взгляд.

Павел. Осталось немного...

С ДРУГОГО ЯЗЫКА

Арон ГААЛ

Aron GAAL. Член СП Венгрии «EMIL», СП XXI века, Россия. Родился в 1952 г. в Будапеште, окончил лицей и университет. Живёт в пригороде столицы Пилишясфалу. Дебют – в журнале «NIMROD» (1969). Президент Европейского культурно-литературного фонда «EOS-2007», Директор Фестивалей «Море и Слово», «Встречи на берегах Дуная». Художественный директор издательства AMON, Будапешт, Венгрия. Пережил «период творческого молчания поэта» (1972-1987), когда по политическим мотивам его не публиковали. Автор «Гимна Ясов (Венгерских Аланов)» (2000 г., переведён на

18 языков). Произведения изданы в 14 странах. Автор 18 книг стихов и сказок, изданных в России, Сербии, Румынии, Германии, Испании, Израиле, Украине, Литве. Переводчик 7 книг. Литературные премии: «Эндре Ади», «Поззис», «APLER» (Румыния), «Дети Ра», «Давида Бурлюка» (Россия), «За творчество, отдавание чести» (Израиль).

ИЗ ДНЕВНИКА МАРКА АНТОНИЯ

...Месяца марта, шестнадцатый день, падает снег.
Белый покров, куда ни взглянуть, белый покров.
Всё, что вчера, – свобода, весна – это вчера.
Сегодня – мертвец.
Гляну в лицо: знакомы черты...
Это я сам!
На небесах имя твоё кровью зари.
Нынче, во вторник, мой гордый Рим, имя твоё
Боги рекут на своем языке:
Мене-текел.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Нынче болью иной звучит птичий голос во мне.
Не так, как вчера, этой ночью ступня кровоточит
От колкой упавшей звезды. В твоих пальцах – судьба
Дрожит тополиным листом в ожидании ветра.

ЭТО ТОЖЕ – ПАРИЖ

Витражи
башня
колокола
и голуби собора.

Волна хора
заполняет апсиду.
Кафедра вещает
набатом.

Онемевший почтовый ящик.
В пустом проёме ворот –
голубая
тишина дворика
взмах голубиных крыльев
и сияние рассвета в твоих глазах.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Существую с понедельника по пятницу.
Моё будущее – это суббота, прошлое – воскресенье,
А я просто есть меж ними,
И существенно лишь то,
Что третий день – это среда моей жизни,
Когда я погружаюсь в сверкающий бред лихорадки
Рядом с ТОБОЙ, пока солнце умирает в тебе,
А в сумеречных окнах мерцают свечи.

ХРАНЯТ МОИ ЛАДОНИ...

Хранят мои ладони тихий свет –
Листва опавшая зерно оберегает.
Перезимует, в пальцах угнездясь,
Вся вечность ожидания звезды.
А если всё же не ошибся я
И выстроил из слов, за камнем камень,
В едином ритме вместе с ним старея,
Храм бытия,
Там буду одинок.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТИШОК – БУДАПЕШТ 1987

Ничего тут нет,
Просто яма
Да
Крест.
И не будет,
Ведь другой
Не воскреснет.
Кто ж запишет судьбу,
Как себя переделать
Для
Света.

НА ПОЛПУТИ

Жесть лица в кровинках стиха.
Мука углов – такова поэзия.
Сын Его на том же Кресте,
К коему пожизненно пригвождён и я
Без права на пощаду.
Он держит крепче, чем слова – буквы,
Чем рот – слова,
Чем щёки – рот.
Здесь, маяча на полпути,
Я взываю к прохожим:
«Замри на мгновение, странник!».
В этой жести твоё отраженье.
Наши жизни срифмованы, и отныне со мной
Ты созвучен.

*Авторизованный перевод с венгерского
Наталии Моржиной*

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Григорий САМУЭЛЬЯН

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы в этом мире – гости. Кто-то заглядывает сюда всего на несколько минут, кто-то задерживается больше чем на столетие, но каждый из нас был приглашён сюда хозяином мироздания. Однако мы поспешили забыть о своём гостевом статусе и ведём себя по-варварски в чужом доме. Идёт борьба за вытеснение друг друга с каждого квадратного сантиметра площади, из каждой комнаты за провозглашение себя хозяином дома. Зачинщики и сторонники этой борьбы не хотят вспоминать, что они должны быть благодарны хозяину за возможность побывать в его доме и вести себя уважительно по отношению к нему и остальным гостям. Что они могут достичь? Продолжать изображать из себя владельцев того, чем они не могут владеть, распоряжаясь в чужом доме? А мы все вместе помогаем им его разрушать. Теперь давайте спросим себя:

– А захочет ли хозяин вновь приглашать таких гостей к себе?

МУЗЕЙ МОЗГОВЫХ ФИГУР

*Если человек одевает на себя много разных лиц,
то он теряет своё*

Вместо предисловия

Задумывались ли вы над ставшим хрестоматийным выражением «горе от ума»? Если вы однажды позволите себе стать исследователем себя, то обнаружите, что человеческий ум – не такое уж безобидное орудие. Как всякое орудие, оно может и созидать, и разрушать. Смотри в чьих руках оно действует. Ум в сознании, искажённом призмами эго, превращается в изошрённого насильника и убийцу. Мы считаем себя существами разумными. Часто, однако, мы запутываемся в выборах и решениях, колеблемся – какое из них правильное. Колеблясь, мы можем довести себя до отчаяния. В то же самое время мы можем делать самые важные выводы в своей жизни. Всё это мы относим к работе нашего ума. Тем не менее, ум живёт, основываясь на прошлом, и использует память для определения всего, что отмечает в данный момент. Поэтому бесполезно пытаться с его помощью получить ответы на вопросы сегодняшнего дня, а тем более заглядывать в будущее.

Восприятие – ощущение контакта с реальным миром. Ум ищет объяснения – что это значит, а потом возвращает их в память. Восприя-

тие – плодonoситель для ума. Ум – повар, готовящий блюда из этих плодов. Многие знают, что мысль – это энергия. И не только энергия, но также информация. Через свои мысли мы информируем мир вокруг нас о том, как наш ум отнёсся к воспринятому. Это касается не только поглощённого нашим умом в настоящий момент, но и всего, что было в прошлом. Очень давно в одной книге восточных мудростей я наткнулся на фразу: «Если тебя что-то беспокоит, – измени к этому отношение». Тогда мне это показалось совершенно несуразным: как можно изменить своё отношение к тому, что плохо? Как можно относиться к потере, неудаче, обиде?

Со временем, продвигаясь по лабиринтам собственного сознания и заглядывая в словарь нашей повседневной жизни, я открыл одну важную мысль. Каждая капля, составляющая сегодняшнюю палитру нашего внутреннего мира, протекает через множество слоёв, выложенных из отношений нас ко всему, что происходило в нашей жизни. Впитывая в себя содержание каждого слоя, она приносит нам смесь вытяжек, которые наполняют и меняют эту палитру. Такой процесс мы называем приобретением жизненного опыта. Становясь исследователем этого процесса, неизменно приходишь к мысли – необходим анализ. Нужно помещать точку наблюдения вне своего опыта, становясь сторонним наблюдателем его роста и разглядывая все замысловатые разветвления событий, его породивших. Такая работа вызывает изменения в нашем внутреннем мире, что и представляет собой духовное развитие.

Одной из важных сторон этого процесса является способность как можно меньше допускать колебаний ума. Нам всё представляется в виде противоположностей. Мы же рассматриваем это как необходимость выбрать одну из них, а другой противостоять. Если из двух вариантов решений нам трудно выбрать подходящий, то мы начинаем метаться в себе в поиске ответа: к какому из пунктов причалить свой мыслительный «баркас», доверху набитый суждениями? При всей уверенности в том, что надо выбирать одну из сторон, нам очень редко приходит в голову мысль, что мир не состоит из всяких «противо...» и они не борются между собой, а составляют собой целое. Всё имеет свойство трансформироваться в прямо противоположное, а потом обратно. Нашему же рассудку непременно надо выяснить, что и чему в этот момент противостоит. Мы считаем, что нужное нам противоположно тому, что у нас есть. Если мы решили, что свет – это хорошо, то, несомненно, что тьма – это плохо. Если чего-то добиваемся, – хорошо. Если что-то не получается, – плохо. Нас не устраивает, что у палки есть два конца, а также часть, расположенная между ними.

Не понимая, что раздвоенность мира – это наша собственная раздвоенность, мы впадаем в отчаянье, что не можем ладить с ней. И как бы мы ни блистали своими теоретическими изысками, у нас ничего не получается. Всё, что мы создали под видом технического прогресса, не защищает и не поддерживает нас, а, скорее, делает зависимым и часто

несёт угрозу глобальных разрушений. А всё лишь только потому, что мы не хотим иметь дела с тем, что мы складываем в коробочку со знаком «минус». Выражение «Стремитесь думать позитивно!» – замаскированное предложение бежать от того, что для нас негативно. А куда сбежишь, когда это нормальная часть нашей природы и всего остального мира? Гоняясь за позитивным и спасаясь от негативного, мы с удивлением и ужасом обнаруживаем себя опять же в объятиях негативного, поскольку не хотим смириться с тем, что всякая противоположность превращается в свою противоположность. К тому же, жизнь имеет то лицо, которое ей придали люди, и не признавать этот факт – всё равно, что не признавать у себя болезнь, когда ты серьёзно болен.

Давайте поставим вопрос иначе: что для нас комфортно и приносит удовольствие, а что – неудобство и раздражает? Опираясь на эти гормональные ощущения, мы и составляем основные постулаты о позитивности и негативности нашей жизни. Ощущения, в свою очередь, имеют препрограммированный характер, то есть рождаются на свет вместе с нашим телом. Вот и получается, что дуальность, там, где мы её видим, и отношение к ней – это врождённые программы нашего тела и его мозга. Мы же решили, что мир существует исключительно для нас и нашей пользы и должен представлять из себя набор удобных и приятных

условий. Поэтому мы вне себя от негодования: мир не совершенен – почему мы должны испытывать неудобства и неудовольствия? Протестуя против этого, мы взялись создавать мир искусственный и сами стали искусственными.

Мышление человека представляет собой комплекс имплантов, управляющих его поведением. Причём он пользуется ими во всех случаях: будь то вставание с постели утром или попытки выяснить смысл нашей жизни. Разумеется, что импланты этого рода не имеют ничего общего с хирургией мозга. Их жизнь в нашем сознании превращает нас в биокомпьютерные механизмы, управляемые модулем «запомни и повтори». «Запомни и повтори», – говорят нам родители и учителя, журналы и газеты, теле- и кинозвёзды, правительства и начальники на работе, но почти никто не учит: «наблюдай и мысли самостоятельно». По этой причине существует такое явление как массовое, а по сути – стадное сознание, которое заставляет многих испытывать страх собственного решения и следовать тому, что делают и говорят другие. А это означает, что о сознании говорить не приходится – всё это гораздо ближе к поведению животных, управляемого волей вожака.

На вершине всей громады запрограммированных мыслей и поступков разрослось такое явление, как «ЭГО» (слово, пришедшее из латинского языка) или «Я». Большинство из нас считает его основой человеческой индивидуальности. Для людей мудрых – это фикция, призрак. Это смиренная рубашка, натянутая на нашу истинную личность окружающим нас обществом с его условиями жизни. Наше истинное

«Я» не обманывается внешними оболочками «хорошее» – «плохое». Его зрение проникает глубоко в суть вещей, и оно говорит только одно: «Я – есть». Однако управляет нами в большей степени призрачное «Я» – подделка истинной человеческой личности, которое всегда отвечает на вопрос: «Что у меня есть?». «У меня есть день рождения, имя, родители, образование, семья, работа, звания и т.д.» – всё то, что есть не мы, но что общество почитает за личность человека.

Постоянная функция эго заключается в сравнении себя с другими. Поэтому лже-личность отвечает на другой вопрос; «Какое оно – то, что у меня есть?» и напряжённо следит за тем, чтобы видеть своё превосходство перед другими. Эго – это наша тёмная сторона луны, которая проявляется в нас в виде привычек и инстинктов. Ум, управляемый мнимым «Я», представляет собой рабовладельца для его обладателя, в то время как ум освобождённый – слугу.

Наша химерическая личность не может просто разрешить присутствовать событиям и людям вокруг себя. Они должны стать для неё удобными, иначе она относит их к разряду враждебных. Такая имитированная личность целиком состоит из частей других таких же имитаций, которые, в свою очередь, представляют собой сборные конструкции кого-то ещё. Сложность этого бутафорского творения не меньшая, чем анатомия человеческого тела. Так же, как тёмная сторона луны, его рельеф скрыт от нашего осознания. Большинство его посылов – как функции сердца или кишечника – вне нашего контроля.

Однако практика доказывает, что контролировать наши внутренние органы можно. Также постепенно можно овладеть контролем и над большей частью того в нашем сознании, что мы считаем в нём управляемым. Начните хотя бы с переделки как можно большего числа привычных, бессознательных мыслей и поступков в сознательные. Время приносит результаты, если не бояться тратить его на работу мысли и не соскальзывать в привычные схемы каждого дня. Завлекают, страшат или раздражают нас на самом деле не люди или события с их сценарными палитрами, а схемы наших мнимых личностей, с которыми эти палитры не сочетаются.

Однако не пытайтесь избавиться от своей тёмной стороны, поскольку мы, как и всё остальное в видимом и осязаемом мире, двойственно. Развивая осознанность и освобождая себя от схематичности и программированности, мы позволим нашей светлой стороне перекрывать тёмную и говорить каждый раз, когда ложный мир теней проявит себя: «Я вижу тебя – моя тёмная сторона». Осознанность своих мыслей и поступков – сильнейшее оружие против уловок и власти мнимой личности над нами. Поэтому всякая власть в обществе так нуждается в отсутствии этого оружия в нас.

Чем меньше механистичности и автоматизма будет в нашем мыслительном меню, тем быстрее раскрывается истинная сила. Та, что рождается из духовно-разумных субстанций и не имеет ничего общего с на-

силием. Полезность её в нашей жизни трудно описать. Для многих же в обществе насилие – синоним силы. Хотя это признак слабодушных, трусливых существ, которые не понимают, – насколько огромна разница между этими двумя понятиями. Поэтому и власть в любой форме – типичный пример такой подмены, за которой стоит бутафорское «Я», истерично посылающее сигналы о своей неполноценности.

Все, кого привлекает подчинение и командование массами, страдают скрытым комплексом жалкого, незначительного человека. Их внутреннее пространство настолько узко, что вызывает у них хроническую клаустрофобию. Подчиняя себе большие или меньшие людские массы, властолюбцы искусственно расширяют границы своей камерной личности. Управляя и хозяйничая в чужих жизнях, они заменяют этим неуправляемость и бесхозяйственность в себе самих. Беда всех, кто стремится царствовать и повелевать, заключена в том, что плотная завеса умственной пыли в их разуме заставляет их двигаться вслепую, гневно крича от собственной беспомощности. Если бы кто-то из них осмелился очистить от этой пыли своё внутреннее пространство, то обрёл бы ясность и прозрачность окружающего, которые показали бы ему, что никем он на самом деле не управляет. Вспомните Гудвина из сказки «Волшебник изумрудного города»: вся бутафория грозного властелина – лишь прикрытые для маленького и слабого существа, прячущегося внутри.

В долгом историческом процессе жизни своего общества люди усложнили проявления своего эго и позволили ему тотально властвовать в их сознании. Ими овладела иллюзия, что жить заключёнными в рамки власти желаний и воли других людей удобно и безопасно. Люди распространили в своём обществе наивную веру в то, что обман себя и других, лицемерие и жестокость защищают и помогают выживать. Думать так – это всё равно, что запереть себя в доме, где заложена взрывчатка, пульт от взрывного устройства отдать первому попавшемуся на глаза прохожему и считать себя в полной безопасности.

Со временем люди размножили бесчисленное количество правил и законов, опирающихся на такую веру. Основанием для их принятия избрали не качество сознания, а количество сторонников. Результатом этого стали игры с иллюзиями и метастазирование безмыслия во все уголки жизни, удерживающее человечество в виде рабской агрессивной-депрессивной биомассы. Людская популяция обрела вид, которому больше всего подходит название «человекообразный планктон». Такой образ жизни перерос в привычку, и этому стали учить своё потомство. Человеческое общество превратилось в общество УМОЗАКЛЮЧЁННЫХ.

Практически каждый из нас живёт в представляемом им мире. Мы плавно перетекли в состояние виртуальности и разобщённости с нашей внутренней природой. Но подавляющее большинство не осознаёт этого. Люди отождествляют себя и мир вокруг себя со своими образами и представлениями, абсолютно уверенные в том, что так выглядит реальность

и что окружающие должны соответствовать её чертежу в нашем уме. Это то же самое, что не видеть разницы между живым человеком и его фотографией. Хуже всего то, что ради своих представляемых миров многие готовы ненавидеть, насиловать и уничтожать друг друга. Люди привели себя к тому, что их сознание отравлено токсинами невежества, и их общество страдает от гипертонии желаний превращать мир в легко потребляемый продукт.

Подчинение и насилие одних над другими стало нормальной частью жизни общества. Для большинства людей за пределами их внимания остаётся тот факт, что они думают и чувствуют так, как им было велено. Представьте себе, что вами на работе будет одновременно управлять около тысячи различных начальников и проверяющих. Каждый из них будет требовать от вас подчинения своим правилам и распоряжениям. Вы не выдержите и часа такой работы. Ваш мозг просто лопнет от напряжения.

Те заученные и привычные схемы мышления и поступков, которыми мы пользуемся в жизни, оказывают на наше сознание такое же разрушительное воздействие, как подчинение тысяче начальников. Поэтому человек и не может увидеть истинной мощи, заключённой в мысленной энергии. Хотя нам и твердят о том, что по силе потенциал человеческой мысли превосходит ядерный, мы всё равно ищем разные способы её подавления в себе, поддерживая саморазрушение. Бессознательность, а, точнее, неосознанность этого довела наше мышление и реакции до такого глубокого автоматизма, что они выглядят как вживлённые в наши мозги программы. Кажущееся ощущение комфорта от мысли, что за тебя кто-то решает, как думать, когда смеяться, когда плакать, что выбирать и как себя вести, на самом деле, является симптомом нашей духовной летаргии.

Людям следовало бы опасаться выбирать для себя такого рода покой и безопасность, но они боятся нарушить свой вечный сон. Они продолжают укреплять саркофаг, который изолирует их от живой, проникающей в суть мира, могущественной энергии, данной человеческому сознанию. Она в любую секунду готова принести все неисчерпаемые богатства – лишь бы мы открыли ей дорогу в себе. И тогда бы мы были способны одаривать себя и друг друга необыкновенным количеством всяких благ. Это не просто высокие слова. Всё в мире материи имеет свой закон, не выдуманный человеком. Даже в тех научных открытиях, которые уже сделаны, мы можем найти что-то ещё большее.

Существует известная многим формула о переходе массы в энергию: $E = mc^2$. Но раз всё материальное взаимнообратимо и несёт в себе симметрию, то существует и обратный закон – о переходе энергии в массу. Это то, о чём говорили древние учения: мысленная энергия человека материализует события и предметы. По-видимому, мысленная энергия должна обладать всеми свойствами световой, но с другими параметрами. О том, что мысль человека обладает энергией, а мозг – квантовый

компьютер, заговорили и учёные. Хотя делают они это всё же с большой опаской и предосторожностью, боясь больше навредить не Матери-Истине, а самолюбию академических мужей.

Продолжая разговор о том состоянии, в котором находится человеческий разум, приходит в голову сравнение с галереей каких-то застывших изваяний, музеем доисторических существ. Изучая себя и делая открытия, постепенно убеждаешься, что принятый общественный порядок и распространённый способ мышления не заслуживает иного сравнения. Остаётся только пожелать, чтобы это стало ясно как можно большему числу людей и как можно скорее.

ПРОГУЛКИ ПО ЕВРОПЕ

Ольга ЛЕВИЦКА

Родилась в России под Курском. Поэт, филолог, переводчик, преподаватель Люблинского Католического университета. Стихи и переводы публиковала в сборниках в Москве: «Нездешний день», «Души живое отраженье», «Ромашки в сентябре», в Пензе: «Лунная пасека», «Праздники земли Пензенской», в альманахах «Созвучие», «Муза», «Московский Парнас», «Журнал ПОэтов» и в польских изданиях. Составитель трёх двуязычных сборников «Współcześni poeci rosyjscy» («Современные русские поэты»). Член клубов «Московский Парнас» и «Виктория». Живёт с 1977 г. в Люблине (Польша).

ИТАЛИЯ

Путешествие по Италии

Мы едем. Автостраде нет предела
(Быть может, где-то, на краю земли).
Италии невянущее тело
Пути-дороги всё пересекли.

На горизонте полоса заката
И силуэты стройных тополей,
В долинах тучных лозы винограда
И золото подсолнечных полей.

Мы едем, едем. Ветерок игривый
Вдогонку шлёт свой тёплый поцелуй...
В Италии нельзя быть несчастливым,
Здесь каждый листик шепчет: «Не горюй!».

Рим

Рим весь римский из себя.
В Рим не ездят, не любя
Кофе, кьянти, Колизей
И туристов-ротозеев –

В Риме их полным-полно.
Здесь усвоили давно:
Если хочешь в Риме жить,
Толпы надо полюбить

И взирать на них спокойно –
Сожаления достойны
Те, кто в Риме не живёт:
Тут ведь праздник круглый год!

Озеро Гарда

Озеро Гарда. Италия.
Улочек сложное кружево.
Воздух, пропитанный тайнами
Милого города южного.

Там, над бездонными водами,
Белое марево зыблется,
В волны под лунными сводами
Звёздное крошево сыплется.

Под олеандрами пышными
Время течёт непонятное:
Шёпоты, вздохи неслышные,
Мысли, желанья невнятные.

Замок ночным привидением
Тихо плывёт в бесконечности.
Звёздочки лёгкой падение
Напоминает о вечности.

Тоскана

Кипарисов свечки на дорогах,
Золото подсолнечных полей,
Край, воистину хранимый Богом,
Лавра блеск и шелест тополей.

Сам Творец лазурными мазками
Набросал невиданный пейзаж:
Синь небес и мягкий свет Тосканы,
Городов таинственный мираж.
И как завершение творенья,
Как венец божественных чудес,
Здесь же, в Винчи, появился Гений,
Чтоб увековечить дар Небес.

Леонардо из Винчи

Братьям Стругацким

Я родился. И что со мною будет
На этой дикой, горестной Земле?
Как страшен мир, как мир сей безрассуден!
К чему таланты, скрытые во мне?

Свой жребий принимаю, данный свыше:
Хотя б на шаг приблизить к Свету их.
Отец, отец, никто меня не слышит!
Я среди людей чужее всех чужих.

Ты одного уже послал когда-то
Нести любовь и чудеса творить.
Его я вижу на кресте распятым...
Толпа темна, и некого винить.

Им дам расчёты, чертежи, идеи,
Джоконды лик оставлю на века...
Распять меня они уж не посмеют,
Но и принять не смогут чужака.

...В Тоскане полдень. Мать зовёт. Босыми
Ногами сделал первые шаги...
Отец мой, помни о далёком сыне,
Не оставляй, спаси и помоги!

Но послан он. Есть чёткая программа:
Опередить ленивые года.
Здесь, в Винчи, началась земная драма
Рождённого не там и не тогда.

«Вилла Касалекки» в Тоскане

В необычайном этом месте –
Цветы в горшках из красной глины,
Хозяйский кот мурлычет песни
И, ластясь, выгибает спину.

В краю олив и винниц тучных,
Среди холмов тосканской Мекки
Манит своим названьем звучным
Поместье «Вилла Касалекки».

Вас встретит запах роз и тмина,
Радужье – путнику награда.
Бокал вина, огонь камина –
И больше ничего не надо!

Сиена

А Сиена – цвета сиены,
А в Сиене – площадь-ракушка,
Вся она – как большая сцена,
Как у Бога в руках игрушка.

А в Сиене толпы туристов,
Бело-чёрный мрамор собора,
Свет над городом золотистый,
А вокруг – Тосканы узоры.

Разлеглась на холмах привольно,
Будто рыжий кот на подушках...
Мягкой лапкой людские волны
Нагоняет в свою ракушку.

Пиза

(подражание Юнне Морич)

Ну а в Пизе башня всё падает,
Да никак не может упасть.
Это жителей только радует –
В Пизу так легко не попасть.

В Пизу надо ехать трамвайчиком,
Ведь пешочком дольше вдвойне,
Лучше всё же аэропланчиком,
На худой конец – на коне.

Там не только башня падучая,
Там другие есть чудеса:
И трава там растёт пахучая,
И, как синька, там небеса.

Соперницы

Флоренция – это музей, а в нём
Шедевры большие и малые.
Венеция – град, сравнимый со сном,
Зыбкий мираж над каналами.

В Венеции нет никаких машин,
Дыхания их пахучего,
Клаксонов пеня, шороха шин –
Лишь скрипы вёсел в ключинах.

Флоренция – точно улей большой,
Люди-пчёлы слетаются,
Чтобы постичь – умом и душой –
Гений творцов Италии.

Вот и пойми, кто из них главней,
Эта ли, та ль притягательней.
Эта прекрасна, а та – вдвойне,
Обе – маршрут обязательный.

Город-курорт Монтекатини Термы

Монтекатини Термы
Щекочет наши нервы,
Нас заставляет грезить
О прошлом, о былом.
Здесь павильонным сводам
Модерн диктует моду,
И хоть сладка свобода –
Здесь хорошо вдвоём.

По улицам курорта
Расхаживали гордо
Поэты и милорды,
Спортсмены и дельцы.
Сам дуче Муссолини
Гулял под сенью пиний,
Бывали и другие
Отечества отцы.

Причёски в брильянтине,
Вуалек паутина –
Минувших дней картины,
Но жив курорта дух:
О водах минеральных,
Красотах небанальных
Идёт по всей Тоскане,
По всей Европе слух.

Сан Джиминьяно¹

В Сан Джиминьяно
Всё очень странно,
В Сан Джиминьяно
Домыслов звон:
В камень одетый
Старый Манхэттен
В средневековье
Был возведён.

¹В городе Сан Джиминьяно насчитывается более тридцати высоких башен-домов, построенных в средневековье с неизвестной целью.

И неизвестно,
В чьих интересах,
С целью какою
Башенный лес
Вырос в Тоскане.
Знали ли сами
Предки, что строят
Город чудес?

Кьянти

Кьянти: воздух, теплом пропитанный,
Виноградники, тополя,
Олеандры, росой омытые,
И подсолнечные поля.

Сам Создатель был рад воистину,
Сотворив этот чудный край,
Уголок, на земле единственный,
Грешным людям желанный рай.

Наталия МОРЖИНА

ИТАЛЬЯНСКАЯ ТЕТРАДКА

Лоано

Тихо лодкам на сонной воде.
Им лениво и молчаливо.
Яхты в небо и в глуби залива
тянут руки к дрожащей звезде.
Не достать.
Никогда и нигде.

Отблистали курортный сезон
и стоят на обочине моря,
в кои веки не чванясь, не споря,
в стойлах строго означенных зон.
Им выпендриваться
не резон.

Дремлют яхты на чёрной воде
в древнем городе с лунным названьем,
как бы колокол вдаль ни названивал
с башни храма. Он слышен везде,
но не в плаванье
и не в езде.

Их баюкает нежно волна –
отголосок морского брожения,
но, нашёптывая, отраженья
искажает, как хочет она,
потому что сильна
и вольна.
В прошлом бал или шквал – весел, крут!
Что видали – о том не расскажут.
Стали яхты деталью пейзажа,
как и море, и горы вокруг...

Италия, Лигурия

Самолет «Генуя-Москва»

Даже в иллюминатор не разглядеть
подробностей нашей личной жизни:
облачность, знаете ли...
Что же говорить
о взгляде с тех высот,
где...

Даже на скромной, но сияющей высоте
моего иллюминатора
думается, что личной жизни
там, в сумрачной серости, внизу, нет вовсе
ни с подробностями, ни без.
Что же говорить
о взгляде с тех высот,
где...

И если даже в мой подслеповатый
узенький иллюминатор,
эту замочную скважину,
в которую не уловишь,
не рассмотришь и не поймешь
ни земных, ни небесных красот,

возле которой опаска
и задержка дыхания при взлете
сменяется безразличием облачного поля,
края, мира и так далее –
все далее и далее –
видно,
как невелик наш домик,
как трогателен
(вот только не надо его трогать!), –
то что говорить
о взгляде с тех высот,
где...

А если наш старый хрупкий шарик,
как мамин новогодний,
упрятан в слежавшуюся облачную вату
и лежит себе
в пыльной коробке
с надписью «Млечный Путь»
где-то на антресолях
среди прочего барахла,
что уже не нужно,
а выбросить жалко?

НАУЧНЫЙ ЭКСКУРС В ЛИТЕРАТУРУ

Ольга МАТВИЕНКО

Кандидат филологических наук, заведующая научно-экспозиционным отделом литературно-мемориального музея Николая Островского в Сочи. Занимается исследованиями в области литературного краеведения. Активно публикуется в периодике.

«НЕЗАБВЕННЫЙ МОЙ ДРУГ И НЕЖНЫЙ...» ИЛИ «...НЕ ФОРМУЛЯРЫ СЛАВЫ, А ВСЯ МУКА ЖИЗНИ»

*Роман Ахматовой с Недоброво' –
единственный в её жизни продолжительный роман,
протяженностью в несколько лет,
вместивший любовь духовную и телесную.*

Коваленко С. Анна Ахматова (2009)

Незаслуженно забытый Николай Владимирович Недоброво занимал довольно видное место в литературной жизни Петербурга накануне Первой мировой войны. Был известен и как поэт, и как литературный критик, и как теоретик стиха. Вячеслав Иванов высоко ценил его интеллект, образованность, аристократические манеры, привечал у себя на «башне», сделал «правой рукой» в руководстве «Общества ревнителей художественного слова». В 1913 году Недоброво стал одним из организаторов Общества поэтов («Физа»). На первом заседании 4 апреля Александр Блок читал свою новую пьесу «Роза и крест», а Недоброво делал доклад о системе русского стихосложения и о влиянии на него ритмов дыхания. Среди приглашённых была и Анна Ахматова.

Первое свидетельство о встречах Недоброво и Ахматовой относится к 16 ноября 1913 года. Роман двух поэтов развивался стремительно, протекал на глазах у всех и длился почти два года. Они гуляли по аллеям Царского Села, беседуя о его истории и своих великих предшественниках.

Николай Недоброво. Царское Село, 1914 г.

Спуск в Старый сад. Царское Село

«Н.В.Недоброе – царскосельская идиллия», — так начиналась одна из заметок Анны Ахматовой. Комментарием к ней служат стихи, посвященные Н.В.Н. [Недоброе]:

Уже кленовые листья
 На пруд слетают лебединый,
 И окровавлены кусты
 Неспешно зреющей рябины,
 И ослепительно стройна,
 Поджав незябнувшие ноги,
 На камне северном она
 Сидит и смотрит на дороги.
 Я почувствовала смутный страх
 Пред этой девушкой воспетой.
 Играли на её плечах
 Лучи скудеющего света.
 И как могла я ей простить
 Восторг твоей хвалы влюбленной...
 Смотри, ей весело грустить,
 Такой нарядно обнажённой»¹

«Царскосельская статуя»

Сегодня многие стихотворения Ахматовой, посвященные Недоброву или связанные с памятью о нём, пожалуй, названы: «Есть в близости людей заветная черта», «Целый год ты со мной неразлучен», «Царскосельская статуя», «Милому», «Всё мне видится Павловск холмистый...», «Пока не свалюсь под забором...», «Вновь подарен мне дремотой», «Одни глядятся в ласковые взоры...», «Покорно мне воображенье», поэма «Без героя» и другие. Но дело совсем не в биографических «подробностях» жизни двух поэтов, простиупающих в стихотворных строчках полупамятками.

Надежда Мандельштам в мемуарах утверждала, что именно Недоброе, эстет и петербургский денди, отучил от вульгарных жестов «приморскую девчонку». Биографы Ахматовой говорят о более важном: он «осторожно «шлифовал» «подброшенную» мужем-путешественником и донжуаном Гумилёвым юную женщину <...> И относится это не столько к обучению её хорошим манерам, сколько к формированию личности и художественных вкусов. Феноменальная эрудиция Недобрового, его профессиональное знание русской истории и поэзии, способность видеть современный литературный процесс в его историческом развитии помогли Ахматовой обрести системность литературного мышления и определить своё место в поэзии»².

¹ Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. №2. С.100

² Коваленко С. Анна Ахматова. М.: Молодая гвардия, 2009 /серия «Жизнь замечательных людей».

А. Ахматова 1910-е

А вскоре в журнале «Русская мысль» будет напечатана статья А. Наймана³ – «первый серьёзный разбор ахматовской поэзии». «Увлекательный научный анализ» впечатлял «не только остротой и основательностью наблюдений, бесспорностью выводов, свежестью открытий»⁴, но также указывал Ахматовой её «предназначение»: она – единственный поэт, способный продолжить и творчески развить пушкинскую традицию. В устах Недобрового это – наивысшая оценка: «поэзию он считал возглавляемой единым богом, Пушкиным»⁵.

Сорок лет спустя Ахматова, перечитав статью Недобрового, изумится: «Потрясающая статья <...> пророческая... Я читала ночью и жалела, что мне не с кем поделиться своим восхищением. Как он мог угадать жёсткость и твёрдость впереди? Откуда он знал? Это чудо. Ведь в то время было принято считать, что все эти стишки – так себе, сентименты, слезливость, каприз. Паркетное ломанье... Но Недоброе понял мой путь, моё будущее, угадал и предсказал его потому, что хорошо знал меня»⁶.

³ Русская мысль. 1915. Кн. VII. С.63.

⁴ Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. №1. С. 173.

⁵ Сазонова-Слонимская Ю.Л. Николай Владимирович Недоброе // Новое русское слово. 1954. № 153. 26 мая.

⁶ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: Т.2. М.: Согласие, 1997. С. 122.

Он действительно прекрасно знал Ахматову: посвящал ей элегии и восторженные вирши, но не терял и чувства юмора. На полях рукописи, предсказавшей творческое восхождение Ахматовой к высотам эпической поэзии, напротив цитаты из сборника Ахматовой «Чётки» («Настоящую нежность не спутаешь // Ни с чем, и она тиха. // Ты напрасно бережно кутаешь // Мои плечи и грудь в меха») будут начертаны иронические строки:

Не напрасно вашу грудь и плечи
Кутал озорник в меха
И твердил заученные речи...
И его ль судьба плоха!
Он стяжал нетленье без раздумий.
Впору досадивши вам:
Ваша песнь – для заготовки мумий
Несравненнейший бальзам.

31.I.1914

Публикации последних лет воссоздают личность Н.Недоброво не по разряду тени А.Ахматовой, он – «культурный герой» (Е.Орлова) поэзии Серебряного века. Его интересовала не личная литературная известность, но, как он сам говорил, «литературное дело», способное влиять на судьбы культуры и отечества. Сокурсник Александра Блока, он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1906 году. В это же время познакомился с художниками и критиками журнала «Мир искусства» и стал сотрудничать с кадетской газетой «Речь». Как поэт дебютировал в 1913 году. Писал изысканную прозу (повесть «Душа в маске», 1914), стихи в классицистическом вкусе; печатался в «Русской мысли», «Северных записках», «Альманахе муз». Стиховедческая работа была опубликована в теоретическом журнале символистов «Труды и дни».

Портрет Недоброво схематичен и лишён жизни вне разговора о его дендизме. Ведя свой род из обедневших бояр, пострадавших при Иване Грозном, Недоброво обладал утончённой внешностью, учтивостью и изысканностью манер русского аристократа. В неизданных мемуарах В. Знаменской, цитату из которых приводит М. Кралин, он «блистал какой-то рыцарской вежливостью, изяществом; искрился мыслями, остроумными замечаниями, оживлением, и при мужественности, выдержанности всегда чувствовалась мягкая дружеская нежность». Искусный фигурист-конькобежец, завсегдатай балов в Академии художеств, он увлекался верховой ездой, фехтованием, лыжными прогулками, катаньем с гор на санях, игрой в теннис. И покорило сердце одной из самых красивых и богатых женщин, известных в мире художников, Любви Александровны Ольхиной. Их бракосочетание состоялось

в Михайловском дворце в 1908 году и запомнилось многим. По обе стороны парадной лестницы стояли лакеи в одежде XVIII века. Наверху новобрачные принимали приглашённых.

Немногим удавалось в этом вылощённом денди разглядеть его истинную сущность: это была «душа в маске», если воспользоваться названием его повести. Маска бросалась в глаза, а душа была открыта лишь немногим близким людям⁷. Не потому ли из всех возлюбленных Анны Ахматовой лишь Николай Недоброво остался единственным «другом», с кем она вела диалог в стихах на протяжении всей жизни.

В экспозиции музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме выставлен необычный экспонат – сонет Н.В. Недоброво, написанный от руки справа налево («письмом зеркальным»), прочитать который можно, лишь глядя на отражение в старинном трюмо:

Законодательным скучая вздором,
Сквозь невниманье, ленью угнетён,
Как ровное жужжанье веретён,
Я слышал голоса за дряблым спором.
Но жар души не весь был заметён,
Три А я бережно чертил узором,
Пока трёх черт удачным уговором
Вам в монограмму не был он сплетён.
Созвучье черт созвучьям музыкальным
Раскрыло дверь – и внешних звуков нет,
Ваш голос слышен в музыке планет...
И здесь при всех, назло глазам нахальным
Что Леонардо, я письмом зеркальным
Записываю спевшийся сонет.

16 февраля 1914⁸

Неважно, на каком скучном заседании «спелись» стихи: в канцелярии Государственной Думы, где служил Недоброво в 1908-1916 годах, или же в «Обществе поэтов». Они – свидетельство недолгой «царско-сельской идиллии». Но вскоре Недоброво познакомит Ахматову со своим давним и самым близким другом Борисом Анрепом. Роман с ним, как напишет Ахматова, случился буквально «в три дня». Вспыхнувшую страсть предвосхитил сам Николай Владимирович восторженными письмами к другу: он ставил Ахматову выше всех поэтов того времени.

⁷ См. Кралин М. Победившее смерть слово: Анна Ахматова и Николай Недоброво // Русская литература. 1989. №3. С.97-107.

⁸ Недоброво Н. Сонет // Ленинградский рабочий. 1979. 30 июня.

Переживая двойную измену болезненно, Недоброво никогда вслух об этом не говорил: он не любил сцен и бурных излияний чувств. В фотоальбоме Ахматовой сохранился снимок Недоброво, подтверждающий эту характеристику: «Тщательно причёсанный; с высоко поднятой головой, с чуть-чуть надменным взглядом продолговатых глаз, которые в сочетании с высокими длинными бровями и тонким носом с горбинкой делают узкое, твёрдых очертаний лицо «портретным»; <...> облик, который закрывает, а не выражает сущность»⁹.

Личную трагедию усугубили события Первой мировой войны. Для государственника Недоброво поражения в военной кампании стали настоящим потрясением, он записался добровольцем, но не был отпущен со службы в Государственной Думе. Всю зиму 1914/15 гг. он был нездоров.

Но облик русского денди оставался прежним: «ослепительный фарфоровый блеск... кожи, поразительно сочетавшийся с резкими очертаниями... мужественного лица <...> Такой тонкий, хрупкий, что, кажется, всякий может его обидеть, – но вот, оказывается, он очень силён и узкое тело его напряжено крепкими мускулами». И Ахматова в эти дни не «разглядела» за невозмутимостью и «изысканным лоском» истинные чувства, скрытые за чеканным профилем:

Целый год ты со мной неразлучен,
И как прежде и весел, и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн, –
Тех, что прежде, тугие звенели,
А теперь только стонут слегка,
.....
Верно, мало для счастья надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

На самом деле именно зимой 1915 года, которым датированы эти строки, будущая смертельная болезнь Недоброво впервые дала о себе знать. И ещё одно роковое стечение обстоятельств: летом 1915-го лучший друг поэта и самый близкий некогда человек Борис Анреп «сделался для Ахматовой чем-то вроде amor de lonh, трубадурской

⁹ Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. №1. С. 99.

“дальней” любви, вечно желанной и никогда не достижимой»¹⁰, постепенно вытеснив Недоброво из сердца. Но не из стихов Ахматовой:

Н.В.Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Её не перейти влюблённости и страсти, –
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвётся от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие – поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего моё
Не бьётся сердце под твоей рукою?

Исследователи полагают, что это поэтическое откровение ответ на упрек Недоброво:

Как ты звучишь в ответ на все сердца,
Ты душами, раскрывши губы, дышишь,
Ты, в приближенье каждого лица,
В своей крови свирелей пенье слышишь!
И сколько жизней голосом твоим
Искуплено: ничтожество и мука...
Теперь ты знаешь, чем я так томим? –
Ты, для меня не спевшая ни звука.

А в 1916-м болезнь была диагностирована: чахотка. И Недоброво уезжает в Крым. Осенью там, в Бахчисарае, в гостинице, они с Ахматовой виделись в последний раз. И в последний раз она посвятила ему, живому, ещё не ушедшему в царство теней, стихи:

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звёздный рай –
Город чистых водомётов,
Золотой Бахчисарай.
Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отградой
Царскосельские сады.

¹⁰ Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. №1. С. 101.

Сочи. Пансионъ „Элитъ“

Сочи. Пансионат «Элит».

Осип Браз. Л.А. Ольхина-Недоброво, 1903 г

Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла
И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушёл, утешный мой.

К середине ноября 1916 года жена перевозит его в только что «открытый», входящий в моду курорт Сочи. Поселяются супруги на Верещагинских дачах, в пансионе «Элит»¹¹. Путеводитель Г.Москвича убеждает нас, что пансион находился «в одной из лучших частей города, рядом со «Светланой», на даче Муравьёва <...> 22 комнаты с террасами и балконами <...> Стол домашний, хороший. Телефон, ванна, библиотека, пианино, экипаж, электричество и пр. Владелица пансиона М.И. Иванова поставила дело по типу образцовых пансионеров Европы и лично ведёт его»¹².

Письмо Любви Александровны Недоброво от 1 декабря 1916 года другу семьи В.Знаменской не противоречит столь благостному описанию, но сколько в нём усталости и муки:

Сочи (Черноморское), пансион «Элит».

«Дорогая моя девочка, простите, что так долго Вам не писала, но очень продолжительное время наше существование было сплошным кошмаром, и я совершенно сломлена усталостью. Здесь мы скоро две недели, и здесь пошло лучше, хотя всё же очень худо, правда, температура не поднимается выше 38, но слабость, кашель, нервность, раздражительность, с одной стороны, и подавленность психики, с другой, ночные поты, всё осталось, как прежде, и конца-краю не видно. Самое страшное, что он сам себя сжигает, и в этом ужас нашего положения, – у него нет ни способности к жизни, ни охоты. [...] Ничто не радует сердца, а между тем как здесь дивно! сад полон роз, пальмы и масса другой зелени, в 30-40 сажнях от нас под обрывом море. Воздух необыкновенно мягкий, в тени +10°, и солнце необыкновенно сильно светит и греет. На даче рядом живёт Вячеслав Иванов с женой и маленьким голубоглазым Димой; это огромный для нас ресурс, конечно, он ежедневно заходит к Н.В. и очень, очень к нему мил»¹³.

¹¹ Здание располагалось напротив современного Летнего театра

¹² Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд.20-е. СПб.: редакция «Путеводителей», 1913. С.374.

¹³ Письма Недоброво к В. Знаменской. /Публ. Н.И. Крайневой // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига-Москва, 1992. С.121.

В 1930 году в Париже М.А.Струве почти дословно повторит описанный пейзаж в стихотворных воспоминаниях о встречах с Недоброво в 1918-19гг. в Крыму. Реалии природы Сочи и южного берега Крыма столь неразличимы, а состояние здоровья Недоброво в последний год жизни столь схоже с самочувствием в первые дни пребывания в Сочи («...у него нет ни способности к жизни, ни охоты»), что возникает соблазн передать ощущения Вяч. Иванова от встреч и бесед с Недоброво поэтическими строчками М.Струве:

В разрезе жёлтые, в скалистый брег
Впустило море синие зализы.
Над самым морем белый дом.
Чинар и лавровых кустов сплошная стая
Теснится у крыльца...

.....

Я проходил на дачу, на веранду,
Где на кушетке, под мохнатым пледом
В чахотке умирал Недоброво.
Мой бедный друг. Я помню, как сейчас,
Той золотистой осени прохладу
Благоуханную...

Но уже 23 декабря 1916 года сам Николай Недоброво бодро и озабоченно обсуждает литературную жизнь Петрограда в письме к А.Скалдину, писателю и другу семьи: «Новые Цех и Академия смущают меня. [...] боюсь, что новая Академия совсем обратится в сборище непосвящённых». А в январе 1917 года пишет письмо В.А.Знаменской: благодарит её «за полученное письмо и поздравления» (очевидно, с Рождеством и Новым годом) и просит не сердиться за то, что они «плохо» пишут: «...борьба за существование здесь очень трудна, ещё труднее, чем в СПб, и отнимает всё время»¹⁴.

Весной чета Недоброво перебирается в специализированный пансион-санаторий для лёгочных больных «Сальве» – „SALVE”, под управлением доктора медицины А.Г.Кулябко-Корецкого, расположенный неподалеку от отеля-курорта «Кавказская Ривьера». Отсюда Н.Недоброво шлёт пасхальное приветствие В.Знаменской, отклик на известие о смерти её матери:

6. IV. 17. Сочи, пансион «Сальве».

«Христос Воскресе, дорогой и далёкий друг!

Нет одиночества, которого бы Он не пришёл разделить, и нет смерти, о бессилии которой Он не пришёл бы напомнить своим Воскресением. Он не приходит к маленькому горю и к призрачному психологическому одиночеству, но Вас, милый и бедный друг, Он коснётся, а вернее уже

¹⁴ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 33

Сочи. Пансионат «Сальве».

и коснулся. Мне верится, что Вы всё это чувствуете и что Ваше горе не чёрное. А утешаться в нём и не надобно. Живите, как всегда жили, и дайте Божьему миру как можно больше любви своей.

Мы очень опечалились скорбными вестями о Вас, и нас очень тронуло, что Вы прислали свои карточки; с особенной пытливостью я всматривался в Ваше лицо, думая о Вас и о том, как Вы всё перенесёте. Смотрел, пока вдруг сразу не успокоился надеждой, что у Вас на душе правильно <...> Мы живём трудно <...> я с наступившим теплом хотя и пободрее, но всё-таки не чувствую ничего, кроме надоевшего чувства болезни да душевной тяжести и скуки от несправедливой жизни – несправедлива жизнь, в которой нет ничего кроме заботы о себе, особенно теперь. В том, что я инвалиден именно теперь, я чую кару. Так бы мне хотелось на волю, в Петербург»¹⁵.

Через несколько дней, 14 апреля 1917 года, Николай Владимирович совершенно в другой тональности напишет длинное, взволнованное письмо А.Д. Скалдину, повествуя об ожесточённых спорах с Вяч. Ивановым (они виделись в Сочи часто, несмотря на удалённость пансионата-санатория «Сальве», от Верецагинских дач, где жил Вяч. Иванов с семьёй в пансионе «Светлана»).

¹⁵ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 39-40.

Для Недоброво, патриота-государственника, верившего в мировую миссию России, её непреходящее величие, неудачи в войне, Февральская революция и последовавшие затем события стали предвестием ещё больших бедствий: «...никакой новой народостроительной системы никто не проектирует: проводятся в жизнь принципы явно устарелые <...> Россия могла бы (да ещё и может быть) мировой венценосной Империей и при республиканском образе правления, но, к сожалению, столь поспешное провозглашение польской независимости (вооружение смертельного врага — от этого взгляда на Польшу меня отучить нельзя) и многое другое, в том числе и топтание на месте по вопросу о земельных приобретениях, всё это показывает лишь, что у нашей интеллигенции, ныне властвующей, есть только одно <...> живое чувство, <...> — деятельная ненависть к России <...> Может статься, когда соберётся Учредительное Собрание (если оно соберется — <...> после разных бунтов, установиться какой-нибудь половинчатый строй), в нём объявится новая душа, ещё нами не виданная. Та же душа, что у власти теперь, слишком родна свергнутой и такая же неплодная. Ни на что, кроме подражания готовым моделям, кажется, никто и не покушается»¹⁶.

Вячеслав Иванов же был «полон самого широкого оптимизма». По его вере, всё происходящее «есть дело Архангела, представляющего собою Соборную Душу России, которая, по природе, праведна и, следовательно, хотя и имеет свободу совершить грех, но не может этого пожелать». В выдвигаемом лозунге «Земли!» он видел стремление, охватившее Россию, к «особливому почитанию Образа Богородицы — Матери Земли»¹⁷.

Судя по горячности, с которой Недоброво излагает свои сокровенные мысли, он преодолел угнетённое состояние духа. Это подтверждает и приписка в конце письма:

«Я всё-таки живо интересуюсь искусством: что роман Ваш? что можно сказать о поведении русского искусства в эти дни? Что я Вам в результате подписки на журналы должен?»¹⁸.

С начала лета к супругам Недоброво присоединилась Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская), литератор и режиссёр, очень сблизившаяся с Любовью Александровной Недоброво и ставшая ей опорой в последние годы её жизни. Сазонова привезла из Петрограда копию-автограф готовившейся к изданию «Белой стаи»: «*Перед моим отъездом... на Кавказ весной 1917 года... Ахматова зашила в муаровый зелёный шёлк чёрную клеёнчатую тетрадь — свою копию «Белой стаи»,*

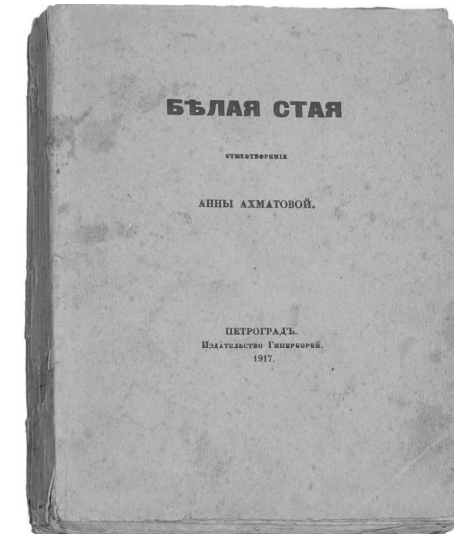
¹⁶ Недоброво Н.В. Письмо к А.Д. Скальдину от 14 апреля 1917 года из Сочи // Вопросы литературы. 1998. Январь-февраль. № 1-2. С.142

¹⁷ Там же

¹⁸ Там же

*написанную от руки... Я уезжала в Сочи, где был тогда Вячеслав Иванов и где лечился от туберкулеза поэт Николай Недоброво... Оттуда он с женой перебрался в горную кавказскую деревушку Красная Поляна [в июне]*¹⁹.

Сегодня нет сомнений, что Николай Владимирович Недоброво со сборником познакомился. 6 июля 1917 года он пишет из Красной Поляны В.М. Жирмунскому в ответ на его предложение написать статью об этом сборнике А.Ахматовой:

«Не знаю, напишу ли я что-нибудь о “Белой стае”. Писание это очень ответственно, ввиду необходимости поднять по поводу новых стихов Ахматовой *существеннейшие вопросы поэтики*»²⁰. Один из исследователей творчества Ахматовой высказал гипотезу, согласно которой тезисы Недоброво, намеченные в письме, были развиты впоследствии в известной статье В.М. Жирмунского.

Через два дня, 8 июля 1917 года, в письме А.Д. Скальдину Недоброво продолжит начатый в апреле разговор о судьбах России. Он пытается предугадать будущее страны, которое не вызывает у него оптимизма: «*Революции у нас не было, рушился полуанархический уклад жизни, чтобы заместиться вовсе анархическим, этот последний приведёт в движение, наконец, силы “порядка” — настоящие тёмные силы*»²¹.

¹⁹ Сазонова-Слонимская Ю.Л. Николай Владимирович Недоброво // Новое русское слово. 1954. № 153. 26 мая

²⁰ ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 33, л. 1.

²¹ Недоброво Н.В. Письмо к А.Д. Скальдину от 8 июля 1917 года из Сочи // Вопросы литературы. 1998. Январь-февраль. № 1-2. С.143-144.

Он многое провидел в ближайшем будущем с жестокой трезвостью: «...мещанский строй окрепнет; переменится состав удачливых шарлатанов, но политическая роль шарлатанов увеличится <...> Дух, конечно, если проявится, может осилить всё, но страшно: дух дышит, где хочет»²².

Не пройдёт и месяца после этого письма, и страстный тон уступит место безразличию. Виной тому была не только обострившаяся болезнь. После первой пробы сил большевиков и бессильных потуг Керенского в попытках преградить им дорогу, демократия «по-русски» у Недоброво вызывает лишь скуку:

*«Живём мы очень однообразною жизнью без впечатлений. Газеты доходят очень поздно, да хоть бы и вовсе не доходили: очень уж скучно читать всё про эту демократию»*²³ (письмо из Красной Поляны от 4 августа 1917 г.).

Он стал говорить с отчаянием: «...венец отошёл от России, дух отлетел от неё». В это же время доктор говорил его жене: «болезнь начинает принимать дурной оборот». Доктора считали решающим для исхода болезни пробуждение воли к жизни и душевное спокойствие. Но Николай Владимирович был поглощён мыслью об исходе борьбы России с восставшими против неё силами и занимался своим здоровьем покорно, но без интереса.

Они с женой возвращаются в Крым, но и там его мучила лишь одна мысль: как выйдет Россия из череды катастроф. Вернётся ли ей животворящая духовная сила? Этот вопрос наравне с вопросом: умру ли я? волновал его до последних часов его жизни.

А что же Ахматова? Она будет длить поэтический разговор с Недоброво всю жизнь. Портрет его, сотканный из её стихотворных строк, полон самых светлых тонов и оттенков: «незабвенный друг», «нежный», «милый», «утешный», «дневной». В «Поэме без героя» Ахматова посвятила Николаю Недоброво «Лирическое отступление», о чём упомянет в «Прозе о Поэме»:

А сейчас бы домой скорее,
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад,
Что над юностью стал мятежной,

²² Там же.

²³ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л.43.

Незабвенный мой друг и нежный –
Только раз приснившийся сон, –
Чья сияла когда-то сила,
Чья забыта навек могила,
Словно вовсе и не жил он.

Впоследствии Ахматова сняла вторую строфу, чтобы читатели не путали могилу Н.Недоброво с могилой Вс. Князева или Н.Гумилева. Но в «Pro domo mea» скажет о «Поэме без героя», обращаясь к Недоброво: «Ты! кому эта поэма принадлежит на 3/4, так как я сама на 3/4 сделана тобой, я пустила тебя только в одно лирическое отступление (царскосельское). Это мы с тобой дышали и не надышались сырым водопадным воздухом парков («сии живые воды») и видели там <в> 1916 г. (нарциссы вдоль набережной)»²⁴

До последних лет жизни тень его витает в её памяти. В своём дневнике периода поездки в Италию, в 1964 году, Ахматова напишет: «Подъезжаем к Риму. Всё розово-ало. Похоже на мой последний незабвенный Крым 1916 года, когда я ехала из Бахчисарая в Севастополь, простившись навсегда с Н.В. Н<едоброво>, а птицы улетали через Чёрное море»²⁵.

Там, за островом, там, за Садам,
Разве мы не встретимся взглядом
Не глядевших на казнь очей.
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть Слово
И разгадку жизни моей.

Диалог двух поэтов трудно восстановить во всей полноте. Драгоценно другое: переключка поэтических голосов, диалог двух поэтов, умевших «читать» литературное движение не как смену эпох, школ и направлений, а скорее как пульсацию, разнонаправленное движение поэтических «струй».

²⁴ Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т.: Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С.240.

²⁵ Записные книжки Анны Ахматовой: 1958-1966. М.: Torino: Einaudu, 1996. С. 582.

Эльмара ФАУСТОВА

Кандидат философских наук (по эстетике). Член СП Москвы. Союза журналистов Москвы. Изданы три книги стихотворений и четыре книги малой прозы. Печатаются в альманахах, периодических изданиях. Публикует аналитические обзоры по зарубежным поездкам писательских делегаций, рецензии на спектакли и концерты. Редактирует книги и альманахи. Лауреат I степени II Международной Олимпиады Искусств (под эгидой ЮНЕСКО), XI Артиады народов России, дипломант IV Международного фестиваля «Русские мифы» им. Юрия Дружникова (Черногория).

СТИХИЯ ВЕТРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Лирическое осмысление

Ветер, одна из великих природных стихий – давний герой искусства. Целое содружество добрых и злых по отношению к человеку ветров нашли своё место ещё в эпосе Гомера, с ними вёл героическую борьбу Одиссей.

Для того чтобы понять значение образа ветра в искусстве, необходимо выяснить, какие свойства этой стихии вдохновляют художников и проявляются в художественном творчестве.

В слове «ветер» скрыто множество разнообразных смыслов, т.е. само понятие имеет полисемантическое наполнение, поскольку в нём соединяются разнообразные проявления перемещения воздушных масс – от лёгкого бриза до сокрушающего всё на своём пути урагана. И в связи с этим многообразием состояний и измерений стихия ветра может порождать самые различные смысловые ассоциации:

«Ветер – это символ времени, пустоты, пространства, движенья, скорости, перемен, непостоянства, непокоя, активности, вспыльчивости, необузданности, уничтожения; а также возрождения, живительного дыхания божества ... посредника между небом и землей, посланца богов; ласки, греха, гнева божества, опасности, божьего наказания; человеческой жизни, духа, души, творческого устремления; животных сил, страсти, безумия, бешенства, войны, порывистости, мужества, свободы, песни, поэтического вдохновения... Ветер представляет собой воздух в его активном, подвижном аспекте и считается первичной стихией в силу своей связи с творящим дыханием или дуновением». Так передаёт

многообразие смыслов такого, казалось бы, простого, обыденного понятия, как ветер, Д.С. Мозгова в работе «Образ ветра в лирике Ф.И. Тютчева как отражение пушкинской традиции». (<http://www.profastart.ru/ps/blog/5637.html>). Возможно, это перечисление несколько чрезмерно, но оно даёт общее представление о многообразных воплощениях явления Ветра в искусстве.

Всем известно, что в русском языке сложились различные устойчивые словосочетания со словом «ветер»: ветер войны, ветер перемен, ветер судьбы, ветер странствий, ветер смерти, крылья ветра, бродяга-ветер и другие. В основном они пришли в жизнь из литературы. Стихия ветра в её многоликости для поэта – настоящая сокровищница художественных образов. Это отчётливо проявилось в русской поэзии.

В древности у восточных славян Стрибог – верховный бог ветра, который имеет множество активных «детей» и «внуков». В «Слове о полку Игореве» ветры – мощная сила: «Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает...» (Слово о полку Игореве, М., 1987, с. 60. Перевод Д.С.Лихачёва). Здесь ветер властен и над всей природой, и над судьбой человека – он может карать и миловать.

В Плаче Ярославны подтверждается всевластие ветра: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: “О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих лёгких крыльцах на воинов моего милого? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море! Зачем, господин, моё веселье по ковылю ты развеял?”» (Там же, с. 78). Недаром здесь обращение к стихии как к властителю: по представлению людей того времени, ветер был способен не только управлять всем на поверхности земли, насылать беды, но и влиять на состояние души человеческой.

В более поздней русской поэзии, начиная с XVIII века, присутствуют в основном те ветры, которые долетают до наших земель: бог западного ветра Зефир, бог северного ветра Борей, бог южного ветра Нот – все они сыновья Астрея (звёздного неба) и розоперстой зари Эос, и управляются они Богом ветров Эолом. Именно эти «воздушные братья» вдохновляли русских поэтов эпохи классицизма, когда античная мифология царил в русском искусстве – в поэзии, драматургии, балете, живописи, архитектуре, скульптуре и других видах искусства.

В русской поэзии возникают вполне представляемые визуальные образы различных ветров: приём олицетворения, столь естественный в античной мифологии, в эпоху процветания классицизма был перенесён в русскую поэтическую традицию. Стихия ветра рождает в воображении художника столь зримые образы, что они легко воплощаются в стихах, на живописных полотнах, в скульптуре. Россия – северная страна, и потому Г.Р.Державин в своём стихотворении «На рождение

в севере порфиородного отрока» (1799), создавая в стихах антропоморфный образ сурового зимнего ветра, выразительно передаёт мощь зимнего Борея:

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.

Поэту удалось, описывая могущественный ветер («Облака сжимал рукой»), передать многообразие и силу совершаемых им действий, и этим выразить характер русской зимы, в которой сочетаются суровость и красота. Здесь проявляется преобразующая сила ветра, способного как бы творить новую реальность.

Для взгляда художника ветер изменяет своим движением всё на земле. И то, что при затишье выглядит застывшим, молчащим, как бы оживает под порывами ветра: он колышет ковыль в степи, всклокочивает верхушки деревьев, пускает рябь по поверхности озера, вспенивает волны моря... Это придаёт динамику казалось бы статичным объектам и таким образом оживляет картину мира в глазах творческой личности, что отражается в художественных образах. Выразительная картина, пронизанная ветром, встаёт в стихах поэта и художника М.Волошина «Киммерийские сумерки». (1907), посвящённых художнику-маринисту К.Ф. Богаевскому:

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственную дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

В результате синтеза различных свойств стихии летающего воздуха в представлении художника создаётся некая сюрреалистическая картина бытия – это, казалось бы, спонтанно меняющееся небо с метаморфозой постоянно преобразующихся подвижных облаков, это зыбь и рябь озёр, отражающая переменчивое небо, это летящие по ветру ветви плакучей ивы... Создаётся ощущение, что все колеблющиеся на ветру природные явления – живые существа, исполненные скрытого сознания, прихотливо решающие, как им наслаждаться полётом, как изменяться и как произвольно изменять этот подвластный им мир. Кажется, что они наделены разнообразными способностями и возможностями.

В который раз меня приветил
Уютный, древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.
Н. Рубцов. «Сосен шум», 1967

Феномен поэтического образа ветра воплощается в таком его качестве, как случайность. Это не прогнозируемые муссоны и пассаты, а то, что «случайно случается». Вдруг. Для поэта не существует расчётов метеорологов и сводок погоды, для него есть стихия, непредсказуемо влезающая в мир, – не только в природу, но также символически в душу человеческую и даже в социальную реальность. В русской поэзии это турбулентные движения, возникающие в хаосе перемещений воздуха, – на разных высотах, в глубинах пространства, на, казалось бы, произвольно варьирующихся направлениях, с разной силой и размахом. Это слышится в стихах Б.Пастернака «Ветер (четыре отрывка о Блоке)»:

А к вечеру тучи с востока.
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,
Резучую гуцу излук.

В этих стихах подчёркнуто такое свойство стихии ветра, как непредсказуемость («И ветер жестокий не к сроку»), которое потенциально сопрягается с опасностью, риском, вспышкой вихря или – вдруг! – с лёгкой прохладой. А всё то, что невозможно предвидеть, предсказать, несёт в себе тайну, и потому привлекает и вдохновляет поэта.

Казалось бы, ветер – это только стихия воздуха, но он обладает способностью проникать во все другие стихии, взаимодействовать с ними, влиять на них. В небесных высотах он «гоняет стаи туч», своим движением колеблет всё на земле – и леса, и травы, он взволновывает воду на всех водных поверхностях, он раздувает огонь. Он всё видоизменяет, всё заставляет по-своему оживать, обновляться, преобразовываться или погибать. Он нарушает спокойствие, дрёму своей шальной энергией, он пробуждает в творческой личности эмоциональный отклик, что выразительно передала Новелла Матвеева в своей песне «Ветер» (1961):

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока – пену.

И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдёт в стену.

Такой гиперболой поэт образно передаёт энергичный разрушительный порыв внезапно налетевшего ветра.

Ветрам свойственно создавать полифоническое звучание: с их движением связаны протяжные и краткие, высокие и низкие, громкие и тихие звуки, поэтому для музыканта ветер создаёт широкую гамму звуков – он свищет, воет, завывает, ревёт, гудит, плачет и даже шепчет. Ветер порождает своеобразную музыку: «Невский ветер звенит заунывно в развешанных арфах». (И. Бродский. От окраины к центру, 1962).

Поэту дана способность чутко улавливать скрытые нюансы в звучании ветра: «А голос ветра был понятен мне» (А. Ахматова. Ива, 1940). Это рождает множество ассоциаций у художественно одарённых личностей, что отражается в звуковой гамме поэзии.

Многоликий образ ветра как будто всегда несёт в себе недораскрытый потенциал смысла, он как бы никогда не «выбирается» до конца, и потому что-то неожиданное может выявиться в процессе творчества. Это особенно вдохновляет поэтов и воплощается в специфической образности поэзии.

Все свойства ветров находят своё преломление в отражении в искусстве различных сторон реальности – природной, социальной, индивидуальной. Он по-своему насыщает ассоциативными связями не только землю и небеса, но также символически проникает в душу человеческую и даже в социальную реальность.

1. В произведениях искусства ветер отражается прежде всего как явление природы при художественном описании пейзажа, и в этом случае часто реальная движущаяся картина насыщается глубоким философским или психологическим смыслом: «Только мокрые листья летят на ветру, спешат из рощи, улетают, словно слышат издали какой-то осенний зов». (И. Бродский. Проплывают облака. 1961). Послушные ветру опавшие листья устремляются в дальнее пространство как бы стаей одушевлённых существ, и при этом сам ветер – ведущая, направляющая перемещение сила. Ветер в поэтическом выражении придаёт этому движению внутреннюю жизнь, как бы подразумеваемую осмысленность.

Ветер порою врывается в мир воинственным героем, несущим разрушение всякого равновесия:

... Ночь гремела самодуркой,
Всё к чертям летело, к чёрту.
...Так, скажу, проклятый ветер
Дул, как будто рвался порох!

Н. Заболоцкий. Битва с предками. 1929-1930

Вот он, такой «проклятый ветер» – разбойник, страшный смерч, взрывающий пространство жизни.

Внутренний потенциал образности стихии ветра заключён также в непроизвольной его переменчивости, в способности перепадов от буйства к полному умиротворению. При этом порывы ветра в образном строе поэзии превращаются в символические вспышки страстей, в приливы и отливы чувств.

В противовес Борею, ледяному северному ветру, в противовес «Сиверко» – холодному северо-восточному ветру в русской поэзии также воспеваются тихий, кроткий, миролюбивый Зефир. Свойства такого ветра – его кротость и нежность вдохновляют поэтов на положительную гамму чувств. Поэт Иван Пнин в стихотворении «Южный ветер и Зефир», (1798) передаёт диалог могучего разрушительного ветра и лёгкого, ласкающего:

«...Тебе покорствуют лужочки и кусты,
А я, коль захочу, колеблю небесами». –
«Тиранствуй, разоряй, опустошая мир,
Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть, –
С приятной тихостью сказал ему Зефир, –
Во мне ж пусть будет всяк любовь и благодать видеть».

Серьёзные нравственные проблемы противостояния добра и зла, любви и ненависти выражены поэтом в символическом столкновении противоположных по своим качествам ветров.

В спектре от бури, смерча, урагана до тихого, лёгкого ветерка, несущего радость, удовольствие для души, заключается для поэта арсенал образных ассоциаций. Это выражает В.Жуковский в стихотворении «Весеннее чувство» (1816):

Лёгкий, лёгкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?

Вместе с тем поэтизируется лёгкий, ласковый ветерок, несущий радость, удовольствие для души. Однако и такой свежий ветерок может навевать серьёзные, даже философские мысли, как это происходит в известном стихотворении А.Ахматовой «Приморский сонет» (1958):

Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелёт.

Проблема быстротечности человеческой жизни и вечности «перелёта» воздушных масс как бы умиротворяется тихим восхищением весенним воздухом, прилетевшим с моря.

Обычно в поэтических пейзажах отражается не столько описание картины, сколько скрытое состояние живой жизни:

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет тёмный лес.

Н. Некрасов. Перед дождём. 1846

Однообразный вой ветра наполняет природу музыкой печали, создаёт минорное звучание, навеивает тревожные предчувствия. Это вызывает у поэтов ассоциации с тёмным спектром красочной гаммы, отражающей угнетённое состояние природы и через это – человеческой души. Таким образом, даже простое упоминание ветра в сочетании с эпитетом может создать особое впечатление от изображения пейзажа с определенным настроением.

2. С помощью образа ветра поэты соотносят волнение в природе, вызываемое его порывами, с внутренним беспокойством человека и на этом основании выражают различные состояния души человеческой. Чаще всего это прямая связь, и сама стихия ветра наполняется чувствами. Так у Ф. Тютчева в стихах «О чём ты воешь, ветер ночной?» (1830-е г.г.):

О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь, и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..

И вместе с тем ветер может приносить умиротворение, и тогда в поэзии выражается единство человека и природы, связанное с благотворным соприкосновением с желанным ветром – вестником добра:

Ветер нам утешенье принёс,
И в лазури почуяли мы
Ассирийские крылья стрекоз,
Переборы коленчатой тьмы.

О. Манделштам. Ветер нам утешенье принёс... 1922

Иногда ветер преобразуется в стихах во всепроникающую стихию, пронизывающую одновременно природу, человеческую душу, историю, – и всё сплавляет в единый тревожный узел. Это слышится в стихах Б. Пастернака «Ветер (четыре отрывка о Блоке)», (1956)

Тот ветер, проникший под рёбра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде.

Мощная воздушная стихия символизирует неуправляемую силу природы, её неограниченную власть над всем сущим. Здесь грозно возникает образ ветра смерти как предчувствие беды, крушения, конца – как посредника между мирами, влекущего в тьму неведомого. Такие метельные ветры, символизирующие воплощение тёмных сил, навсегда связались с известными строками Пушкина из стихотворения «Бесы»:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Мотив ветра смерти ярко отражается в романтизме (как, например, в балладе В. Жуковского «Лесной царь»), а также в символизме. Это пронзительно звучит у Вл. Соловьёва («Ветер с западной страны...», 1892):

Ветер с западной страны
Слёзы навеивает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.
То из края мертвецов
Вопли к нам несутся.
Сердце слышит и дрожит.
Слёзы льются, льются.

Анна Ахматова, отказавшаяся после революции уехать из Петербурга за границу, предвидит страшные события, но остаётся тверда в своём решении даже перед опасностью гибели. Всю трагичность ситуации она передаёт через образ «ветра смерти»:

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А.Ахматова. Anno Domini MCMXXI, 1920

Можно также отметить в поэзии связь образа ветра с представлением о его вечности, о неиссякаемости источника его вечного существования, произвольности его движения:

И опять, как раньше, с дикой злостью
Запоёт тоска...
Пусть хоть ветер на моём погосте
Пляшет трепака.

С.Есенин. Свищет ветер под крутым забором, 1917

Наиболее характерным для образа ветра в поэзии является ассоциирование его с идеей свободы – свободы как личностной, так и социальной. Неуправляемость ветров, их вольница всегда привлекали поэтов, поскольку во все времена они вынуждены были творить в условиях ограничений, связанных с политикой властей, с цензурой, с внутренним самоконтролем. Самое прямолинейное выражение можно увидеть в пушкинском «Узнике» (1822), который был написан в южной ссылке:

Мы вольные птицы: пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!

Ветер как воплощение образа полёта часто соотносится поэтами с птицами – их роднит небо, свобода, мятежный дух. У Пушкина это «вольная птица», «орёл молодой», которые выражают мечту о свободе. А у К.Бальмонта («Чайка», 1894) образ чайки в соединении с ветром символизирует смятение, отчаяние, потерянность живого существа в вихрях стихии.

Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

В других случаях свободный ветер связывается с мчащимися в привольных степях табунами лошадей. Так, у Лермонтова в его стихотворении «Узник» (1837) человек мечтает об освобождении из темницы и представляет себе свою свободу именно в таком образе:

Добрый конь в зелёном поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил...

Метания ветра, его неуправляемость связываются в искусстве с представлением мятежности человеческого духа, с неприкаянностью, вечным беспокойством ищущей души. «А он, мятежный, просит бури...».

3. Мощное движение ветров в поэзии также ассоциируется с судьбоносными социальными переменами. Это жёстко выражено в известных строках поэмы А.Блока «Двенадцать» (1918):

Чёрный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всём божьем свете!
Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.

В этих строчках заключается не столько описание зимы, сколько оценка радикальных перемен в жизни, а ледок под снегом предупреждает о будущих тяготах. У Блока это сдвиги вселенского масштаба, приносимые неукротимым ветром бунта, возмущения, протеста.

Многие другие поэты связывали катастрофические потрясения в истории нашей страны – войны и революции XX века – с образом грозного ветра, взрывающего, воспламеняющего всё вокруг:

...Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоёмов,
Красных туч и пламенных годин.

М. Волошин. «Северовосток»

И иногда поэты конкретно-историчны и жёстко сопрягают происходящие глобальные перемены с самыми ужасными ипостасями ветра. Так, Марина Цветаева, трагически воспринимая большевистский переворот 1917 года, с крайним накалом чувств передаёт через образ жестокого ветра своё отношение к этому событию:

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу, –
Ветер – висельник и ветреник...
...За твои дела острожные, –
Расквитаемся с тобой, –
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной – да во лбу – звездой!

М.Цветаева. Ветер, ветер, выметающий... 1920

Такой агрессивный шквальный ветер – смерч, поднимающий на дыбы всё живое. Безжалостный, убийственный ураган, обрушивающий зло в земную жизнь, в человеческое сообщество.

В поэзии он связывается с грозными социальными потрясениями, и чаще всего это не просто сравнение со стихией, – это образное пере- воплощение природной стихии в человеческую.

* * *

Таким образом, можно сказать, что многозначный образ ветра для искусства в целом и для поэзии, в частности, – по своим возможностям неисчерпаемый источник вызывать бесконечное количество ассоциаций, воплощать самые различные движения в природе, в жизни человеческого сообщества, в человеческой душе.

ВЕТЕР

Рваный ритм

Ветер землю огибал
ледяным своим дыханьем,
с ярким Северным Сияньем
купол неба колебал.
А потом вдруг освежил
южным влажным дуновеньем
и летящее мгновенье,
и просторов виражи.
Превратился в суховей,
стал катать пески и камни,
вихри вздыбил в океане.
Свист – Разбойник-Соловей!
И опять набрался сил,
с лёгким утренним пробегом
подарил тепло и негу,
свежей лаской угостил.
Ветер – вольный дух пространства!
Ветер – верх непостоянства!

31 марта 2015

Наталья БОГДАНОВА

Директор Музея А.С. Пушкина в Гурзуфе (Крым). Заслуженный работник культуры АР Крым, отмечена Серебряной Пушкинской медалью России. Опубликованы книги: «Суди, был ли я счастлив...». Очерк-путеводитель по пушкинским местам Гурзуфа (2011), «Есть память обо мне...». Пушкинские места в Гурзуфе. Путеводитель (2015). Автор краеведческих исследовательских статей.

ЗАГАДКА ПУШКИНСКОГО ЛУКОМОРЬЯ

Размышления

В сознании многих ценителей поэзии А.С.Пушкина первыми любимыми и вспоминаемыми строками были и остаются: «У лукоморья дуб зелёный; золотая цепь на дубе том...». «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» привели чуткий и прозорливый ум Пушкина на лукоморье далёкой и загадочной земли. Так где же оно – Лукоморье? Иль прав был В.Высоцкий: «Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след...»? Да нет же! Лукоморье бессмертно, пока мы читаем Пушкина. Чем больше исследований, тем труднее понять, где же на самом деле была эта сказочная страна. Поэтому каждое пушкинское место, где бы оно ни находилось, претендует на свой дуб и своё лукоморье. Не исключение и Гурзуф.

Когда, гуляя аллеями гурзуфского парка, видишь красавец дуб недалеко от моря, невольно задаешься вопросом: уж не тот ли это дуб? Этот вопрос наверняка мучил А.П.Чехова, жившего в Гурзуфе и писавшего здесь пьесу «Три сестры». Устами героини его пьесы Маши Прозоровой автор размышляет: «Что значит у Лукоморья? Почему это слово у меня в голове?». Чехов знал о пребывании Пушкина в Гурзуфе, он любовался со своей гурзуфской дачи морским заливом, береговая линия которого по форме напоминает дугу натянутого лука. Наверняка он видел и огромный мощный ствол, раскидистую крону, резные листья одиноко растущего дуба почти у самой береговой кромки. Не будем забывать, что деревья – живые существа, они чувствуют отношение к себе и, как всякое живое существо, способны возвращать нам наши

чувства, преумноженные во много раз. Издревле благоговейно отношение человека к дубу – символу мужества и крепости, здоровья, надежды и энергии. Пушкинский дуб в Гурзуфе с особой гордостью поднимает кверху свои легендарные ветви, подпитываясь нашей любовью. Про этот дуб ходит много различных историй. Одну из них мы связываем с Пушкиным.

Известно, какое сильное впечатление произвёл на поэта Крым, воспоминание о котором он пронесёт через всю жизнь, неоднократно мысленно устремляясь к местам, «где всё для сердца мило». Как известно, строки «У лукоморья дуб зелёный» являются вступлением к первой песне поэмы «Руслан и Людмила». Они написаны в 1824 году во время ссылки, в Михайловском. Главной собеседницей и слушательницей поэта там была няня Арина Родионовна. Так, осенью 1824 года Пушкин пишет: «...вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Не только сказки, но и народные песни слышал поэт от няни. Одна из них – «Прилетела маленькая птичка-пташка из заморья, из тихого Лукоморья...». А что такое Крым для Пушкина? Заграница, заморье, чужая, неведомая страна, «свободная, беспечная жизнь» с семьей генерала Раевского у гурзуфского залива.

Музей поэта в Гурзуфе располагает рядом гравюр XIX века с изображением изогнутой гурзуфской бухты с дубом на берегу моря. Продолжает наши поиски и «Летопись жизни А.С.Пушкина»: ноябрь-декабрь 1824 г. Работа над «Лукоморьем» и над стихотворением «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья...»). Крымские реалии этого стихотворения, безусловно, обратили память Пушкина к лету 1820 года. В это же время Пушкин пишет письмо другу А.Дельвигу, в котором делится воспоминаниями о Крыме. Крым для Пушкина – сказочный мир, переполненный волшебством и таинственностью. Конечно, Лукоморье не было придумано Пушкиным как знак сказочного мира. Лукоморье появляется в балладе Г.Р.Державина «Царь-девица», (1812 г.), в «Слове о полку Игореве», древнерусских летописях, восточнославянской мифологии. В летописях Лукоморье – одно из мест обитания половцев. А некоторые древние летописи половцев называют лукоморцами. И пушкинское Лукоморье многие комментаторы его текстов локализируют на Чёрном море.

Давайте вспомним несколько заключительных строк из Пушкинского шедевра и свяжем их с Крымом. И так: «Там русский дух... там Русью пахнет!» – почувствовал поэт, видя освоение южнобережных земель русским дворянством в начале XIX века. В X веке на берегу Чёрного моря, в Херсонесе, принял крещение благоверный князь Владимир, тогда здесь впервые явился русский дух, впервые запахло Русью.

А дуб у наших дохристианских предков почитался как сакральное дерево. Обычно русы собирались у древнего священного дуба, чтобы послушать речи своих духовных учителей – волхвов, которые несли людям просвещение. У Пушкина же «кот учёный» ведёт себя как волхв. В восточно-славянской мифологии лукоморье – заповедное место окра-

ины вселенной, где стоит мировое дерево – ось мира, по которой можно попасть в другие миры. По мировому дереву спускаются и поднимаются боги. Кстати, в черновых набросках кот у Пушкина ходит вверх-вниз, а не вправо-влево. («Идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит», прим. ред.) Сказителем и песенником в поэме предстаёт именно учёный кот, поведавший историю Руслана и Людмилы.

Мы позволим себе напомнить читателю: «И там я был, и мёд я пил...». Написанное имеет очень простое объяснение, опирающееся на специфические крымские реалии той далёкой поры. Приезжающие в Крым часто за мёд принимали сгущённый виноградный сок – бекмес. Эта традиция сироповарения характерна для всех стран средиземноморья, перед которыми всегда стояла проблема сохранения и переработки урожая. Бекмес хранили обычно в бутылках, потому что он не засахаривался. Чтобы получить бекмес, виноградный сок из светлых сортов винограда уваривался до тягучего густого сиропа золотисто-медового цвета. Иногда бекмес варили из груш, яблок, арбузов. Фруктовый мёд заменял обитателям Крыма дорогой сахар, его подавали на стол к чаю. Думается, что момент употребления бекмеса и запечатлел Пушкин.

К слову, сказки и легенды, собранные исследователем фольклора В.И.Чернышёвым в пушкинских местах Псковщины, не имеют упоминаний о легендарном Лукоморье. Наверное, поиски локального Лукоморья имеют смысл для истории, но в художественном творчестве оно гораздо важнее как образ совершенного и гармоничного мира, где добро всегда побеждает зло. А мы будем радоваться тому, что в Гурзуфе с пушкинской поры и до наших дней сохранился зелёный дуб.

«И пусть равнодушные руки не уничтожат былого величия... Ибо уже немало уничтожено!» (Байрон).

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Владимир НОВИКОВ

Кандидат филологических наук, член СП России. Автор около 20 книг. В их числе: «Вчитайтесь в “Песнь о Гайавате”» (1982), «Остафьево. Литературные судьбы девятнадцатого века» (1991), «Масонство и русская культура» (1998), «Усадьба Вязёмы и окрестности» (2008), «Под сенью Русского Парнаса» (2009), «Алексей Константинович Толстой», (ЖЗЛ, 2011), «”Из пламя и света рождённое слово”. Пушкин и Отечественная война 1812 года» (2012), «Путешествие в мир русской усадьбы» (2013), «Изгнанник Рая» (2015). Является учёным секретарём секции истории Дома учёных РАН; участвует

в работе Общества изучения русской усадьбы, Пушкинской комиссии, Лермонтовского общества.

Летом 2016 года в центре Москвы около Кремля начались работы по воздвижению памятника Крестителю Руси князю Владимиру. Предлагаем вам статью по этой теме.

КРЕСТИТЕЛЬ РУСИ

Заметки

Из всех правителей Киевской Руси только князь Владимир удостоился остаться в культурной памяти народа. Вопрос о роли личности в истории однозначного ответа не имеет. Вообще эта дилемма вряд ли будет когда-нибудь исчерпывающе разрешена. Бесспорно другое; в кризисные эпохи значение выдающегося исторического деятеля многократно возрастает. При благоприятных условиях именно он определяет «ход истории». Часто уже при жизни такие личности превращаются в своего рода миф.

Русское государство пережило несколько кризисных эпох; первой такой эпохой было княжение Владимира, крестившего Русь. Принятие христианства было не просто насильственным навязыванием языческому славянскому населению греческой веры. Христианству надлежало быть новой государственной идеологией, покончившей с многобожием, разъединявшим различные родственные племена. Княжеская власть

должна была преодолеть эти разделения, а затем и окончательно похоронить их. Иначе вообще нельзя было бы говорить о Киевской Руси как государственном образовании.

С первого взгляда, Владимир ни в коей мере не был тем человеком, которому эта задача оказалась бы по плечу. Он не отличался христианскими добродетелями – и это ещё мягко сказано. «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир с ранних лет «побеждён вожделением»: «и был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц». По распутству летописец сравнивает его с библейским царём Соломоном, имевшим семьсот жён и триста наложниц; правда, он сразу же подчёркивает различие, ибо Соломон был мудр, а Владимир – невежда.

Первоначально Владимир попытался разрешить задачу государственного строительства, не отказываясь от язычества, которое было ближе его дикарской природе. В Киеве он установил вблизи своего теремного дворца на холме шесть идолов, создав как бы языческий храмовый пантеон. Главным был идол Перуна – бога войны и карателя. Владимир возвысил его над другими богами, придав Перуну своего рода великокняжеский статус.

Но очень скоро выяснилось, что язычество не могло быть основой государственной идеологии. Возвышение Перуна, по сути дела, было введением единобожия. Но в язычестве все боги равноправны и не составляют какой-либо иерархии, необходимой феодальному государству.

Крещение Руси было «великой реформой», результатом которой стало образование единого государства; оно получило название Киевской Руси. Русский народ впервые ощутил себя цельным организмом. Очень скоро все слои населения почувствовали, какое великое благо жить под защитой этого сильного государства, делая – каждый на своём месте – общее дело. Память о Киевской Руси питала народные чаяния в последующий период разброда и княжеской междоусобицы, когда «брат шёл на брата». Нет ничего удивительного в том, что очень скоро Владимир был поставлен на один уровень с Константином Великим, олицетворявшим торжество христианства и казавшимся из исторического далека идеальным монархом.

Мифологизация личности Владимира началась уже при его жизни. Неоднократно отмечалось, что, если в «Повести временных лет» первый период деятельности Владимира (примерно до 996-997 гг.) описывается чрезвычайно подробно и ярко, то сведения о последнем (до его смерти в 1014 г.), наоборот, крайне скудны. Это объясняется тем, что именно тогда было составлено каноническое жизнеописание Владимира, впоследствии включённое в корпус знаменитого летописного свода. Многочисленные красочные эпизоды этого жизнеописания явно заимствованы из фольклора; кажется, что здесь просто легенды, которыми уже начала обростать личность «Крестителя Руси».

Предания настолько поглотили историческую правду, что кое-кто из историков вообще полагает, что достоверных сведений о жизни Владимира не имеется; не вызывает сомнения только подлинность его имени и годы правления. Однако, можно возразить, что в «Повести временных лет» он предстаёт человеком «из плоти и крови». Летописец ничего не забывает, но находит оправдание некоторым нехристианским деяниям Владимира: «Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии по слову апостола: “Где умножится грех, там преизобилует благодать”». Свои раздумья о Владимире летописец подытоживает в следующих словах: «Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле».

Поразительно перерождение жестокого и мстительного Владимира после того, как он проникся духом христианской любви. Летописец не знает меры, восхваляя его щедрость и благочестие:

«Повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать всё, что надобно, питьё и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что “немошные и больные не могут добраться до двора моего”, приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мёд в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?”. И раздавали тем всё необходимое. И ещё нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своём в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридням, и сотским, и десятским, и лучшим мужам – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и дичины – было в изобилии всякое яство».

Воссиявший над Киевской Русью свет христианства коснулся и Крестителя.

Нина СОРОКИНА

Окончила МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Преподаватель социологии и конфликтологии, профессор Московского авиационного института. Изданы книги: автобиографическая повесть «Москва – Первомайск», «Связь поколений, связь времен (моя родословная или история одной семьи)» (2014). Стихи и проза опубликованы в сборниках содружества «МИР» (Вильнюс, Литва). Участник литературного конкурса «Мы родом из школы».

ЧИТАЯ СОЛЖЕНИЦЫНА

Эссе

Удивительным всё-таки образом историческая память пересекается с родовой. К такому выводу я пришла, занимаясь историей моей семьи. Хотя тоже мне открытие, но когда изучаешь судьбы своих предков, осознаешь совсем по-другому и процессы исторические. Но начну я вот с этого.

С произведениями Александра Солженицына я познакомилась во время перестройки (мои дети изучали его в школе, а я, понятное дело, нет). С удовольствием прочитала «Раковый корпус». Остальные произведения начинала читать и бросала. Так случилось и с известным рассказом «Один день Ивана Денисовича». Принималась читать его без малого двадцать лет с большими перерывами, но никак не смогла дочитать даже до середины: что называется «не пошло».

И вот как-то, думая, что бы почитать перед сном, вспомнила об этом рассказе. В этот раз «пошло». Читала рассказ в течение нескольких дней. В один из этих дней в Книге памяти жертв политзаключенных в СССР, размещённой в открытом доступе в Интернете, обнаружила, что мой двоюродный прадед Клинушкин Иван Денисович из деревни Колюпаново Калужской области в 1931 году был обвинён в контрреволюционной деятельности (статья 58). Ему вынесли приговор – 5 лет с заменой высылкой в Казахстан. Чуть позже в Книге памяти нашла ещё двоих двоюродных прадедов из другого рода: Самохвалова Ивана Афанасьевича, приговорённого в 1932 году, обвинённого по той же статье, дали тоже 5 лет, но исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), а также Самохвалова Хрисанфа Афанасьевича, обвинён в том же 1932 году

и тоже был осуждён к 5 годам лишения свободы в ИТЛ (Солженицыну, кстати, проходившему по той же 58 статье, дали 8 лет ИТЛ с последующей «вечной» ссылкой). Сколько же было репрессировано таких вот «Иванов Денисовичей» по всей стране: читаешь списки, и мороз по коже.

По поводу этих моих репрессированных родственников я сделала запрос в Калужское управление Федеральной службы безопасности (ФСБ). Точнее, на двоих, но рядом, видимо, в делах попался ещё один – брат запрашиваемого, поэтому мне любезно предоставили информацию о троих. О Клинушкине И.Д. сообщили следующее. Родился 24 ноября в 1880 году в деревне Колюпаново Калужской губернии в семье крестьян. В период с 1901 до 1912 года работал помощником мастера лакового завода в Москве, по возвращении стал проживать по месту рождения с матерью Клинушкиной Г.С., женой Клинушкиной М.А., сыном Василием, 25-ти лет, невесткой Анастасией Ивановной, 23-х лет и внуком Анатолием 1-го года. Работал в шахтах на Донбассе. Это была новая для меня информация, так как мой дед Самохвалов Михаил Георгиевич уехал из деревни Колюпаново в 1927 году на Донбасс, также работал в шахте. Возможно, Василий Клинушкин и мой дед уехали вместе, так как являлись родственниками – двоюродными братьями.

О Самохвалове Иване Афанасьевиче мне также прислали сведения, что он родился 30 июля 1895 года также в деревне Колюпаново Калужского района Московской (ныне опять Калужской) области в семье крестьян. В 1918 году он обзавёлся самостоятельным хозяйством, в 1925 г. совместно с братьями вышел из деревни на посёлок, именуемый «Рассвет», где развил хозяйство с молочным уклоном. В 1930 году всем живущим при посёлке было дано твёрдое задание по всем видам заготовок, в 1931 году он вступил в колхоз, после чего был назначен заведующим МТФ (молочно-товарной фермой). Проживал Иван Афанасьевич с женой Акулиной Кирилловной, воспитывал четверых детей: двух дочерей – Татьяну и Веру и двоих сыновей – Виктора и Сергея. Самохвалов И.А. был арестован 15 октября 1932 года по обвинению в том, что «систематически занимался хищением колхозных продуктов, будучи членом правления, допустил бесхозяйственность по уходу за скотом, результатом чего явился массовый падеж телят и коров». Так же, как и Клинушкин И.Д., был реабилитирован по заключению прокуратуры Калужской области от 22 мая 1989 года.

В выданной мне справке указали, что также по делу проходит его брат Самохвалов Хрисанф Афанасьевич, 19 марта 1889 года рождения, уроженец той же деревни Колюпаново. Затем также проживал в посёлке «Рассвет» Колюпановского сельсовета с женой Александрой Игнатъевной, воспитывал дочь Веру и четверых сыновей: Валентина, Дмитрия, Семёна, Василия. В 1931 году вступил в колхоз, где был выбран с самого первого дня председателем правления, в должности которого находился по 27 сентября 1932 года, после чего был исключён

из колхоза, как кулак, и за допущенную бесхозяйственность. Самохвалова Х.А. арестовали 15 октября 1932 года по обвинению в том, «что будучи в руководстве, умышленно с целью развала колхоза, систематически занимался хищением колхозной собственности, допустил бесхозяйственность, разложил трудовую дисциплину». Впоследствии также был реабилитирован.

Работая над родословной в Государственном архиве Калужской области (ГАКО), я узнала ещё об одном своём роде. Афанасий Михайлович Самохвалов, отец репрессированных, был женат на Евфросинье Афанасьевне, урождённой Нестеровой из деревни Сивково Калужской области. Троих человек из этого рода нашла в Книге памяти Калужской области. Вот их имена.

Нестеров Семен Михайлович, родился в 1891 году в деревне Сивково, беспартийный, без определённых занятий. Он был тоже обвинён по той же страшной статье 58, приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Нестеров Иван Михайлович родился в 1898 году в деревне Сивково, тоже беспартийный, работал постовым старшиной 4-го техучастка Московско-Волжанско-Окского бассейна Управления пути. Он также обвинен по статье 58, его приговорили к 8 годам лагерей.

Их односельчанином был и Нестеров Иван Васильевич, который родился в 1894 году, не был членом партии, был председателем колхоза. Обвинен по статье 58-1 «а» Уголовного Кодекса РСФСР (измена Родине). Расстрелян был 22 апреля 1942 г. В чём была, в действительности, его вина? Моя пятиюродная сестра по линии Нестеровых мне рассказала, что приговорили его за то, что отказался отдать колхозный скот. Во время войны был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». А он пожалел колхозников, семьи их голодали, за попытку проявления гуманизма и получил высшую меру наказания. Впоследствии также был реабилитирован.

Моя бабушка Агриппина, урождённая Бурмистрова, рассказывала, что два её двоюродных брата были тоже репрессированы, причём, один был за советскую власть, другой был её противником. В той же Книге памяти я обнаружила имена этих братьев, моих троюродных дедов, расстрелянных в один день.

Гришин Михаил Георгиевич родился в 1899 году в деревне Колюпаново, работал столяром, проживал в Калуге. Предъявили обвинение по самой жестокой статье 58, приговорили к высшей мере наказания с конфискацией имущества за участие в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 15 декабря 1936 года. Место захоронения – Москва, Донское кладбище.

Его младший брат Гришин Павел Георгиевич родился в 1905 году в той же деревне, был членом партии, работал сменным мастером котельной. Проживал в Калуге. Приговор тот же. Расстрелян также 15 декабря 1936 года.

Смотрю на фото моих троюродных дедов: молодые, красивые, здоровые – настоящие русские мужики – и не даёт покоя мысль – за что? Павел был женат, но детей не было. А вот у Михаила было четверо детей. Несмотря на это, его жену постигла тяжёлая участь: Прасковья Ивановна работала мотористкой на швейной фабрике, она была арестована 15 октября 1937 года по обвинению в том, что, «проживая совместно со своим мужем, знала о его принадлежности и активном участии в контрреволюционной троцкистской организации... но всё это скрывала от органов Советской власти». Как член семьи изменника Родины была приговорена к 8 годам ИТЛ. Наказание отбывала в Темниковском лагере (пос. Явас Мордовской АССР). Дети остались сиротами. А в 1957 году в отношении Гришиной П.И. дело было прекращено «за отсутствием состава преступления». Это уже благодаря переменам, наступившим после смерти Сталина, а также разоблачению культа его личности.

Этими именами список моих репрессированных родственников не заканчивается. Всего я обнаружила (пока, во всяком случае) десять репрессированных человек. Обвинения стандартные, судьбы похожи. В Калужском областном краеведческом музее есть экспозиция «Под знаменем Советов. Калужский край в 1917-1941 годах». В частности, есть материалы и о жертвах политических репрессий сталинской эпохи. Там я обнаружила фото и рассказ о моём пятиюродном деду Александре Александровиче Корсакове. Родился в 1891 году в селе Рождественно Калужской области, колхозник. Та же 58-ая статья, сначала обвинён в контрреволюционной деятельности, направленной на развал колхоза. Потом приговор: 5 лет лагерей. В 1964 году дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Возвращаюсь к моим троюродным дедам, похороненным на Донском кладбище. Оба покоятся в общей могиле № 1. Приехав туда, я спросила в отделе заказов памятников, можно ли заказать табличку? Приёмщица заказов – неприветливая до крайности – ответила, что не принимают заказы на эту могилу. Я расстроилась, потом почему-то приёмщица «смиловилась» и посоветовала обратиться к какому-то начальнику. Этот начальник оказался очень любезным, пожурил приёмщицу и дал разрешение. Я заказала одну табличку на двоих. Спросила, где её можно забрать. Приёмщица недовольно махнула рукой – там. Где «там», я не поняла, но переспрашивать не стала. В назначенный день пришла за табличкой. Спросила (была, к счастью, другая приёмщица, вежливая), куда её ставить? Она уточнила: «Вы хотите в землю?». Я ответила, что не знаю, поскольку я даже не видела этой могилы (в прошлый раз, когда была на кладбище, попробовала её найти, но охранник мне ответил, что он недавно работает и не знает). Она мне посоветовала обратиться к тому же начальнику. Я обратилась. Он вначале удивился, потом с готовностью вызвался мне помочь. Взял приготовленную табличку, и мы пошли к этой могиле. Начальник воткнул её в землю, постоял какое-то

время. Потом я поняла, что, видимо, рассчитывал на материальное вознаграждение. Я об этом сразу не догадалась. Так устроен этот бизнес! Однако я была благодарна ему за содействие.

Общая братская могила № 1, одна из трёх, занимает небольшой участок земли. На скромной чёрной вертикальной плите надпись: «Захоронение невестребованных прахов 1930-1942 гг.». На бугристом сером камне высечены слова: «Здесь похоронены останки невинно замученных и расстрелянных жертв политических репрессий 1930-1942. Вечная им память». И вокруг этого камня полно табличек: с крестами, с иероглифами, с полумесяцем, со звездой Давида. Сколько знакомых имен: маршалы Тухачевский и Блюхер; Енукидзе, 1-ый секретарь ЦИК СССР (между прочим, крёстный отец Надежды Аллилуевой, жены Сталина), командармы Уборевич, Примаков, Корк, поэт Павел Васильев, писатель Исаак Бабель, известный режиссёр Мейерхольд и т.д. Прокурор города Москвы Маслов, выносивший смертные приговоры с декабря 1937 по июль 1939 г, похоронен здесь же. Подпись этого Маслова стоит на сотнях приговоров! Предполагают, что и прах Ежова тоже здесь.

Продолжу тему репрессий. Об этом подробно пишет Евгения Альбац, главный редактор журнала «The New Times», в номере от 5 марта 2013 года. Её двоюродный дед, инженер-электромеханик Марк Альбац также погребён в этой могиле.

Она пишет о том, что в те годы репрессивная машина работала чётко. Грузовики с трупами расстрелянных въезжали на кладбище ночью через центральные ворота и проезжали к крематорию, сооружённому в бывшей кладбищенской церкви преподобного Серафима Саровского. Крематорий, кстати, открыли в октябре 1927 года – к празднику 10-ой годовщины Октябрьской революции. А печи были установлены известной немецкой фирмы J.A. Torf und Söhne («Торф и сыновья»). Именно эта фирма впоследствии поставляла печи в известные гитлеровские концентрационные лагеря: Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен и т.д. Руководил всей операцией – от расстрела до сожжения – комендант НКВД СССР, тогда ещё только капитан госбезопасности Василий Блохин. Памятник и могила Василия Блохина находятся прямо у входа на Донское кладбище.

Но обратимся снова к Солженицыну. Александр Исаевич хотел быть похороненным именно на Донском кладбище рядом с известным русским историком Ключевским, последователем которого он себя считал. С этой просьбой он обратился к патриарху Алексию II, и тот его просьбу удовлетворил. Александр Исаевич умер в 2008 году, по его желанию его могила находится на территории Донского монастыря. Он был основан в 1591 году на Старом кладбище, превращённом в некрополь, где похоронены многие известные люди разных исторических эпох. Газета «Московский комсомолец» в связи со смертью Александра Исаевича написала: «Известный писатель и публицист Александр Солженицын, автор знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» похоронен на Донском кладбище

по соседству с одним из главных организаторов того самого ГУЛАГа, наркомом внутренних дел СССР Николаем Ежовым, а также неподалеку от могил жертв репрессий». Вот такая своего рода ирония судьбы.

Вспоминается известная фраза Солженицына о том, что гибель России началась с церковного раскола. Мои предки из рода Гришиных были как раз старообрядцы. Они также подверглись репрессиям в годы сталинского террора. 30-ые годы XX века отмечены тем, в частности, что начались массовые репрессии в отношении церковнослужителей, в том числе и старообрядцев. Сначала революция, «красное колесо», прокатившееся по всей стране, вторая мировая война. Чему же удивляться теперь?

Нам остаётся хранить воспоминания, архивные записи, свидетельства современников. Чтобы это никогда, никогда не повторилось.

ВИТРАЖИ ПРОШЛОГО

Светлана АРРО

Окончила Педагогический институт им. Герцена, аспирантура по кафедре советской литературы, преподавала литературу в школе. Состояла в ленинградском отделении Союза писателей. Печатала критику в «толстых» журналах под псевдонимом Светлана Покровская. Работала литконсультантом отдела поэзии журнала «Аврора», редактором издательства АН при Пушкинском Доме. Автор четырёх книг стихов и двух прозы. Книга «Печаль моя светла» о русско-немецких отношениях презентована на Франкфуртской книжной ярмарке (2015). Живёт во Франкфурте-на-Майне.

БЕГСТВО ОТ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ ИЛИ ЮРА-БЕЛОГВАРДЕЕЦ

Мини-поэма

Время освобожденья.
Начались перемены.
Недомолвки. Сомненья.
Возвращенья из плена.

Отрыдало, отвыло
Всесоюзное горе.
Таракана на мыло –
Полстраны знало вскоре.

Бескозырка. Бушлатик.
Глаз серьёзен в прищуре.
Мой матросик-солдатик,
Имя строгое – Юрий.

Познакомились странно.
Я училась в десятом.
Непонятные страны
Видел он в сорок пятом.

Был с отцом под Парижем.
– Про маки ты слыхала?
Там нам выдали лыжи,
Чтоб идти к перевалу.

Юра немногословен.
Уплывают детали.
Не ловила на слове,
Мы о главном молчали.

Что мне главным казалось?
Политический фактор.
Линия искажалась
От незнания фактов.

Время было суровым.
В уши время летело,
Чтобы были готовы
К подвигам и для дела.

Глупость, женская школа,
Управляемость мысли.
Шаг налево – крамола.
Идеалы прокисли.

Спорили на уроках,
Горячились, пугались,
Зная шёпот о «сроках».
Но в силки попадались.

По прудам у окраин
Мы на лодке катались
И друг к другу случайно
Прикоснуться боялись.

Шага три – расстояние,
Как побег от укола.
Мы сидим на Восстания,
Тихий садик за школой.

Только мучит меня
И мутит подозренье.
Лоб угрюмо склоня,
Юра множит сомненья.

Коммунизм – наше знамя.
Мы его не уроним.
Только Юра не с нами,
Он ведь здесь посторонний.

Если Юра и Юрин
Папа – белогвардейцы,
То к советской культуре
Как же им притереться?

Он отнюдь не бездарен,
В общем – славный парнишка.
Мне Есенин подарен,
Запретная книжка.

Как боюсь я влюбиться
В это сложное эхо!
Как расстаться, проститься,
Не предать, но уехать?

Комсомольских собраний
Трескотня уши сушит,
Бесконечность заданий
Ложной выдумкой душит.

Вспыхнут громкие речи
И потухнут, как спички.
Пропаганде навстречу
Равнодушья привычки.

Юра видит фальшивки
Наших красных агиток,
Спецмундиров нашивки,
Их парадный избыток.

Прорастают навозом
Миллионы пропавших.
На могилах не розы –
Рвы и ямы для павших.

Не задавши вопросов,
Я в тревоге, в смятенье.
Крутит он папиросу
И бросает в волнение.

Юра коротко стрижен.
Он приходит с вокзала.
Я «Паденье Парижа»
Вчера дочитала.

Будоражит и манит
Опасная тайна.
Он меня не обманет,
Наша встреча случайна.

Знаю, были герои,
Бились в Сопротивление.
Тёмной ночью порою
Он – Гаврош с донесеньем.

Но к какому же стану
Он в Европе склонялся?
Покорились все страны.
Мальчик взрослым казался.

Он сказал: «Вы, как дети.
Время смертью чревато».
В март пятьдесят третьего
Я училась в десятом.

Так зажалась я в робость,
Засушила влечение.
Побоялась пасть в пропасть
Своего наважденья.

Я ушла по-советски
От чистой природы,
Оттолкнула по-детски.
Только помню я Юру!

Как судьба повернулась?
Избежал ли Гулага?
Позже я отшатнулась
От красного флага.

Безнадёжна влюблённость
В мире ложном и страшном,
Где моя затаённость
И его бесшабашность.

Уезжало на дачу
Летом наше семейство.
Я тревогу запрячу.
Так закончилось детство.

Уезжаем на дачу:
Мама, отчим, две дочки.
Упростить бы задачу,
Написать хоть две строчки.

Прощаться на лето
И расстаться спокойно,
Без обид и без следа.
Так кончаются войны.

Я сказала: «Мы едем».
Он ответил: проводит.
Как проводит? К «Победе»
Встанет на повороте.

Завтра нам в Териоки
По Выборгской трассе.
Ливня злые потоки
Путь на дачу не красят.

Ливень. Мы на посадку
Загрузились в дорогу.
Едем. Вдруг – плащ-палатка
И шалашик трёхногий!

Плащ-палатку откинув,
Юра машет рукой мне!
Я его не покину
В такой ручной мойне!

Только мчится «Победа»
По дороге в Суоми.
Пережившие беды
Лишь мечтают о доме.

* * *

Послесловие кратко:
Через долгих полвека
Мне открылась загадка
Тайного человека.

Центр Германии, Франкфурт,
Бывший штаб эмигрантский.
Город с прозвищем Банкфурт
Стал столицей финансов.

По следам давних бедствий
Я в архивах корпела,
Бум гестаповских следствий
Доходил до предела.

Это были солдаты,
Патриоты России,
Попадали в штрафбаты
Или в «братья лесные».

Группы выживших в роли
Пленных, угнанных, битых,
Уходили в подполье,
В «Третий путь» знаменитый.

Были против тиранов –
Гитлеровских и советских.
Может быть, слишком рано,
Может быть, слишком резко.

Те из них, кто вернулся
В эйфории победы,
На беду натолкнулся,
На тюремные своды.

А потом – на просторы
России безбрежной,
В Воркуту и Печоры,
Магадан, остров Нежный.

Избежал ли Гулага
Мой давний знакомый?
Лучше б плавал, салага,
Морями влекомый!

Франкфурт/Майн, 2016

Лариса ПРИЛИПОВА

Родилась в Москве, окончила Московский Лесотехнический институт по специальности инженер-экономист. Авторский дебют Ларисы состоялся в Международном альманахе «Витражи» в 2015 году. Своё литературное творчество посвятила деревенской жизни, которую любит и понимает. В творчестве отражается тема Великой Отечественной войны и розыска без вести пропавших. Девиз по жизни: «Да здравствует ветер, который в лицо!».

ОСЕНЬ

Эссе

Очень люблю осень. Золотое бабье лето. Высокое голубое небо и нежные лучи солнца. Сбор урожая – ни с чем не сравнимое чувство радости. Выкапываешь картофель: клубни большие, земля рассыпается. Считаешь: сколько ведер, мешков собрано. Морковка – что за диво, ярко оранжевого цвета, сочная – целебная! Вспоминаются детские загадки: «Девушка сидит в темнице, а коса на улице». А про лук: «Сидит дед, кто его раздевает тот слёзы проливает», а про капусту: «Сто одежек и все без застёжек». И тут же свёкла – красавица. Всё успело, всё поспело, как говорили прежде. Яблоки собраны в ящики и переложены газетами. Дом наполнен запахом спелой антоновки.

Варится варенье из слив, на блюде собраны с варенья пенки. Вокруг вьются осы, а самые смелые садятся на краюшек и пробуют сладкий нектар, вот одна попала в варенье шевелит лапками, усиками, жужжит крыльями. Я маленькой ложечкой достаю осу, перепачканную в варенье, и со смехом выбрасываю за окошко. Лёгкий тёплый ветерок развеивает занавеску, а под окнами жёлтая охапка цветов Золотого шара – Подарок Осени.

У меня прекрасное настроение и хочется рассказать вам несколько историй о чудесных людях, с которыми мне довелось встретиться в поездках по нашей стране, которые очень украсили мою жизнь, и я открыла для себя замечательную страницу путешествий и встреч.

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКОЕ

Зарисовка

Деревня Борисовка Рязанской губернии – сейчас её уже нет. Я поехала на родину моей бабушки ещё студенткой второго курса института. Кругом поля, поля и поля, им нет конца и края. Колосятся рожь, пшеница. Изредка встречаются домики, покрытые соломой. Меня это тогда удивило, подумалось, как в петровские времена.

Выехали на «Запорожце» в четыре утра и после обеда были уже почти на месте. По дороге встретили нескольких мужиков.

- Здорово, мужики, – говорит мой дядя, – далеко ли до Борисовки?
- Здорово, да около пятидесяти вёрст будет по дороге.

Мужики дивятся, как это «Запорожец» так лихо едет. А один кричит: «Смотрите, смотрите у него же цепи...». Бьют себя по коленкам и хохочут.

- В Борисовку-то к кому едете?
- Да, к Катьке Болшонковой
- А к Катьке – так она в деревне, где ей ещё быть.

Я дивилась, как это люди знают друг друга, так далеко живя.

Приехали в деревню, всего несколько дворов, а раньше около пяти сот было – не сосчитать, говорили. Тётя Катя нас очень радушно встретила, угощала блинчиками из русской печи и парным молоком с мёдом. Я таких вкусных-вкусных не пробовала, до сих пор вспоминаю. Маленькая девочка ангельским голоском говорит бабе Кате: «Бабушка, а бабушка, дай мосол поглотать». Я тогда очень была поражена таким говором, а теперь вспоминаю с умилением, краше и не придумать, этот русский простонародный говорок, который, наверное, уже сейчас и не услышишь в наших деревнях.

* * *

Я, когда получила права, то сначала ездила на «Ниве», а потом на «семёрке», и постоянно она у меня ломалась. Можно сказать: рассыпалась на дороге. И вот однажды отвалился глушитель. Рёв, точно самолёт. Я ничего не пойму. Голосую. Останавливается газель. С пассажирского сидения выходит парень с банкой пива в руке, по пояс голый.

- В чём дело? – спрашивает.

Я развожу руками. Даёт мне подержать пиво, а сам лезет под машину. А я вспоминаю, что денег у меня нет с собой. Что делать? Страшно неудобно. Парень привязал глушитель, отряхнулся.

– Сколько я вам должна?... У меня сейчас нет денег, скажите свой адрес, я привезу.

- Ничего не надо. Мы водители!
- Как Ваше имя?

Он берёт у меня банку с пивом и говорит:

- Вася.

Вот уже столько лет прошло, а я вспоминаю этого славного парня Василия. Дай Бог ему всего самого хорошего.

* * *

Расскажу ещё одну историю. Я была в Великом Новгороде, побывала в Святой Софии, в Юрьевом монастыре на Ильмень озере посмотрела памятник Тысячелетию Руси. И очень мне захотелось поехать в Старую Руссу. Выехала на трассу. Решила уточнить у таксистов, правильно ли я еду.

- Едешь прямо до Т-образного перекрёстка, а потом налево.

Я прикинула по московским меркам. «Спасибо, всё поняла».

«Так, прямо» – оказалось около ста километров. Ехала по Среднерусской равнине, она такая плоская и ровная, как блюдце. Проехала такое расстояние, а город показался обычным, что-то вроде посёлка. «Ну и зачем ехала?», – говорю я сама себе. Да делать нечего, нужно посмотреть, что есть. Нашла схему города с достопримечательностями.

В Старой Руссе есть курорт, где бьёт фонтан минеральной воды на значительную высоту (3-4 метра, если не ошибаюсь). Это уникальное природное явление. Вокруг фонтана скамеечки, люди сидят и дышат парами минеральной воды. Этот курорт был известен очень давно, ещё до революции. Вода целебная и вкусная.

Далее я пошла в музей Достоевского.

– Экскурсовод уже ушла на огород, но это не страшно. Подождите немножко. Её позовут.

Пришла очень милая женщина. У неё филологическое образование? Очень интересно рассказывала о Достоевском и посоветовала зайти в соседнюю церковь.

Фёдор Михайлович, когда писал роман «Братья Карамазовы», заходил сюда часто и подолгу беседовал с батюшкой.

Я вошла в церковь. Обычная деревянная. Но когда я увидела икону «Николая Чудотворца» в серебряном окладе огромной величины от пола до потолка во всю стену, я таких икон даже в Кремле не видала. Вся икона была увешана цепочками, крестиками, колечками. Я пала на колени на пол... на глазах были слёзы.

Я выезжала из города с прекрасным настроением, как будто побывала в другом мире, где размеренно, тихо и спокойно течёт жизнь, приветливые люди, нет суеты. На душе у меня была радость. И теперь я точно знала, зачем поехала в Старую Руссу.

Мария НИКОЛЬСКАЯ

Родилась в Москве. В семье, состоящей из четырёх поколений, что считает особой милостью Божией. Окончила Педагогический институт, факультет биологии и химии. Работала в школе, ВУЗе, академических институтах. Имеет научные публикации. «Как-то меня спросили, что я хочу сказать моими стихами. И я поняла – это стихи что-то хотят сказать мне. Почти все они написаны в годы ранней юности, но не публиковались. Теперь, спустя много лет, я решилась: возможно, они скажут что-нибудь не только мне, но и читателю».

«ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ»

Цикл стихотворений

* * *

Солнце сквозь нити слепого дождя –
Лиственный лепет, заплаканный тополь.
Смыло весёлой весенней водой
с города копоть.
Под ноги чёрный асфальт с голубым,
серого нет.
Дарит дождём отшлифованный свет
Трубам МоГЭСа сиреневый дым.

* * *

Как длинна эта зимняя улица!
Отсвет неба на куполах.
Светлый утренний месяц сутулится
В серебристых от снега ветвях.

* * *

Город ночной. Потерянных
Переулков и улиц плен.
Только отзвук шагов размеренных
Осыпается эхом со стен.

* * *

Прелых листьев хоровод,
Вмёрзший в лёд,
И застывшая вода,
Как слюда.

* * *

На тихой улочке невзрачной
Сквозь лёгкий строй волнистых туч
Кораблик месяца прозрачный
Протягивает тонкий луч.

* * *

Кружится снег
Так просто и странно.
Чёрное с белым
И строго, и траурно.

Белой чертою подчёркнуты
чёрные окна...
Драма контраста.
1965

* * *

Пространство щурится
На блики глянца,
Согнулась улица
В изломе танца.

И снег серебряный
Устлал пороги,
Ласкал фонарные
Стальные ноги.

На слякоть свет дневной
Витрины лили,
И шли сплошной стеной
Автомобили.

* * *

На холод зимней синьки
Смотрю через окно:
Кристалльные снежинки,
Прозрачное стекло.

Как мёрзнут пальцы солнцем
Оставленных ветвей,
И радужные кольца
Застывших фонарей.

1965

Сонный шелест перемен,
Боль придуманных измен...
И легки, легки, легки
Уходящие шаги.
И каких-то тихих строк
Ненавязчивый упрёк...
Смех останется в глазах
И в слезах.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Андрей ЮРКОВ

Доктор технических наук. Рассказы и очерки публикуются в газете туристов, альпинистов и путешественников «Вольный Ветер». Рассказ «Первый горноспасатель» удостоен поощрительного приза газеты. В 2007 г. в издательстве «Memories» вышла книга «Горные байки», которая стала дипломантом конкурса прозаических произведений «Герой нашего времени» МГО СП России в 2012 году. В 2016 опубликован роман «Похождения деловых людей»

Статья печатается в дискуссионном порядке

ИСКУССТВО И ТВОРЧЕСТВО: ПРИЧИННЫЕ И ЭНЕРГО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧЕЛОВЕКА

*Ты создал ночь, но я огонь достал,
Ты создал глину – Я слетил фиал...*

*Разговор человека с Творцом.
Мухаммад Икбал*

*Тщетно, Художник, ты мнишь,
что своих ты творений создатель*

Фёдор Тютчев

Всё – в вас. Всё зависит от ваших устремлений и усилий.

Кажущееся противоречие приведённых в качестве первых двух эпиграфов отрывков стихотворений вполне разрешимо с позиций парадоксальной логики. Вспомним, что парадоксальная логика – это стиль мышления человека от уровня развития Взрослого [1, 2, 3]. Нам парадоксальная логика в данном случае важна для понимания роли человека как Творца и Со-Трудника Всевышнего.

Да, человек ничего не творит сам, он осознаёт и улавливает, а далее действует. Но человек наделён величайшим даром – даром выбора. В отличие от дерева и животного человек может, имеет право и должен

выбирать, причём выбирать каждый день и каждую минуту. Право человека – улыбнуться или послать к чёрту, помочь или сделать пакость, бросить мусор на улице или убрать мусор. Вот – с этого всё начинается.

Человеку дано много. Человек может творить!

Право человека – совершая акт творчества, устремиться вверх или вниз. Правда, что в момент творчества человек зачастую не осознаёт себя и действует по наитию. Неправда, что человек лишен при этом права выбора.

Тема энерго-информационной оценки произведений искусства сложна и многогранна. Ограничимся вначале лишь несколькими положениями:

– На человека воздействует всё, что его окружает: пространство, предметы быта, книги, фильмы, спектакли – потому что всё имеет энерго-информационные поля и взаимодействует с полевыми структурами человека [4].

– Любое произведение искусства (картина, хорошая фотография, песня, мелодия, стихи, повесть) несут энергетический и информационный заряд и, соответственно, могут оцениваться с позиций биоэнергетики. Гениальное произведение несёт огромную силу.

– Однозначно оценить многоплановое произведение искусства сложно. Другая сложность заключается в том, что даже на одного и того же человека в разные периоды его жизни одно и то же произведение искусства может влиять по-разному.

– Анализ причины, создаваемой произведением искусства, не заменяет полный искусствоведческий анализ, но может рассматриваться как его часть. Естественно, что анализ причины не сравнится с самим произведением, но может быть серьёзным подспорьем при искусствоведческом анализе.

– Существуют произведения искусства, отрицательно воздействующие на всё вокруг (например, некоторые из картин С. Дали). Существуют отрицательно влияющие на всё вокруг символы.

– Существуют безусловно положительные произведения искусства и символы.

– Полностью согласимся с китайскими мастерами Фэн-Шуй, что прекрасно написанным картинам, изображающим морщинистых стариков и старух (Рембрандт), офортам Гойи («Юродивый») место в музеях. Ни один здравомыслящий китаец не повесит у себя дома репродукцию картины Пикассо, в абстрактном виде изображающую бомбежку испанской деревни. Картины, висящие дома, должны посылать положительное излучение и создавать благоприятный настрой. Музыка, звучащая дома, должна быть приятной и мелодичной.

– О том, как многие повести и кинокартины подталкивают людей к кровавым преступлениям, писать уже даже и не хочется. О том, что многие «произведения искусства» начинающие преступники используют как руководства по подготовке преступлений, написано также много.

Небольшая пауза – автор вынужден очень кратко дать описание уровней действительности человеческого бытия. Человек постоянно живёт в 7 телах, 6 из которых являются «потусторонними». На самом деле разделения на потусторонние миры и физический мир нет. Считается, что человеческому бытию доступно 7 миров, соответственно, у человека 7 тел (оболочек). На самом деле осознанно обычный человек живёт в 4-х телах, изредка забираясь на пятый и шестой уровень. Все семь уровней человеческого бытия доступны немногим.

Приводим классификацию миров и тел на основе классических представлений йоги (Рамачарака) и трудов В.П. Гоча [3].

1. Физический мир – в комментариях не нуждается. Эфирный уровень (верхний план физического мира) – интересен для адептов ушу, карате и других боевых искусств. Нечувствительность к боли, нечувствительность тела к ударам, вырабатываемые комплексами упражнений типа «Железная рубашка» – вот результат хорошо развитого эфирного тела. Полное выделение эфирного тела – смерть, частичное – обморок.

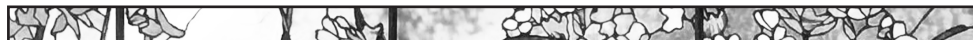
2. Астральный мир – мир эмоций, чувств и желаний. Астральное тело человека является тонкоматериальным объектом. Весьма важен вектор направленности эмоций (высокие или низкие эмоции владеют человеком). Астральным полем обладают предметы, картины и символы.

3. Ментальный мир – мир мыслей и информации. Мир вполне материальный. Мысли предваряют действия и порождают причины событий. Можно уверенно говорить, что в этом мире большое значение имеет вектор направленности хода мыслей (а в конечном итоге направлений всего два – вверх или вниз).

4. Мир Причины – (мир причинно-следственных связей) – на грани материального и нематериального, это мир тонкой и сверхтонкой информации. Причина есть у всего: причиной появления синяка под глазом является удар; причиной рождения на свет ребёнка является зачатие, причиной зачатия является сближение мужчины и женщины; причиной объявления мира является добрая воля или трезвый расчёт. Причина создаётся в астрале и ментале. Хотим мы этого или нет, все мы живём в мире причины. Причина (причинно-следственная связь) материальна в том смысле, что, будучи созданной, она не может исчезнуть, она должна реализоваться в физическом мире. Нереализованная Причина (причинно-следственная связь) передаётся по Роду (то есть невыполненные или неотработанные родителями задачи передаются детям и дальше) [3, 4]. Причина (причинно-следственная связь) творится при создании любого произведения искусства!

С.Н. Лазарев в книге «Диагностика кармы» [4] ввёл понятие о тестировании произведений искусства не просто по принципу «плюс/минус», а на основании четырёх параметров:

- любовь к творцу;
- любовь к людям;

- сознательная агрессия;
- подсознательная агрессия.

По сути эти параметры и есть расшифровка направления вектора устремлённости человека в астрале и ментале при творчестве. По С.Н. Лазареву, для создания положительной причины в произведениях искусств – сознательная агрессия и подсознательная агрессия должны быть отрицательны, а любовь к творцу и любовь к людям – положительны. Только такие произведения несут свет, спокойствие и благополучие, и соответственно, создают положительную причину, то есть благоприятное развитие ситуации.

5. Мир законов и принципов (в индийской традиции – Будхи). У человека буддическое тело находится в зачаточном состоянии и развивается по мере вхождения в мир законов и принципов за счёт расширения сознания. Взрослый человек (по духовному возрасту [1, 2, 3]) уже живёт в мире законов и принципов.

6. Нирванический мир (не материален). Чтобы не оскорблять чувства христиан, будем говорить как о синониме нирванического уровня об уровне Благости (достигаемом Старцами). У среднего человека нирваническое тело в зачаточном состоянии. Нирванический уровень достигим просветлённым человеком (впрочем, на краткое время нирваническое состояние достижимо обычным человеком при употреблении наркотиков, алкоголя, на рок-концертах).

7. Мир Духа и жизни в Духе (в сущности, цель любого человека, особенно в творчестве). Творец видит человека таким, каким он живёт в Духовном мире. Но рецепта по достижению Духовного уровня быть не может: единственный рецепт – это Путь Духовного роста и расширения сознания [1, 2, 3, 7].

Итак, человек творит Причину (причинно-следственные связи) в астральном и ментальном мирах (в обоих этих мирах человек может устремиться вверх или вниз). Человек творит Причину, то есть создаёт причинно-следственные связи при творчестве (тема данной работы), человек творит причину, живя повседневной жизнью, которая реализуется в жизни его и его потомков.

Человеку-творцу многое прощается. Много, если он устремлён вверх.

АНАЛИЗ УСТРЕМЛЕНИЙ, ЯВЛЕНИЙ, СОБЫТИЙ И ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА ПО МЕТОДУ В.П. ГОЧА (Анализ топологии сил)

Приводим описание методики анализа Причины (причинно-следственных связей) – основной методики работы. В основе методики анализа [3, 6, 7] лежит философское представление, что любое явление, происходящее с человеком и при участии человека, может быть оценено

как сумма устремлений и вследствие причинно-следственных связей результат устремлений в определенные направления и области Бытия.

Этим явлением может быть и человек в любой момент его жизни, и предмет, созданный человеком, и ситуация, возникшая из-за действий человека или группы людей (в том числе болезнь), и произведение искусства. Методика работы исходит из концепции, базирующейся на строгом детерминизме, что любое внешнее событие, явление в жизни человека и общества определено суммой его поступков (совершившихся) и устремлений (не совершившихся поступков), которые в данный момент проявляются или проявятся впоследствии в определённой ситуации.

В качестве основных устремлений [3, 6, 7] выбраны **Познание (Путь)**, Благо (духовные наработки, знание, мастерство, умение и материальные ценности), **Творческий Потенциал – Высшее Я** (и высокое творчество при подъёме к Духу, и эгоизм), и **Движение возврата в Прошлое (магия)**. Все устремления могут быть направлены **вверх (подъём к Духу)** и **вниз (деградация, провал)**. По В.П. Гочу, пределы этих устремлений отделяют пространства организованной жизни человека от жизни стихий.

Итак, существуют 4 основных устремления (координаты), которые также могут быть направлены вверх или вниз. Четыре устремления и два направления порождают много эффектов взаимодействия.

К тому же методика восходит к древней натурфилософской системе взаимодействия мужского и женского начал.

Как известно, мыслеформы (устремления) поддаются тонкочувствительному восприятию [3, 5, 6, 7].

Весьма серьёзным кажущимся недостатком методики является то, что работа по ней (тонкочувствительное восприятие для анализа устремлений человека) доступна немногим. Стоит ли рассматривать это как недостаток? Вряд ли. Строгий анализ нужен редко. Для большинства достаточно интуитивно понимать этот анализ.

Вспомним, что Господь говорит с людьми на языке ситуаций и символов при посредстве ангелов и людей. И по мере расширения сознания [1, 2] и Духовного роста человек всё больше начинает понимать язык Господа. Значит, Задача – это Духовный рост и расширение сознания, тогда и без методики анализа любое явление и событие станет понятным. Если вовремя заметить знак, понять причину и поработать с ней, то это будет работа со своим Будущим.

ПРИЧИНА

Под Причиной в методике понимается причинно-следственная связь – совокупность устремлений и поступков, предшествующих событиям и явлениям, порождённым этими устремлениями и поступками.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Всё очень просто: мы наносим на бумагу геометрическую форму, узор, рисунок – и пространство над бумагой преобразуется (в астрале, ментале и, может быть, в причине). Мы делаем фигурку из бумаги (например, оригами) – пространство над рабочим столом, над детской кроваткой стало лучше (если это правильная фигурка).

Да... геометрическая форма – это самое начало, это воздействие на человека и среду его обитания, начиная с астрального уровня, отчасти на ментальном уровне, но иногда на уровне причины тоже.

Детский рисунок – это воздействие на ментальном уровне. Как это ни странно, в энергетическом плане детский рисунок зачастую выше фотографии и многих художественных рисунков.

Вот мы подошли к оценке картин. Любая картина в конечном итоге воздействует на смотрящего либо положительно, либо отрицательно (либо «+», либо «-»). (Существует методика проведения занятий в картинной галерее с начинающими экстрасенсами. Их задача – провести экспресс-диагностику большого количества картин в сжатые сроки – не более минуты на картину). При более детальном анализе на многих картинах можно выделить отдельные участки, воздействующие на человека отрицательно. В целом нейтральная картина может состоять из одного-двух отрицательных участков и одного-двух положительных.

Любая картина в конечном итоге либо «+», либо «-», но этим воздействие картины на человека и пространство не ограничивается. (Так же, как только этим не ограничивается уровень восприятия человеком картины). Картина воздействует на человека на астральном уровне (пейзаж) и на ментальном уровне (сюжет, бытовые сцены). Живопись (в отличие от фотографии, прикладного искусства) способна выходить (то есть выводить автора картины и при некоторой удаче зрителей) за счёт работы в астрале и ментале и на причинный, и на нирванический, и на Духовный уровень.

Теперь поговорим о создании причины в живописи и попробуем описать причину, создаваемую известными картинами и направлениями в изобразительном искусстве.

Абстрактное изображение (Кандинский, Малевич) почти не действует на ментальный уровень, но может оказать очень сильное воздействие на астральное тело. Воздействие на подсознание – это и есть воздействие на астрал и посредством астрального тела. Абстрактная картина может нести гармонию и в этом случае создавать положительную причину, а следовательно, оказывать воздействие и способствовать достижению нирванического уровня (но это бывает редко). По отношению к абстрактным картинам оценка по принципу «+» или «-» полностью оправдана.

К сожалению, многие абстрактные картины несут в себе отрицательные эмоции, а следовательно, крайне отрицательно воздействуют

на смотрящего. По крайней мере, на некоторых из полотен Дали задействованы низшие силы волевых устремлений, возмущены стихии Земли и Воздуха, и естественно, перекрыт Путь. Распад и разложение – вот что несут и какую причину создают некоторые из его картин. Увы, анализ Причины, создаваемой многими картинами Кандинского, показывает, что картины Кандинского немногим лучше картин Дали.

Многие интеллектуалы гордятся, что у них дома висят абстрактные произведения известных мастеров авангарда, созданные этими мастерами в периоды отчаяния и депрессии. От этих картин распространяются отрицательные излучения и создают негативную причину, а непонятые интеллектуалы удивляются, отчего судьба к ним так неблагоприятна, и клянут существующий строй, законы, страну, в которой живут, и окружающих людей.

А ведь никто не запрещает художнику при работе устремляться вверх!

Пейзажи могут (через астрал и ментал) создавать очень хорошую Причину, а при благоприятном стечении обстоятельств приводить в мир законов и принципов и даже в нирванический мир.

Импрессионисты в лучших своих полотнах через верхний астрал создают благоприятную причину и иногда выход в нирванический мир (но только именно в лучших). Таков в самых хороших своих проявлениях Моне. А до импрессионистов в своих пейзажах чудесную причину и выход к нирваническому миру создал Куинджи.

Практически не заметно отрицательного воздействия от полотен Айвазовского. При анализе Причины, создаваемой его картинами (при всей внешней беспокойности произведений), открывается хороший Путь, а возмущений нет. Очень хорошо творил Айвазовский.

Картины Ренуара весьма милы не только на первый взгляд. Причина в его картинах создается весьма положительная. И вовсе он не певец женственности – он певец гармонии. Анализ Причины его полотен показывает, что при взгляде на его картины развиваются и высшие мужские качества. Разве что никаких устремлений на материальные блага не просматривается, так ведь Ренуар никогда к ним особо и не стремился. Очень хорошую Причину, подводящую к нирваническому уровню, создают пейзажи Ренуара.

Увы, холодом веет от картин Пикассо. От некоторых его картин эффект нейтрален, а от большинства идёт отрицательная реакция. В качестве примера приводим анализ причин от воздействия «Девочки на шаре»: провалы по личности, по высшим волевым устремлениям, запрет Пути – вот так.... В кубистском периоде Пикассо все ещё хуже.

Изломанные пейзажи (гора Сен-Виктуар) Сезанна говорят об уровне подсознания. В Причине возмущены стихии Земля и Воздух. Тут не пахнет никаким благополучием. Бунтует разум, бунтует подсознание, но и устремления вверх, увы, нет. Описанное относится не ко всем полотнам Сезанна.

В лучших своих проявлениях Матисс нейтрален и иногда умеренно положителен. Это на примере его картин мы показали, что на нейтральных картинах можно обнаружить один-два отрицательных участка и один-два положительных участка. Увы, большинство его картин отрицательно. Анализ причин показывает, что на части его картин мужские силы проваливаются вниз, в нижний астрал, а женские почти не выражены, сформирована устойчивая отрицательная причина (провал волевых устремлений, Пути, Эго).

Пейзажи Левитана в целом создают положительную Причину. Но не все. На примере отдельных полотен Левитана хочется показать, что тоска и безысходность, запечатлённая на некоторых его пейзажах (внешне весьма милых), может перейти на зрителей (то есть создать отрицательную Причину – причинно-следственную связь).

Картинам исторического направления (и особенно батальным полотнам) место в музеях, особенно если на них изображены мучения и страдания. Примеры – «Иван Грозный убивает своего сына» Репина, «Утро стрелецкой казни» Сурикова. Очень редкий случай, когда на батальных полотнах создаётся положительная причина, действительно выводящая вверх.

Ещё один аспект творчества и таланта... Господь милостив... Многим художникам, пытавшимся и пытающимся изобразить ужасы войны, ужасы кровавых столкновений, просто не хватает изобразительного таланта. Пример – «Апофеоз войны» Верещагина. Кроме ментала, там ничего не задействовано. Отторгнуть отрицательную причину не хочется, поскольку она там весьма слабо сформирована (несмотря на старания художника). И слава Богу!

Могут ли картины бытового и исторического направления выводить на нирванический уровень? Могут, ещё как могут! Вы посмотрите на запорожцев Репина. Как усмеяется атаман, как синее вдалеке Днепр, как смеются казаки! Так смеяться могут только действительно счастливые люди.

Наша трактовка анализа Причины врубелевского Демона заключается в том, что, изображая падшего ангела, Врубель показывал закрытый Путь, подавленное Я, закрытие развития всех благ (в том числе и духовных), но всё же провалов, ведущих в хаос, художник не создал. Как музейное произведение искусства эта картина оправдана. Принцесса Грёза – насыщенные астральные образы, но Пути нет, хоть нет и отрицательной причины. Изображая Пана, Врубель отобразил развитие высших волевых устремлений, которые могут трактоваться как магия. Это одно из лучших изображений Мага. Пути нет, естественно. А в целом картина нейтральна (устремление вверх по Магии всё же есть).

К сожалению, плохая Причина создана на многих полотнах знаменитого художника-духовидца начала 20-го века, искавшего смысл жизни в разных религиях, и закончившего земной путь в Индии. Временами поиски заводили его в нижние миры, что и запечатлено на его полотнах.

Увы, это относится и к российскому периоду его творчества. И краски почти такие же, как у его учителя живописи, и не просто интерес к России, а желание Россию возвеличить... а не хватает многого. В азиатском периоде его творчества это проявляется ещё в большей степени. При анализе Причины на картинах проявляются провалы в хаос, хоть эти картины написаны на религиозные (а иногда библейские) темы. Пейзажи Гималаев на его картинах в большинстве положительно нейтральны (есть и исключения), но стоило художнику начинать что-то искать – на картинах всё отражалось. Значит ли это, что искать не надо? Нет, не значит. Прочтите третий эпиграф.

Вовсе не обязательно, что картины на тему библейских сюжетов достигают духовного уровня. Как правило, художники соблюдают канон, так что причина получается хоть и положительная, но весьма (в зависимости от уровня развития художника) слабая и неявная. (В принципе за счёт искажённого ментала и подсознания на библейскую тему тоже можно создать картину с отрицательной причиной, о чём сказано выше).

С другой стороны, размышления и раздумья на тему евангельских сюжетов, оформленных в виде художественных полотен, тоже далеко не всегда становятся духовными событиями.

На картине Иванова «Явление Христа народу», несомненно, высок уровень изобразительного искусства, но Пути нет, устремления лично Я вверх не исходит даже от изображения Спасителя.

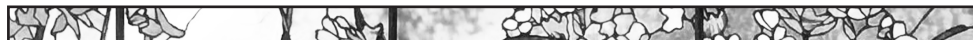
Крамской готовился к написанию картины «Христос в пустыне» всю жизнь. А Пути нет, все устремления провалены, впереди – без просвета. Может быть, каким-то верующим эта картина и поможет оценить уровень сомнений и колебаний Спасителя...

А вот картины Эль Греко духовны.

Чудотворные иконы действительно существуют. Написанная духовным человеком в момент духовного просветления (или устремления к духовному просветлению) икона может и вылечить, и защитить. Это может произойти, поскольку при приближении к Духовному уровню законы причины уже не действуют [3, 6, 7] и, соответственно, снимаются родовые проклятия, влияние предыдущих дурных поступков, пассивируются болезни.

На знаменитой иконе Феофана Грека «Преображение» действительно отображён выход на Духовный уровень. Точно такие же слова относятся к «Троице» Рублёва. Не наше дело оценивать духовность и все аспекты влияния икон, но вот Васнецову устремлений в Духовность при создании фрески «Крещение Руси» во Владимирской церкви в Киеве всё же не хватило (хоть в целом влияние положительное).

Возникает вопрос: а оправданны ли вообще картины, изображающие страдание? Ответ положительный. Да, в лучших своих проявлениях, заставляющих человека через отторжение отрицательной причины выходить в более верхние миры, такие картины оправданны.

(Тот же «Юродивый», или «Похороны сардинки» Гойи). Вероятно, практически у всех возникает желание отторгнуть отрицательное, изображённое на картине Ге «Что есть истина?». Художнику дано видеть многое и концентрировать на своих полотнах причину, недоступную для понимания многими. Но всё же... только в музеях, а не дома надо находиться этим картинам.

ЭНЕРГЕТИКА И ПРИЧИНА СИМВОЛА (эмблемы, узоры)

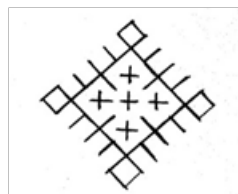
Рассмотрение символов можно сразу начинать с причинного уровня, потому что символ почти всегда создает причину и редко – ментальный образ. Тема обширна и требует в будущем большой проработки. Пока ограничимся лишь несколькими примерами.

Сердце, пронзённое стрелой, не является положительным символом. И вовсе не обозначает любовь [6]. В действительности падающая мужская сила проходит через кольцо женской силы, и при их взаимодействии возникает чувство любви, созданной падением мужской силы, но при этом пропадает будущее, да и вся жизнь человека.

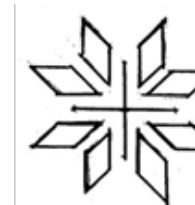
Безусловно отрицательными символами являются обратный крест и обратная пятиконечная звезда.

Символ города Нью-Йорка (который в последнее время часто можно видеть на спортивных шапках – Y пробивающий N) – отрицательный символ, создающий плохую причину. Этот знак закрывает Путь для развития и лишает личностных качеств (Эго). Более того, по Пути и по высшим волевым устремлениям врывается хаос. К стати сказать, на примере этого знака покажем, что символ может по-разному влиять на человека, смотрящего на символ, и на человека, который надел шапку с изображением этого символа. Выше приведена трактовка воздействия символа на смотрящего человека. Для человека, который надел шапку с таким изображением, всё немного лучше. Пути и все возможности развития перекрыты, но разрывов и хаоса нет, и даже есть элемент защиты от внешних воздействий.

Очень хорош один из вариантов орпея – древнеславянского знака – выводящий на Путь и дающий высшие взаимодействия и мужчин, и женщин.

Другой очень хороший славянский узор (один из вариантов названий – звезда богородицы) выводит женскую силу к вершинам бытия.

У свастики много толкований. Существуют трактовки, что свастика – символ плодородия, что это символ времени (в Индии до Новой эры)... Свастика (и правосторонняя, и левосторонняя) была распространена в качестве узора на женских одеждах в Рязанской области в 18-19 веках. К сожалению, побеждённая в 20-м веке националистическая доктрина также избрала одним из своих символов свастику. Наша трактовка заключается в том, что правосторонняя свастика – в первую очередь, знак развития личности и выхода на Путь, тогда как левовращающаяся свастика способствует подавлению мужской силы женской силой (что по жизни иногда и неплохо – если в разумных количествах).

Очень хорошая Причина у символа Европейского содружества. Но при присоединении вновь вступающих государств в символе Евросоюза меняется число звёзд, соответственно, изменяется и Причина. К сожалению, причинная картина символа Евросоюза меняется не в лучшую сторону. К счастью, идёт лишь ослабление положительного воздействия крайне благоприятного знака (без добавления отрицательных влияний). Делайте сами выводы, что дальше ждёт Евросоюз.

Хороший знак на автомобилях «Мерседес» – в нём есть уверенное развивающееся мужское начало. Энергетика знака на автомобилях фирмы «Крайслер» была существенно слабее (но без отрицательных воздействий).

ОБЕРЕГИ, ТАЛИСМАНЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Обереги и талисманы могут рассматриваться как символы, поскольку, имея активную полевую структуру, они могут гармонизировать пространство, здоровье, судьбу. Да, но не все, а только те, которые создают положительную Причину (так же, как и символы). А создаётся положительная причина работой эмоций и мыслей (и формой, конечно).

Добавить к сказанному о талисманах, оберегах и вообще произведениях прикладного искусства следует ещё и то, что здесь надо учитывать влияние материала, из которого сделан этот предмет, и влияние формы предмета. Полевые характеристики самшита сильнее таковых у липы, полевые характеристики золота выше, чем алюминия. Форма предмета

может быть гармоничной (сфера, золотое сечение), а может сама по себе вызывать дефект пространственных структур (уродливые негармоничные вещи с острыми углами, чашка с трещиной, асимметричные вазы... Увы, примеров много).

В связи с тем, что предметы запоминают состояние мастера, то, чтобы ваша работа была хорошей, любое дело нужно делать в возвышенном состоянии или хотя бы в спокойном, когда низшие кармические связи пассивны [3].

Как говорили старые мыслители: «Прочно наслаиваются человеческие мысли на разных предметах. Поистине человек создает добрые и злые вещи и места... Люди даже представить себе не могут, что предмет может быть насыщен их мыслями [3]». И совсем не мистика, что некоторые драгоценности могут приносить несчастья, переходя по роду или от владельца к владельцу. За алмазом «Санси» тянется шлейф историй с множественными летальными исходами (разбитые судьбы уже почти не в счёт). Иногда драгоценности (и вещи вообще) можно очистить от негативных эмоций.

Злые вещи – увы, они бывают. Иногда это делается осознанно (магия), иногда – неосознанно и просто по глупости (например, игольница в форме человека или животного, в которую втыкают иголки).

МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ – А КАК ФОРМИРУЕТСЯ И КАК РАБОТАЕТ ПРИЧИНА НА БЫТОВОМ УРОВНЕ?

Наивным было бы предполагать, что стоит человеку надеть майку с пауком в паутине или с черепом, и его немедленно постигнет несчастье. Нет, данная конкретная причина (сформировавшаяся искажением образа реальности при отражении в кривом сознании) может вообще не зацепить, но может и зафиксироваться на подсознании, сработать через год, через несколько лет, может просто перейти на сына или дочь. В повседневной жизни при излишнем проявлении чувств (обида, гнев, ожесточение, стремление заработать благополучную жизнь, отчаяние при потере любимого человека) такие символы могут сработать как зацепки и одновременно как спусковые крючки, поскольку Душа запечатлевает постоянно повторяемый образ. Человек уже не отслеживает негатива, его тянет к негативу [6].

Наконец, такие символы просто притягивают к себе аналогичного свойства сущности. И при наличии брешей в ауре человека (внимание: отрицательное энергетическое воздействие символа – например, изображения трещины на футболке – может сформировать брешь!) эта сущность может комфортно существовать при теле человека – «хозяина», время от времени подталкивая его к неадекватным поступкам.

Точно так же странно было бы представить, что человек, выйдя из мест лишения свободы, надел футболку с изображением солнышка или

с красивым русским узором, и к нему моментально пришло материальное благополучие и уважение общества. Тем не менее, подобный символ может:

- быть ориентиром при прохождении по Пути;
- быть серьезным подспорьем при искреннем желании человека встать на Путь.

ПЕСНЯ. МУЗЫКА

При пении идёт чисто физическое (но не только) воздействие на энергетические центры человека (чакры), контролирующее астральное поле человека. Под воздействием звуковых колебаний энергетические центры начинают работать в усиленном режиме (обычно правильно), корректируется и выравнивается астральное тело. Человек входит в правильный энергообмен с окружающей средой. В какой-то мере дляющего один час пения (особенно в хоре) равносителен спортивной тренировке или занятию по йоге (то есть идёт прямой оздоровительный эффект, хоть это и не главное здесь). Воздействие идёт на 2-5 чакры, иногда на 6-ю и 7-ю. Хорошая песня оказывает прекрасный эффект – чакры начинают работать, обеспечивая правильный энергообмен. Тяжёлый рок на некоторые чакры действует отрицательно (то есть физическое состояние человека может ухудшиться).

Кроме физического воздействия, песня (и музыка вообще) оказывает воздействие на астрал и ментал. Попробуем разобрать энергоинформационное воздействие различных направлений музыки и песни.

Мелодичная и гармоничная песня, даже если она ни о чём (попса), всё равно оказывает положительное воздействие, и в этом смысле попса оправданна.

Рок, рэп – верхний и нижний астрал, про верхний ментал говорить не приходится (хотя всегда есть один-два шедевра, выводящие выше причинного уровня).

Очень мощное воздействие на астрал и Причину – фламенко и цыганская песня.

Романс и бардовская песня – ментал, естественно. Но если салонный романс выше ментала (кроме редких проявлений) не поднимается, то иногда песня у костра – это, по крайней мере, смутное ощущение и поиски Духовных образов. На концертах это проявляется в меньшей степени.

Как правило, хорошую Причину (иногда слегка поверхностную) создаёт оперетта (И. Штраус, И. Кальман). Очень хорошая Причина создаётся рок-оперой «Иисус Христос».

Во всех спектрах воздействует симфоническая музыка. Воздействие органа на энергетические центры человека бывает настолько мощным, что идёт прямое воздействие на тело Причины, бывают и слёзы очищения, а иногда открываются каналы интуиции.

Несомненно выходящие на Духовный уровень произведения – «Аве Мария» Каччини и ария из Бразильской бахианы №5 Вилла-Лобоса. Подойти к духовному уровню можно, и слушая музыку (ведь появляются иногда у людей, сидящих на концерте), но у поющего шансов больше.

В какой-то степени поющий может входить в изменённое состояние сознания (типа медитации, то есть уже себя до конца не осознавая).

Внимание! До конца себя не осознавая! Самое время заговорить про анализ причинного уровня, создаваемого в астрале и ментале. В изменённых состояниях сознания человек может приблизиться к нирваническому уровню. Это справедливо и для хорового пения, и для пения в храме, и для пения у костра под гитару, и для рок-концертов (за счёт акустики и спецэффектов – только достижение нирванического уровня здесь может быть сродни тому, как при употреблении алкоголя и наркотиков).

Горькая и объективная реальность – песня (и музыка вообще) может создавать и отрицательную Причину. Вспомним, что Причина создаётся при работе в астрале и ментале. Печальная судьба многих рок-музыкантов (да и не их одних) наводит на мысли, что что-то не так. Действительно, при копании в глубинах беспокойной души очень легко создаётся отрицательная Причина, как минимум, перекрывающая Путь, но, как правило, возмущающая все стороны человеческой жизни... с соответствующим распадом по судьбе... И хорошо, если только по своей судьбе, или по здоровью... и хорошо, если только по здоровью... Протест без созидательной составляющей, отрицание и неприятие без положительного устремления – как бы красиво это ни звучало, как бы романтично это ни выглядело... ведёт к созданию отрицательной причины. А звучать может очень красиво, особенно при исполнении виртуозов. Как завораживает и обволакивает... и уводит куда-то... только вот куда? Рэп, тяжёлый рок – про положительную Причину, увы, почти забываем (хоть если честно, в рэпе и отрицательная Причина – какая-то поверхностная – то есть не создающая слушающему серьёзных неприятностей). В попсе Причина, как правило, слабая, за счёт чего этот жанр может существовать, вероятно, почти всегда.

Тем и значим Окуджава, что как бы плохо ему ни было, вектор его устремлений был направлен всегда вверх, да и других этот вектор вёл за собой вверх, несмотря на три аккорда, которыми сопровождался его песни.

С другой стороны, вспомним многих долгожителей советской и российской эстрады, ни разу по-серьёзному не вкладывавшихся в песню, работавших по заказу, почти ничего не принесших положительного и созидательного, но не принесших ничего и отрицательного и разрушающего. И что же – живут, поют, зарабатывают деньги. Серьёзных отрицательных Причин не создаётся – вот и живут. Не самый плохой вариант.

Рискуя быть назидательными, повторяя, что анализ причины не является полным искусствоведческим анализом, помня, что ни один анализ произведения не сравнится с самим произведением, приведём несколько примеров.

Вот развитие причинных образов при исполнении «Чардаша» Витторио Монти:

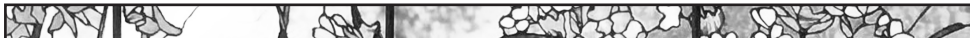

Устремление Высшего Я по Пути к Духу.

Всё перекрыто. Подготовка к прохождению Пути приостанавливается.

Размышления и движение возврата
(можно интерпретировать как лучшие высшие воспоминания)

Высшие струны Души в сомнениях. Но устремление уже появляется.

Ожидание. Чисто и ровно. Пустота.

Начинается резкое устремление наверх и по Пути, и по Личности (Эго).

Чудесное развитие личности (Эго).
Открываются возможности развития Блага всех видов –
и Духовного Блага, и материального.

Нотная запись Саши Юрковой

Хотя финал несколько слабее по Направленности к Духу, возможности открываются почти во всём. Вот так!

В песне «Под небом Парижа» (особенно в исполнении Ива Монтана) создаётся прекрасный образ положительной Причины, развивающейся на фоне чудесного пути развития и устремления по развитию личности, личности города, если так можно выразиться. Великолепное сочетание высоких мужских и женских начал. Пока в Париже будут петь эту песню – в городе будет всё хорошо. Вряд ли под влиянием этой песни Париж станет развиваться как столица бизнеса. А вот столицей культуры (в плане развития личности) – будет. Вот бы кто-то про Москву и для Москвы что-нибудь подобное написал.

В мелодии к кинофильму «Крёстный отец» женские силы весьма гармоничны, но настолько сильны, что могут перекрыть развитие Пути. Даже если встать выше влияния женских сил (это не для многих), Путь ведёт вперёд, но не Вверх. Зато вот развитие Личности под влиянием этой мелодии очень гармоничное. А в плане устремления на Благо осторожнее – можно и приобрести, а можно и потерять (опять-таки в зависимости от степени высоты устремлений).

Мелодия романса из рок-оперы «Юнона и Авось» – это почти чисто женская мелодия. Мужские силы очень слабы, они и стремятся вверх, но высокого развития нет, есть только тяга и тоска по Высокому. Очень хорошо, но не надо слушать каждый день.

Мелодия к «Призраку оперы» – это в целом мужское начало. Хорошего Пути нет, нет и хорошего развития Блага, но вектор задан неплохо. Неблагоприятных последствий нет.

А вот пример формирования отрицательной причины в произведении «July Morning» группы Uriah Heep. Это ведь трагедия. Личность устремляется вверх, но не может найти и не найдёт Путь. (Это возвращаясь к судьбе многих рок-музыкантов и бардов с развалом по судьбе. И с учётом того, что рассматривается действительно Произведение. А сколько таких произведений, которые никак произведениями не назовёшь, а судьбу-то они разваливают).

Но ведь тяжёлый рок так просто, идя по улице, не споешь. Можно спеть только что-то мелодичное. Вот и пойте. Хотя бы мурлыкайте про себя. Ведь куда лучше, чем припоминать какие-то обиды.

ЛИТЕРАТУРА

Литературные произведения в лучших своих образцах просто предназначены для выхода на духовный уровень. Но задача – написать живо – для эффекта на астральном уровне, интересно и правдиво – для эффекта на ментальном уровне, чтобы человек читал взахлёб и получал удовольствие от чтения – приближение к нирваническому уровню, по возможности создавая положительную Причину... Вот тогда можно устремляться к Духу... не раньше... Иначе выйдет занудная проповедь с последующим отторжением. Воздействие на духовном уровне возможно, только если автор достиг духовного уровня, и перед ним, хоть иногда, открываются картины духовного мира.

Уровень ментала в литературе очень разнообразен, отсюда столько жанров. И вовсе не обязательно быть назидательным, даже лучше не быть. Два хороших плутовских романа эпохи социализма первой половины 20-го века создают весьма положительную причину. Единственный недостаток (при причинном анализе) – запрет на развитие Блага (в материальном плане), если это может считаться недостатком.

Не всем дано быть гениями. А вот положительную причину создавать надо, особенно если взялся быть писателем. Не можешь – не пиши. И то сказать, редко переживают эпохи и остаются для потомков произведения, создающие отрицательную причину (исключения бывают).

Во времена нестабильности и потрясений (Европа после Первой мировой войны, Америка во времена депрессии) повышенным интересом начинают пользоваться произведения искусства, отображающие нестабильность, чувства отчаяния и безнадёжности людей этой эпохи (Кафка, Олдингтон, Ионеску, Оэ, Акутагава...). Потом кучка интеллектуалов объявляет их гениями. Их начинают издавать большими тиражами, и рядовому человеку, чтобы не прослыть отсталым, приходится тоже приобщаться к этой «гениальности».

Произведения всех перечисленных авторов создают отрицательную причину, которая может перейти на читателей и реализовываться в их судьбах. К произведениям перечисленных авторов не относятся произведения, изображающие разлад, страдание и заставляющих человека через отторжение отрицательной причины выходить в более верхние миры. Не надо впутывать в эту компанию Ремарка и Хемингуэя, которые тоже жили и описывали чувства людей эпохи депрессии. Эти были весьма отчётливо устремлены вверх, хоть им было и нелегко.

А дала ли фантастика эпохи социалистического реализма положительную причину? – ведь писателей этого направления отчётливо на-

правляли вверх, а жанр позволял устремиться. Дала-то дала, да только, кроме двух братьев, писавших вместе, и вспомнить-то нечего, настолько всё было поверхностно (отрицательной причины, впрочем, создано, также не было).

Замечательное устремление к Духу создал своими историями о праведниках земли русской до конца не понятый ни в XIX, ни в XX веке Лесков. При анализе причины этих произведений представляется, что эти истории о простых людях, тихо делавших своё дело и ещё немного сверх того, дали больше многих проповедей (через Благо и Путь – выход к Духу).

Многое может дать в лучших своих проявлениях детская литература. Медвежонок Пух любим многими поколениями, и есть за что. Сказка про Винни-Пуха обеспечивает очень хорошую почву для развития личности (Эго) и устремления на Благо.

Несомненным Духовидцем XX века являлся писатель Толкиен. В его произведениях астрал (подсознательное), ментал (сознательное) и причина выводят и на уровень Мира Законов и Принципов, и на Духовный уровень. Счастлирое сочетание литературного дара, обширных знаний по мифологии и истории, и великолепная устремлённость писателя к вершинам бытия дали одну из главных книг ушедшего столетия.

К великому сожалению, создатели киноверсии не увидели в эпопее ничего, кроме материала для производства заурядного боевика (что, разумеется, говорит об их уровне, в том числе и как представителей современного киноискусства). Итог – киноверсия «Властелина колец» не только не духовна, а зачастую даже создаёт отрицательную причину (то есть уводит вниз, может подталкивать к преступлениям и распаду личности). Увы!!!

КИНОИСКУССТВО

Вначале о телерекламе. По методикам С.Н. Лазарева [4], обычная реклама имеет параметр сознательной агрессии небольшой, а вот подсознательную агрессию – очень большую. Увы, на это всё и рассчитано. Не вдаваясь в подробности и помня, что реклама – неотъемлемая часть современной экономики, осознаем, что всё же здесь что-то не так... А ведь в лучших своих образцах реклама может создавать положительную причину. Можно без подключения агрессии давать образы хороших товаров и услуг.

Очень хорошую Причину создавали (и создают по сей день) отечественные фильмы 30-60-х годов. Метод социалистического реализма сработал великолепно (хотя в литературе этот метод произведений почти не дал). Чудесную причину создают фильмы Гайдая.

А какими духовными бывают мультфильмы! «Бременские музыканты» дают прямой выход на Путь. Мультфильмы Норштейна подводят

к Духовности. А вот большинство американских мультфильмов – астрал и нижний ментал (хоть исключения среди мультфильмов Диснея тоже есть).

Согласно С.Н.Лазареву [4], подсознательной агрессии в фильмах «Кавказская пленница», «Ну, погоди!», «Белое солнце пустыни», «Солярис», «Андрей Рублев» - нет

Все фильмы не агрессивны, они несут только чистое и светлое. Вот что такое искусство! (А ведь в соответствии со сценарием в фильме «Белое солнце пустыни» погибают люди, есть сцены отчаяния!) Можно делать хорошие фильмы, если захотеть.

Восемьдесят процентов всех американских фильмов по этим параметрам не проходят – они имеют слишком высокий уровень подсознательной и сознательной агрессии. Чистые души не выдерживают образов насилия, демонического воздействия. Чистой душе на всё это смотреть больно.

Механизм очищения при просмотре фильмов ужасов заключается в активизации энергетических центров, уплотнении астрального тела (и соответственно ощущения прилива сил). Однако реального очищения (устранения отрицательных причин) не происходит, а наоборот, в будущем могут появиться новые отрицательные причины – по развитию волевых качеств и по личности – естественно.

При просмотре захватывающего приключенческого фильма или хорошего боевика уплотнение астрального тела также происходит – отсюда ощущение лёгкости после окончания фильма.

Создателям бандитских сериалов хочется напомнить текст, вошедший в сборник канонических текстов с высказываниями Конфуция и о Конфуции [7]. Один из учеников Конфуция был отправлен в соседний город и опоздал к закрытию городских ворот. Страж ворот спросил путника, кто он и откуда. Получив ответ и пропуская ученика, привратник молвил: «А, ты ученик того самого, который, осознавая невозможность изменить мир, всё же пытается что-то сделать».

Конфуций жил в V веке до Новой эры.

К счастью, появившиеся в последнее время в нашей стране милицейские сериалы имеют существенно лучшие показатели, в целом в них заложена положительная причина.

Вот и получается, что человек творец – действительно творец всего (или почти всего) – судьбы общества, окружающих его людей и своей судьбы. Вот и выходит, что почти всё в жизни человека предопределено.

2006

Литература:

1. А. Юрков. О Возрасте//Альманах Витражи, № (3), 2016. С. 264-271.
2. Нестеров М.Е. Проблемы доверительных отношений, в книге В.П. Гоч, В.А. Старцев. Симферополь, 2001. С. 133.

3. В.П. Гоч, С.В. Белов. Теория причинности. Киев, 1999. С. 302.
4. С.Н. Лазарев. Диагностика кармы. Книга первая. Система полевой саморегуляции. СПб, 2005. С. 160.
5. Абд-ру-шин. В свете Истины. Послание Грааля. Издание 5. Штутгарт.
6. В.П. Гоч, Книга силы. СПб, 1994. С. 187.
7. В.П. Гоч, Познай свой путь. М., 2004. С. 198.
8. Конфуций. Суждения и беседы. Пер. с китайского П.С. Попова. Спб., 2005 С. 224.

Инна БОГАЧИНСКАЯ

ОБ ИЗБЫТКЕ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ И ДЕФИЦИТЕ ОБЩЕНИЯ

Похвальное слово сердцам, раскрытым настежь

Увешанные сумками, наступающим на глаза и нервы недосыпом, шлейфом обязательств и обзлѐнностей, зачѐтов и просчѐтов, мы, наконец, добираемся до того, что именуется нашей обителью. Убежищем. Пространством, где нам дозволено сбросить с себя все натянутые и растянутые улыбки, дежурные, как кулинарные рецепты, фразы, и озвучить засурдиненные от постороннего уха вздохи, продуцируемые в ответ на проказы артритов, гастритов, флебитов и прочих физических и душевных неудобоваримостей.

Захлопнулись двери за днѐм. За годом. За минутой. За городом детства. За не слишком вдохновляющим разговором с работодателем. За застрявшими в иксах и игреках отношениями...

И вот мы – в сурдокамере своего жилища, где сразу же вступает в силу отработанная схема действий, или, как определил бы Павлов, наш динамический стереотип.

Приходилось ли вам взглянуть на всё это со стороны? Если нет, то давайте сделаем это вместе.

Бросок первый. К почтовому ящику. Заглядываем в него с жадностью и надеждой узников, взирающих на свет из-за решѐток.

Бросок второй. К автоответчику. Прослушиваем его примерно с такой же интенсивностью, как сводку Совинформбюро во время войны.

Бросок третий. К ящику Пандоры – проклятью и апофеозу прогресса. «Украли. Сгорели. Взорвали. Подстрелили». Нескончаемым бодрящим (порой до исступления) потоком целятся в нас с экрана пулемѐты событий. И жить сразу становится не то, чтобы лучше, но, наверняка, веселей.

Бросок четвёртый. К ещё одному источнику и плоду дерзновенных забот технической мысли. И тут же оказываемся в сети. Но не в простой и даже не в золотой. А куда в более заманчивой – в международной. С таким многообещающим и магическим названием – «Интернет». Становясь его ячейкой, мы обретаем право на своё крохотное планетарное пространство в виртуальной галактике. А главное – возможность дотянуться сквозь сложнейшую закодированность программ до чьей-то аналогично жаждущей контактов души. И услышать, как голос из компьютерных недр сообщает, что наш ящик электронной почты не пуст. А значит...

Бросок пятый. (Самый броский и решительный). К тому, что числится в списке наиболее эффективных средств, реанимирующих отѐч-

ную от груза невысказанностей душу. ТЕЛЕФОН – транквилизатор и тоник, заменяющий мудрёные психотерапевтические методики специалистов. О, как мы хватаемся за его спасительную трубку! Не менее, чем с надеждой утопающего. Да не прерывались бы никогда хрупкие, но всё выносящие телефонные проводки! Да было бы нам кому передавать по ним и барабанную дробь, и серенады своих сердец!

Вот он, один из эликсиров выживания – СВЯЗЬ ВСЕГО СО ВСЕМ. Сообщённость и соучастие. Хоть какое. Хоть видимое. Хоть мимолётное.

Вот он, один из никогда не насыщаемых до основания аккумуляторов человеческой природы! И всё это вмещается в ёмкость понятия, именуемого «коммуникацией».

Казалось бы, наши записные книжки и бумажники разбухают от коллекции телефонных номеров и визитных карточек, к которым мы обычно так и не обращаемся. Время, видите ли, изменилось. Может быть, не стоит пенять на него. Может быть, это всё-таки мы его изменили. А, вернее, себя и своё отношение к окружающим.

Вспомним времена, когда телефон и телевизор ещё были привилегиями абсолютного меньшинства. А сетями интернета и вовсе не пахло. Как запросто мы могли навестить друг друга! Без приготовлений, чопорности и снобизма. Сейчас это считается признаком плохого тона. Даже чтобы чей-то номер телефона заполучить, и то разрешения у данного абонента испросить надобно.

Поэтические строки Андрея Вознесенского донельзя точно воспроизводят эту картинку: «Было нечего носить. Стало некуда ходить».

Вот и задыхаемся мы в своих мебелированных по последнему всхлипу моды тюрьмах, боясь разорвать или даже разрушить свои золотые цепи. А от этой отполированности и мебелированности зачастую несёт запахом небытия. НЕ- (су-щест-во-ва-ни)-Я.

И получается, что мы стали узниками и придатками опекаемых и лелеемых нами предметов. (Не дай Бог, что-то запятнать или поцарапать! С душой – проще: она всё вынесет.) Но одновременно мы потеряли нечто сугубо значительное и невосполнимое.

Сейчас модно говорить о том, что мы страдаем от переизбытка информации. А в самом деле – страдают не от её избытка, а от отсутствия нужной и правильно ориентирующей информации.

И в равной степени замуровываем себя заживо не от недостатка средств коммуникации, а от отсутствия живого соучастия. Добрых и понимающих глаз. От дефицита всегда готовых поделить тепло ладоней. От острой нехватки плечей, поддерживающих надёжней, чем скалы.

Зачем мы всё время что-то друг от друга скрываем? Ведь все формулы нашей сюжетной эквилибристики в основном сводятся к очередности пребывания в той или иной роли. Сегодня – со щитом. Завтра – на щите. Всё достаточно просто и одинаково. Разве что с поправкой на

степень личного восприятия, реагирования и собственной вовлечённости. Так или иначе, каждый должен пройти все надлежащие ему адавы круги и райские кущи. А мы зачем-то прячем гейзеры своих эмоций, анатомию поисков и пропаж, оранжерею разноцветных опытов быстрой текущей жизни даже от тех, кто, казалось бы, разделяет территорию нашего физического и духовного обитания.

Осуждения опасаемся, что ли? Но суть в том, что приговоры-то выносим обычно мы сами. И устраиваем себе и другим теракты молчания, потеряв одновременно и талант слушать, и талант разговаривать. Особенно почему-то с теми, кто пребывает в пределах нашей черты оседлости.

И тем самым всё более превращаемся в манекенов, не способных к яркому, открытому и стремительному проявлению чувств. То ли боимся выглядеть странными и несовременными? То ли это страх перед возможным злопахательством и завистью в парадоксальном сочетании с желанием самореализоваться и эту зависть внушать? Всё, как обычно закручено в один узел, составляющие которого так просто не разглядишь. Да Бог с ними, с этими закрученностями!

Давайте лучше хоть на время попробуем бросаться не к почтовому ящику, не к телефонной трубке и электронной почте, а друг к другу! Давайте заполнимся чувствами ближних, а потом – разделим с ними и часть своих!

И пусть у каждого всегда будет кто-то, к кому можно было бы просто прийти!

Слышите? В вашу душу постучали! Откройте!..

И СМЕХ, И СЛЁЗЫ

Андрей КАЛЕЦКИЙ

ВЕНЕРА

Прожив с Венерой целый год,
Подав заявку на развод.
После развода загрустил,
Неделю грусть в вине топил.
На день восьмой пришло на ум
Побриться и надеть костюм,
Купить букет цветов и к ней –
Просить прощения скорей.
И был прощён я в полной мере.
А если б вздумалось Венере
Открыть другому настежь двери,
Тогда бы был другой финал,
Но я ещё не всё сказал:
В любви живите и не майтесь,
С любимыми не расставайтесь.
Софии, Нади, Любы, Веры
Для нас, мужчин, всегда Венеры.

О СТИХАХ

Если стихи написаны коряво,
Не ждите восклицанья «Браво!»,
А если душу в них вложили,
Вы Божью милость заслужили.

НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ ПРОЗАИКУ

Выпив кофейку-гляссе,
Взялся он писать эссе.
Размышлял, вода пером
По бумаге, а потом
Прочитал дум воплощенье
И порвал без сожаленья.

Видимо, уразумел,
Думать – не его удел.

СЕМЬ РАЗ

Прожив на свете больше полувека,
Себя глупее не встречал я человека.
Покуда по семь раз я отмерял,
Уже отмеренное кто-то отрезал.

ЗАЧЕМ

«Зачем же мучить Музу зря,
Когда и так словесной фальши
Полно везде», – подумал я
И зашвырнул перо подальше.

И вот лежит передо мной
Обыкновенный лист бумажный.
Он чист, как свежий снег зимой,
Но это мне совсем не важно,

А важно то, что написать
Не смог я против воли строчку,
На запятую исправлять –
В конце не надо будет точку.

И впредь тревожить Музу зря
Не стану, чтоб не вышло фальши.
Вновь отмолчусь уж лучше я,
Швырнув перо куда подальше.

Я КУРИТЬ СЕГОДНЯ БРОСИЛ

Я курить сегодня бросил,
Не курил часов так восемь.
Вот окурочок затушил,
Завтра вновь бросать решил.

НАЧИТАВШИМСЯ ЭЗОТЕРИКИ

Проснулся муж, глаза открыл,
А след жены давно простыл.
Записка лишь на одеяле:
«Вернусь не скоро, я в астрале».

СТАКАН МУЖ ВЫПИВ, СТАЛ МЕЧТАТЬ

Муж, выпив малость, стал мечтать
Как бы жену в гарем продать,
Но после третьего стакана
Подумал: «Жалко мне султана».

ЖЕНА КАК ЕСТЬ ГАДЮКА С ЖАЛОМ

Жена как есть гадюка с жалом,
Коварна бестия и зла.
Вчера с любовником сбежала,
Сказать вернее, уползла.

СЛОВНО БЛИНЫ, СТИХИ ПЕЧЁТ

Словно блины, стихи печёт,
Уже им потеряла счёт,
Но если критик их прочтёт,
Две строчки, может, и зачтёт.

ЧИСТАЯ СТРАНИЦА

Гордится дева шевелюрой,
Да идеальной фигурой.
А чем же ей ещё гордиться,
Коль ум, как чистая страница.

ЭПИГРАММА ЗАУМНОМУ ПОЭТУ

Чем непонятнее пиит,
Тем больше ныне знаменит.
Зато такой поэт не может
Стихами души растревожить.

Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ

Состоит в СП России, СП XXI века. Автор сборников стихов: «Задумчивый сентябрь», «Стихотворения», «По алфавиту», романа «Господи, сделай из моего ребра рояль!..», рассказов, публикаций в периодике, в том числе, приложении к «Независимой газете» «Ex libris». Стихи переводились на иностранные языки.

ДИАГНОЗ

Экин

Марине понадобилась справка в бассейн – надумала абонемент купить в новом спорткомплексе. Хорошее дело – бассейн. Во всех журналах пишут – отличная профилактика остеохондроза, закаливание, способ сохранения молодости, что самое важное. Весна, хочется обновления. А спорткомплекс так заманчиво выстроился за зиму через дорогу от дома.

И она отправилась в поликлинику.

– Услуга платная, – уведомил врач.

– Платная так платная, – пожалала плечами Марина, – давно не была в поликлинике, а тут новые правила, – только можно это как-нибудь побыстрее!

– Сначала надо анализы сдать – давно не сдавали, – повертел в руках тощую Маринину карточку доктор, – кстати, флюорографию пора сделать. Да вам и ЭКГ не помешает – всё-таки физическая нагрузка, а вы такая... худенькая, – придирчиво оглядел пациентку доктор.

Марина не считала, что стройность – это недостаток, но куда деваться. Хоть и платная справка, а так просто в руки не даётся, даже за собственные деньги. «Придётся покрутиться. Эх, чёрт, уже апрель на исходе, там, глядишь, июнь подкатит, бассейн на каникулы закроется, – с раздражением подумала она, – надо всё это быстро делать».

Сказано – сделано. Отправилась Марина в аптеку, купила специальный контейнер для мочи – чтобы, не дай бог, пересдавать не пришлось, а то скажут, мол, баночка ваша в майонезе была. Встала на следующий день ни свет ни заря, чтобы в первых рядах быть в лаборатории, на работу

не опоздать, упаковала анализ, чтобы всё чин чинком, и побежала в поликлинику. «Сдам мочу, сдам кровь, потом ЭКГ и – гуляй, Вася, справка моя будет. Да просветиться не забыть», – готовила себя к забегу по кабинетам Марина.

Но не тут-то было. В дверях поликлиники её встретил длиннющий хвост очереди на общий анализ крови.

– Кто последний? – аукнула Марина.

– Я крайняя, – буркнула нехотя заспанная молодая мамашка, прижимая к себе сонного ребёнка.

– Что ж вы его дома не оставили, хоть поспал бы, – пожалела ребёнка Марина. Потом попросила:

– Скажите, что я занимала...

И Марина с драгоценным грузом – не расплескать бы! – побежала вдоль хвоста на второй этаж в лабораторию, прикидывая, за какое время её очередь подтянется к заветному кабинету забора крови. Ясно было одно – к началу рабочего дня она не успевает. Марина набрала мобильный начальника и попросила зачесть её единственный заработанный отгул – стоять, так до победного.

Очередь двигалась медленно: помимо направленных из детской поликлиники, отдельный «хвостик» выстроился из беременных, которых пропускали через пятерых из «хвоста», с другой стороны кучковались те, кто с книжечками по инвалидности. Их чередовали с беременными.

Оказалось, что кровь надо сдавать в двух кабинетах – общий анализ на втором этаже, а вот «биохимия» – на третьем. В момент, когда Марина вошла в ступор, как ей держать две очереди в одних руках и не потерять – народ ведь какой – займёт очередь, а сам – шмыг, вслед за знакомым проскользнёт, или вертё – да ну всё на фиг, домой пойду досыпать, завтра попробую. И ищи потом – за кем занимал. К тому же Марина разглядела хитрую загогулину в уголке листочка с направлением: анализ назначен на конкретный день – сегодня или никогда! «Вот и заведёшь себе клона, как в фантастике», – тоскливым взглядом окинула Марина бесформенное тело очереди впереди себя. Подступало отчаяние – всем за сегодня не пройти. В этот момент перед Мариной, как лист перед травой, возник родной муж:

– Марина, ты ключи забыла, мы все ушли!

– Ну ты даёшь! – возопила обрадованная Марина, – Ты-то мне сейчас и нужен! Миш, тут такое!.. Век жизни, вернее, бассейна, не видать. Поддержишь очередь на третьем этаже, а? На биохимию. Иначе я этот чёртов анализ не сдам – отпихнут, забудут, скажут, не стояла...

Муж замялся.

– Милая, но я не собирался... договорился, встреча важная...

– Дорогой, какая встреча? Ничего важнее этого анализа сейчас нет и быть не может! Ты же не откажешь мне в помощи?! Ты же хочешь, чтобы я была молодой и красивой! А без анализа мне справку никто не даст! Значит, в бассейн не попаду. И – прощай, молодость!

Наверное, последний аргумент возымел силу – Миша ринулся по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки, вызывая недовольное бурчание потревоженных стойков.

– Впереди меня толстая тётя, похожая на черепаху Тортиллу, в синем платье, ты сразу её узнаешь, она в глаза бросается! Скажи, что за меня будешь стоять, – прокричала вдогонку Марина.

Успокоенная тем, что теперь есть, кому за неё постоять во второй очереди, Марина решила время зря не тратить, вытащила из сумочки роман знакомого писателя – «Эра бессмертия»¹ и погрузилась в чтение. Нет худа без добра. Уж если стоять, как лошадь в стойле, с ноги на ногу переминаясь, так уж с книжкой, не так обидно, что жизнь бездарно проходит в очереди.

– Слышала я, что кровушку нашу они потом сливают всю в одну банку и используют куда надо, вроде как мы доноры тут, – заговорила, обращаясь к Марине, дородная тётка, занявшая очередь за ней.

Марина сделала вид, что не слышит, увлечённая чтением.

– Так что добру-то пропадать? – ответил за неё чей-то мужской старческий голос.

– Да ладно пугать-то, – просипела мамашка с уснувшим ребёнком на руках.

«Ну вот, начинается, стоит только пойти в поликлинику – наслушаешься тут», – подумала Марина с раздражением.

Вдруг очередь разволновалась, расшумелась, заколыхалась, как синее море. И полетела из уст в уста благая весть:

– Идёт, идёт!

– Ну, теперь дело быстрее пойдёт, пришла наша спасительница, рыбка золотая.

Толпа расступилась благоговейно, пропуская малюсенькую старушеницу в телескопах-очках.

– Она щас всех раскидает... – обнадеживали толпу осведомители из «хвоста».

И точно. Хвост начал динамично укорачиваться. За какие-то пятьдесят минут Марина с первого этажа переползла вместе с молодой и её ребёнком в фойе второго. До заветной двери осталось метров тридцать. Даже жалко стало, что так быстро придёт из очереди уйти – книжка интересная, автор в такие дебри будущего бессмертия забурился, когда люди ничем болеть не будут, жить будут вечно, что Марина забыла, где она находится и зачем. Прикинув, сколько человек впереди осталось, она снова было окунулась в чтение, как услышала:

– Марин, твоя очередь подходит!

Запыхавшийся муж подхватил её под руку.

– Следующая Тортилла твоя идёт...

¹ Роман Богдана Ткачёва «Эра Бессмертия»

Марина едва успела толстой тётке-сплетнице сказать, что сейчас вернётся, как они с Мишей уже стояли у двери кабинета биохимии на третьем этаже. Синего платья Тортиллы не было видно. Значит, уже прошла. Марина протиснулась сквозь плотную толпу осаждавших кабинет и вцепилась в дверную ручку.

– Вы здесь не стояли! – заявила старушка с палочкой.

– Да муж мой очередь занимал! За торт...за женщиной, полной такой, с короткой стрижкой, в синем!..

– Ишь какая, муж занимал, знаем таких! Не видали мы ни тебя, ни мужа твоего, ни женщины... – разгалделись бабушки.

А самые рьяные приготовились к наступлению, смыкаясь вокруг Марины тесным кольцом. Марина пыталась что-то сказать направо и налево, мол, вины моей нет, две очереди, муж стоял за меня, но никто ничего слушать не хотел. Краем глаза Марина увидела Мишу – его закрыли своими телами воинственные очередники. Ситуация требовала немедленного решения. Марина нажала на дверную ручку и влетела в кабинет.

Острый запах нашатыря выстрелил ей в нос и запер дыхание. Перед глазами Марины голубыми бабочками замелькали фигуры в медицинских костюмах, они то приближались, то удалялись от кушетки, на которой лежало что-то объёмное, бесформенное, синее. Когда Марина смогла, наконец, дышать и соображать, она разглядела на кушетке грузное тело. То было недвижимое тело Тортиллы.

– Что с ней? – вырвалось у Марины. Но вопрос её завис в воздухе под высоким потолком лёгким эхом – никто на неё даже внимания не обратил.

Фигуры в медицинских костюмах группировались вокруг кушетки разными способами, отгораживая от Марины Тортиллу, и производили с ней какие-то манипуляции.

– Что вы с нею делаете? – выкрикнула Марина.

– Не истери, – на мгновение в её сторону дружно повернулись три головы в голубых колпаках и так же, как по команде, развернулись обратно, продолжая священнодействовать над Тортиллой. Марина перестала истерить и села на стул. И тут в глаза ей бросились пятна крови на полу. Они были такие свежие, что Марина ощутила металлический привкус во рту, как когда-то, когда ей выдрали зуб. Голова у Марины закружилась, стеклянный шкаф, окно, кушетка поплыли в круговороте, утягивая её за собой. Она вцепилась в спинку стула обеими руками, прикрыла веки и глубоко вздохнула. Кружение удалось притормозить. Так и сидела Марина, глаз не раскрывая. Какое-то время было тихо, и тишина эта остановила время, и Марина потеряла счёт минутам, потом раздался голос, далёкий, как из колодца:

– Ой, батюшки, где это я? На каком свете? На том или на этом? Померла я или воскресла?

Марина встрепенулась и открыла глаза. Фигуры в костюмах, склонившиеся над кушеткой, дружно выпрямились и выдохнули одним выдохом, как трёхглавый змей из детской сказки:

– На этом, на этом. Слава те!..

Фигура, что поплотней и повыше, отделилась, превратилась в медсестру из кабинета участкового и двинулась к двери:

– Ладно, девчонки, если что – зовите.

И скрылась за дверями, утонув в негодующей толпе очередников.

Ожившая Тортилла села на кушетку и принялась оттирать остатки потёков крови на руках влажной салфеткой.

Одна из двух оставшихся голубых бабочек обернулась молоденькой санитарочкой и бросилась вытирать пол шваброй, другая – процедурной сестрой в голубом брючном медицинском костюме. Она вытащила из шкафа набор для забора крови, обратилась к Марине:

– Я ей, – кивнула она на Тортиллу, которая, похоже, окопалась на кушетке, как на собственном диване, и не спешила уходить, – иглу в вену ввела, а она – хлоп со стула на пол, иголка выскочила, кровь как хлынет ручьём из вены! Прямо гейзер! Еле до кушетки дотащили. Мы ей нашатырь – а ей хоть бы хны. Да вы садитесь, садитесь поудобнее, так, дайте вашу руку, кулачок сжали, так, поработали..

Марина не успела слова сказать, как процедурная сестра сложила её руку пополам с куском марлевой наспиртованной салфетки и крикнула, глядя на дверь:

– Следующий!

Марина поняла, что пора бежать на общий анализ. По дороге чмокнула измученного ожиданием и очередниками мужа, великодушно отпустив его на свободу, на работу то есть.

– Дорогой, ты меня спас! Что бы я без тебя!..

К великой радости, обошлось без приключений: успела тютелька в тютельку, никто не возмутился, благо мамашка с дитём при ней зашли и подтвердили, что она тут стояла, укол в пальчик – и на выход.

Оставались флюорография и ЭКГ.

Возле кабинета ЭКГ не было ни души. Марина обрадованно постучала в дверь, намереваясь войти. И услышала оклик:

– Гражданочка, вы куда? Очередь моя!

Марина оглянулась в недоумении – никого не видно, в фойе она одна. А в дальнем углу пустого коридора возле выхода на лестницу увидела вроде бы мешок матерчатый, очевидно, забытый санитарочкой. Мешок неожиданно зашевелился, приподнялся и превратился в двуногое существо.

– Да-да, гражданочка, сейчас моя очередь. Они на тефнический перерыв уфодили...

Субъект на полусогнутых ковылял из насиженного угла в направлении кабинета ЭКГ, распространяя по коридору тошнотворный запах старой одежды, невымытого тела и затхлости неведомого жилья. Выри-

совывался образ обросшего человека неопределённого возраста в обноскох не по размеру и шлёпанцах на босу ногу.

«Неандерталец», – подумала Марина.

«Неандерталец» же протянул ей подтверждение своих прав на очередь – талон, самый что ни на есть настоящий с указанным временем исследования.

– Фотя как фотите, я могу и потом, – растянул он губы в подобии улыбки в знак дружеского расположения, сверкнули два изъеденных кариесом неандертальских клыка.

Марина опешила – нет, не клыки её поразили, а широкий жест странного субъекта.

– Да нет, спасибо, ваша очередь, идите, пожалуйста, просто я вас не заметила, – только и нашлась, что сказать Марина.

Мужичок уселся на ближайший стул, закинул ногу на ногу, тряхнув сосульками слипшихся волос, и повторил:

– Да идите, чё там!

В это время из кабинета позвали:

– Заходите!

Вспыхнула лампочка над дверью.

Марина ещё раз оглянулась на благодетеля, кивнула, испытав смешанное чувство жалости и благодарности:

– Спасибо...

И зашла в кабинет.

Разделась, улеглась. Пришлёпки, присоски – раз-два и готово. Марина с облегчением пошла на выход.

– Результаты будут у врача! Следую...!

Голос медсестры оборвался. Марина оглянулась у лестницы – в кабинет шагнул мужичонка-неандерталец. Слышно было, как закашлялась медсестра. И то – запашок был ещё тот, к тому же прилипчивый, не скоро отделаешься.

Чем закончился этот контакт цивилизаций, Марина не проследила – побежала на флюорографию.

– Дышите! Не дышите! Результаты завтра после обеда.

– Уф! – выдохнула Марина, вырвавшись, наконец, из стен поликлиники на улицу. Вдохновенно чирикали воробьи, издавал утробные призывные звуки облезлый кот на крылечке. Весна была в разгаре. Лучшие эпизоды из книжки «Эра бессмертия» материализовались – жизнь кипела.

Осталось дождаться результатов и...

– Мне не нравится ваша электрокардиограмма! – объявил участковый врач, когда Марина пришла за результатами исследований. – Гипертрофия левого желудочка. Синусовая аритмия... Нужна консультация кардиолога. Может, всё ничего, кто знает, а может, и по-другому. Например, кислородное голодание сердечной мышцы....

– Вам ведь нужна справка в бассейн? – уточнила медсестра.

– Вот-вот, – спохватился врач, – справка в бассейн. Тем более... А вдруг вам там плохо станет с сердцем? Нагрузочка всё-таки... Мы не можем рисковать.

Марина растерялась:

– Да всё у меня с сердцем всегда нормально было, никогда...

– Это было, а сейчас мы видим, что не очень нормально. Болезни сердца помолодели. Да у вас наверняка высокое давление бывает? Ну-ка, давайте померяем.

– Да не бывает у меня высокого давления, я с детства гипотоник! – запротестовала Марина.

– Так это с детства. А сейчас может уже и не гипотоник, – врач застегнул манжету на руке Марины. – Так-с, сто тридцать на восемьдесят, а вы говорите – гипотоник.

– Так у любого давление подскочит, когда ему такие диагнозы выставят. Что-то странно, никогда у меня ни давления, ни сердца...

– Так всё течёт, всё меняется, – врач принялся воодушевленно что-то расписывать в карточке. – Дайте ей направление к кардиологу – блеснул он очками медсестре. – Вот, держите и бегом к кардиологу, напротив сидит...

Озадаченная Марина, не замечая никого вокруг, помчалась в кабинет напротив.

Постучала и приоткрыла дверь:

– Можно?

– Нельзя! – раздался рык в коридоре. Одновременно с нескольких сторон к ней бросились подпрыгнувшие со своих стульев сердечники. Не удержали их на стульях ни стенокардии, ни ишемии. – Ишь какая! А мы тут что делаем, по-твоему? Просто так сидим? Во, нахалка!

При других обстоятельствах Марина, скорее всего, кинулась бы извиняться за свою рассеянность, но сейчас она понимала, что или пан или пропал, и проскочила в кабинет, прислонившись спиной к двери изнутри во избежание вторжения очередников.

– Здравсьте! – обратилась она к докторице, которая что-то писала, скрючившись за столом в дальнем углу огромного пустого кабинета возле самого окна, отчего казалась маленькой и беззащитной. – Вы не могли бы... – уже уверенней продолжила Марина.

– Не могли! – отсекла, как секирой, докторица, не поднимая головы и продолжая строчить что-то в бумагах. – Вас тут много, а я одна. У меня двадцать по талонам прошли, ещё столько же за дверью сидят. Я вам не машина.

– Простите, меня доктор прислал на консультацию, ему не нравится моя ЭКГ. А мне кажется, что это ошибка. Мне справка нужна, – не хотела смириться с поражением Марина.

– Всем не нравится ЭКГ. Всем справка нужна. А я не машина.

Докторица с ещё большим остервенением продолжила писанину, давая понять, что разговор окончен.

Тут только Марина сообразила, что на приёме нет пациента, и врача строчит свои записи, разложив бумажки с показателями исследований перед собой по всему столу. Докторица будто прочитала мысли Марины и произнесла, не поднимая головы от бумаг:

– У меня на приём больного пятнадцать минут. Этого хватает ровно на то, чтобы вписать анализы в карту. Отчитываемся мы по картам, зарплату нам платят по картам...

«Графиня Анна Федотовна в «Пиковой даме» отдыхает, – подумала Марина, глядя на высушенную, замумифицированную карточными делами врачу, – вот вам тайна карт и человеческой жизни, зависимой от закорючек, в них прописанных...».

Ничего не оставалось, как развернуться и уйти. Ясно было одно – так просто справку даже за собственные деньги получить не удастся. Без консультации кардиолога.

Попасть к кардиологу оказалось совсем не просто. Запись-онлайн давала даты в следующем месяце. В регистратуре талончиков просто не было: приходите через две недели. И Марина надумала обратиться в медицинский центр за платной консультацией. Однако не во всяком медцентре вас ждёт кардиолог. Он и там работает по записи.

– Запись за неделю вперёд!

– Позвоните через неделю, врач в отпуске!

А время утекает, как вода из бассейна, незаметно и неумолимо.

Наконец, отчаявшаяся Марина наткнулась в интернете на только что открывшийся медицинский центр и позвонила.

– Записаться к кардиологу? Пожалуйста. Сегодня на два часа дня вас устраивает?

Марина не поверила ушам своим – апрельский розыгрыш?

– Этого не может быть!

– Вы не можете в два часа дня? – вежливо спросили на том конце провода.

– Нет, нет, конечно, могу! – воскликнула Марина.

– Записываю. Ждём вас в два часа дня сегодня на приём к кардиологу.

«Невероятно!» – подумала Марина, измученная долгими поисками, и опять отпросилась с работы.

Кардиолог оказалась милой женщиной, которая внимательно изучила ЭКГ Марины и сказала.

– Надо разобраться. Кто-то из родственников имел проблемы с сердцем?

– Бабушка, – обречённо прошептала Марина, – четыре инфаркта.

– Тем более. Надо сделать полное обследование сердца, а также проверить щитовидную железу, позвоночник...

? – ошалела Марина.

– Да-да, причина изменений на ЭКГ может быть самая неожиданная.

Так что давайте проверим всё основательно. Я вам напишу список обследований, сегодня же и начнёте всё по порядку.

И врач принялась расписывать направления. А Марина лихорадочно прикидывала, в какую копеечку ей это обойдётся и сколько у неё с собой денег. И сколько времени уйдёт?!

– Вот, сейчас сделаете УЗИ щитовидной железы и сдадите кровь на гормоны, больная щитовидка часто бывает причиной сбоя ритма сердца. Потом зайдёте в соседний кабинет, вам установят суточный монитор – посмотрим, как будет вести себя ваша аритмия. На завтра у вас УЗИ сердца и рентген позвоночника. А хотите – так и сегодня всё сделаете.

– А рентген позвоночника – зачем? – попыталась Марина сократить затраты. К тому же её раздражало, что дело заходит очень далеко и всё больше шансов не добраться до бассейна.

– А вдруг у вас защемление нервных окончаний? Или позвоночная грыжа? Боль может провоцировать сбой в работе сердца... – размашистым почерком кропила листочки с направлениями кардиологиня.

Марину охватила тоска.

Как всё серьёзно! И как всё надолго! И зачем упомянула про бабушку... Но... А вдруг и в самом деле – предрасположенность вылезла? А она так мечтала побултыхаться в бассейне, скинуть рутину рабочих будней... Боже, а деньги? Сколько на всё это надо денег? А так хотелось обновить гардероб на лето...

– Вот, пожалуйста, – хлопнула перед Марининым носом кардиолог стопкой направлений на исследования, – отнесите к своему здоровью со всей ответственностью. Пройдите обследование прямо сейчас. И тогда мы узнаем причину сбоев в ЭКГ и сможем поставить правильный диагноз. А то вот сегодня мне пришлось такой нехороший диагноз поставить... – глаза докторицы сверкнули недобрым светом. Марина вздрогнула.

– Идите, что же вы, вас ждёт узист, сделаете УЗИ щитовидной железы, чтобы у нас уже не было вопросов, – раскрыла врача двери перед застопорившейся Мариной, – только сначала зайдите к девочкам на рецепшен.

Девочки на рецепшене дружно в четыре руки расписали Маринины платежи и веером разложили на стойке квитанции.

– Вот, пожалуйста. Оплатить можно всё сразу или по частям, перед прохождением исследования. Сейчас вы идёте на УЗИ щитовидной железы. С вас...

Марина поняла, что худшие прогнозы начинают сбываться. Кошелёк уже изрядно похудел, а она только в самом начале пути по кабинетам медцентра.

Парень-узист работал легко. Датчик летал хвостатой кометой из одной его руки в другую и приземлялся на шею Марины холодной медузой, жадно ощупывающей каждую клеточку.

– Так, лежите, спокойно, спокойно, так-с, так-с, – приговаривал узист, пристально вглядываясь в монитор. От напряжения он подскакивал на стуле и выворачивал шею в погоне за меняющейся картинкой. На саму Марину он вообще не обращал внимания. Остановив медузодатчик на одной точке, вцепился глазами в экран и возопил зловеще-торжественно:

– Елена Ивановна, идите-ка сюда скорее! Посмотрите, что я нашёл! Нет, вы только посмотрите!

А между тем у Марины похолодели руки и ноги от страха – что он там такое нашёл? Она почувствовала, как её тело стало невесомым и как стремительно понесло её вихрем в открытый чёрный космос. Но в этот момент кто-то схватил Марину за плечи идохнул на неё на шатырем:

– Милая, вам пло-о-хо? Что случи-и-лось?

Марина открыла глаза и увидела склонившееся над ней лицо врача-кардиолога.

– Слышу, Гарик зовёт, захожу, а вы отлетаете куда-то, – пропел сладкий голос. – Гарик, зачем же так громко, клиентку напугали!

Но от предчувствия дурного диагноза у Марины отнялся язык. Она так и лежала на кушетке, как парализованная.

А Гарик не унимался. Датчик-медуза по-прежнему хищно прощупывала Маринину щитовидку, а монитор затачивал узиста всё глубже в свои виртуальные внутренности.

– Нет, Елена Ивановна, вы только посмотрите, посмотрите, что это такое, – ввинчивал голову в монитор Гарик, – это ж с ума сойти!

Марина тоже подумала, что ещё немного, и она сойдёт с ума от ожидания диагноза, который нарыл этот узист. Ясно было – ничего хорошего.

Теперь и Елена Ивановна склонилась вместе с Гариком над монитором, потом датчик улетел с Мариной шеи, а врачиха и узист оживлённо зашептались и в азарте не заметили, как Марина потихоньку встала и вышла в фойе. Отдышаться и подготовиться к худшему.

Девочки с рецепшена окликнули её:

– Вам требуется помощь? – приподнялась одна.

– Вы готовы оплатить следующее исследование? Здесь у вас анализ крови на гормоны... УЗИ сердца... рентген позвоночника... суточное мониторирование... как раз аппарат Холтера свободный есть, – призывно взглянула на Марину другая.

Марина решительно шагнула к стойке – надо было действовать, чтобы отвлечься от устрашающих мыслей.

– Да, я готова. Помощь мне не требуется. Давайте оплату всё сразу, чем скорее, тем лучше.

Не прошло и сорока минут, как всё было кончено. Кошелёк был пуст. И с карты пришлось снять деньги, которые копились на отпуск. Зато исследования были пройдены. На шее висел ярмом неведомый

доселе Марине аппарат Холтера, с которым она должна была провести последние сутки до вынесения диагноза.

Она шла домой быстрым шагом, перепрыгивая через ступеньки на спусках, периодически меняя его на прогулочный, дышала, задерживала дыхание, на ходу разговаривала по телефону, присаживалась на скамеечки и записывала свои действия. Под плащом умиротворённо постукивал о пуговицы ставший уже почти частью её самой аппарат Холтера.

Совість Марины была чиста – она сделала всё, чтобы разобраться в показаниях электрокардиограммы.

Ночью Марина не сомкнула глаз. Сон не шёл. Муж похрапывал громче обычного, отпугивая дрему. Часы навязчиво тренькали, приближая решающий день.

Утром Марина чувствовала себя разбитой. Хорошо бы отлежаться, но надо было покончить, наконец, с результатами исследований.

Насытившийся показаниями аппарат-монитор был сдан с потрохами на обработку. Марина сидела на диванчике в фойе и медитировала под мельканье телевизора, в пятидесятый раз считая до восьми, как советуют йоги, чтобы обрести спокойствие.

– Гражданочка, вы ко мне? – из кабинета вышла сияющая Елена Ивановна, источая аромат экзотических духов, – проходите, проходите, рада вас видеть.

Сердце у Марины ёкнуло – уж больно радостная эта Елена Ивановна, добра не жди, что-то скрывает под маской благодущия. Марина прошла и села на край стула.

– Устраивайтесь поудобнее, сейчас мы с вами поговорим, – ворковала докторица, теперь уже не глядя на Марину, разложив перед собой многочисленные листочки с результатами исследований. – Все анализики вы сдали, специалистов посетили... Ну что ж... Как вы себя сейчас чувствуете? Сердце не давит, перебоев нет? А то вот смотрю на результаты суточного мониторирования... Что это вы так побледнели? Водички дать? Нет? Ну хорошо. А вот и заключение эндокринолога. Эндокринолог у нас, знаете, опытный, знающий, оперирующий, а у вас тут...угу... угу... Да что вы опять побледнели? Вы слышите меня? Слышите? Ну не пугайте меня больше... Так вернёмся к вашей щитовидке. Если что, прооперирует по высшему разряду. Что написано, спрашиваете? Да вы все равно не поймёте. Это такой орган ... как на него посмотреть. А у вас тут свои особенности... Давайте посмотрим, что на рентгене позвоночника. На рентгене у вас... Может быть, это ошибка? Что, спрашиваете на рентгене? Ничего! Понимаете, ничего. А такого не может быть, ведь хотя бы какое-то защемление, какая-то грыжа должна же быть, у всех есть, а у вас нет. А УЗИ сердца? Никак не согласуется с данными вашего ЭКГ, это ж чертовщина какая-то! Чтобы на УЗИ сердца – и ничего! Ну-ка, посмотрим гормоны... Смотри-ка, и с гормонами у вас всё в порядке, полное равновесие. Откуда вы такая взялась

на нашу голову? А вы всё оплатили, как положено? Ну да, вот квитанции, всё в порядке. И сумма внушительная... Где ваша карта? Вот она, ваша карта. Диагноз – здорова. А что же с ЭКГ? Ну-ка, посмотрим... Да это не ваша ЭКГ. С кем-то из очередников перепутали. Бывает, чего не бывает. Надо бы вернуть ЭКГ в поликлинику, пусть разберутся. Что делать? А ничего не делать. Вы уже всё сделали, что нужно. Вы – здоровы. А, собственно, что вам надо? Справку в бассейн? А давайте мы вам её и выпишем. Сколько стоит? Ну не дороже денег. Вы у нас уже получили самое дорогое: диагноз – здорова.

Марина шла домой и радовалась, что всё, наконец, закончилось, она здорова и ещё успеет до лета поплавать в бассейне. Действительно, за это никаких денег не жалко. Только один вопрос периодически возникал, озадачивая счастливую Марину: чего будет стоить бессмертие? То самое, из фантастической книжки. Перебивая размышления о бессмертии, всплыл образ «неандертальца» в поликлинике, уступившего ей очередь в кабинет ЭКГ. В голове Марины будто что-то щёлкнуло, и всё вдруг встало на свои места: вместе с очередью они с тем странным мужичком поменялись и диагнозами – его уж точно не ждёт бессмертие, если не вернуть ему его настоящую кардиограмму.

Не дойдя до дома, Марина развернулась и направилась в поликлинику.

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

Прозаик, поэт, член Союза журналистов и Союза писателей России. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета имени Максима Горького. Работала в редакциях газет Архангельска, Свердловска-Екатеринбурга, Кондинского района Ханты-Мансийского округа Югры. Участница движения клубов ЮНЕСКО, автор нескольких книг прозы, поэзии, публицистики, многочисленных журнальных публикаций. Развивает традиции магического реализма. Живёт в Челябинске.

ЛЮСТРА

Сказка для взрослых

Однажды огромную Люстру, которая долгие годы висела под самым потолком сверкающего позолотой и ярким бархатом кресел зрительного зала, кто-то посмел спустить вниз. Она всегда знала, что именно ради неё каждый вечер приходят в театр сотни людей. Именно её лампы сверкают искрами в дорогих подвесках, кольцах, бусах нарядных дам, а их кавалеры только делают вид, что слушают оперные голоса, порхающие в вышине, а на самом деле оценивают стоимость отделки зала и красоту её хрусталей... И ещё – любят игру огней в украшениях своих подруг. Любуются отражениями её сияния, самой красивой и огромной люстры на свете! Огни ламп гасли несколько раз за время спектакля. Тогда ряды замолкали. Что-то там происходило на сцене, но Люстры это не касалось, она тихонько дремала... Или снисходительно слушала восхищённый шёпот старого своего воздыхателя – Потолка... Потом Люстра зажигалась снова – и люди с ликованием аплодировали её светящимся лучам.

Такова была будничная жизнь великолепной красавицы Люстры. И вдруг этот ритм нарушился. Она не могла понять, что произошло. Распластанная и беспомощная, лежала она на полу, вокруг суетились какие-то люди. Ей стало ужасно стыдно и неловко, королевское величие её было подрублено... Её мог увидеть в таком неприятном положении верный поклонник, Потолок. Конечно, она не прочь была иногда поболтать с ним от скуки. Но отвечать на его ухаживания, нет!

Снизойти до какого-то потолка ей, высокородной светящейся Люстре, нет! Хотя иногда про себя она думала, что он вполне симпатичный. Отделан изящной лепниной. И летают по нему среди ярких цветов и зелёных деревьев ангелы и лёгкие серебристые феи...

Отсюда, с новой позиции, снизу, она теперь с интересом разглядывала эти пейзажи и сценки, оценивая красоту завитков и узоров. Как же прежде она не понимала, что Потолок в зале столь же благородного происхождения, как и она. Совершенно точно – талантливые высококлассные мастера лепили эти завитки и рисовали ангелов... Родственная душа была всё время рядом, а она и не догадывалась, вот ведь как...

И что теперь? Какая судьба её ждёт?

Вдруг Люстра услышала разговор рабочих:

– Будем ставить современные светильники, а эти хрустали – на свалку, что ли?

– А куда ещё!

Такого не может быть, – её, королеву среди люстр, – на свалку! Нет! Она не поняла чего-то, ослышалась!

Тут на неё упали две слезы... Плакал Потолок.

– Ты о чём, старый друг?

– Божественная, я в печали... Будет ремонт, и с меня смоят все рисунки, уберут лепнину – и стану я обыкновенным белым пространством... Горе мне, горе!

– Вот что тебя расстраивает... Тебе сменят костюм! Посовременнее станешь выглядеть! А меня просто выкинут отсюда вон!

– Неправда, этого не может быть! Королева моя! Да как же я без тебя! – и снова потоки слёз сверху.

– Тебе дадут новые светильники, много светильников, как сейчас модно... Будешь, как петух среди гарема квочек...

– Да кто же сравнится с тобой! Буду век безутешен...

– Забудешь! Всё забудешь...

Однако Люстру не отправили на свалку. Поскольку живы ещё на свете истинные театралы, настоящие ценители хрустальной красоты. Со всеми предосторожностями, нежно укутав каждый плафончик, её перевезли в другой город. В другой театр, поменьше прежнего, но тоже очень замечательный.

Люстра оказалась снова на высоте. И здешний потолок тоже был украшен, как и тот, старый приятель, хотя поскромнее-поскромнее. Никакой лепнины. И ангелы отсутствовали. Ступали по лепесткам кувшинок крепкие барышни-танцовщицы...

Люстра грустила. Молчала. Думала, много думала о перемене в своей жизни. Понимала, что навеки разлучена со старым преданным другом. Горько жалела, что те годы, когда они были вместе, были неразлучны, не ценила его внимания. Его любви. Посмеивалась. Нет, она не возмущалась постигшей её участью, полагая, что это Рок, от которого не уйдешь.

Теперь она уже не дремала, когда шли спектакли, но слушала и пыталась понять, о чём поют эти люди, что хотят сказать без слов балерины в танце-вращении в тридцать два оборота, почему так печальна музыка?! Действие на сцене ей со своего места не очень хорошо было видно, и она понемножку стала привыкать просто слушать музыку... Слушать с закрытыми глазами, с погасшими лампами.

Теперь Люстра знала, что зрители приходят в театр смотреть спектакль, а не любоваться её огнями...

С новым товарищем-потолком Люстра была приветлива и дружелюбна. Нос больше не задирала. Хотя и прибыла в провинцию из столичного, можно сказать, города. Что ж теперь? Прежняя жизнь осталась в прошлом. Важно сохранить Память.

Иногда в ариях трагических героев она слышала плач её давнего друга, точно его чувства могли преодолеть пространство. Он не утешился, нет, он страдал, потеряв свою гордую возлюбленную. И никакие современные светильники не могли заменить ему сияния потерянной любви.

Его Люстра была теперь недосыгаемо далеко. Единственное, что она могла, это послать в ответ слабую улыбку и шелестящие слова: «И я помню тебя». Он непременно услышит её голос в мелодиях любимых женских арий.

Наталья КИМБЕР-СУХАНОВА

Выросла в Рязанской области. Долгое время жила на Урале, там были написаны первые сказки. Автор книг «Наташины сказки», «Принцессы острова», «Озеро добрых бегемотов». Руководитель салона «Камнерезное искусство России». Награждена орденом «Меценат» за благотворительную поддержку православного храма в Антарктиде и почетным дипломом начальника арктической станции «Беллинсгаузен» Олега Сахарова. «Заслуженный деятель камнерезного искусства».

ПРИВЕРЕДЛИВЫЙ МУЖИК

Сказка не для маленьких

Было это, а может, не было, про то никто не ведаёт; только за зелёным лесочком, за высоким бугорочком, на равнинном просторе стояла деревенька. Была она не мала, не велика, в тридцать три двора, и в одном из них жили муж с женой. Вот первый год они живут, муж на жену не нахвалится. Он кругом её обхаживает, умницей да красавицей величает, а мастерицей считает, каких свет не видывал. На другой год мужик придрчив стал, всякий раз на жену то ворчит, то сердится. А на третий-то год и вовсе заумничал. Жена ещё и рта не откроет, а он уж тут как тут. «Молчи, – говорит, – наперёд знаю, что ты сказать хочешь».

Жена голову опустит, помалкивает. С утра до позднего вечера хозяйничает по дому. А про себя всё думает, как бы мужу угодить. Решила она ему рубаху пошить: с воротом по шее да с застёжкой на плече. По переду всю её расшила – птицы, словно живые, того и гляди в небо взлетят, а по вороту тонким кантиком расчудесный узор вывела. Кушак шёлковый разноцветными тесёмками украсила, подобрала их цвет ко цвету – засиял он, будто радуга на небе. День за днём трудилась, весь шёлк ищила. Вот муж едва порог переступил, жена ему улыбается, за стол усаживает, словно гостя, потчует. А сама думает: «Дай потешу муженька». Из сундука рубаху и вынула. Глянул муж на рубаху. Глаза вытаращил, по дому из угла в угол ходит, руками машет, на жену бранится:

– Что за птицы по груди? А кушак-то? Куда в нём? Только в огороде пугалом стоять, птиц гонять! Вон как у соседа жена до чего толковая и с выдумкой, ручник расшила не под стать твоей рубахе, а узоров цветастых не знамо сколько вывела, всё по-иному да по-новому!

Жена глаза в сторону отводит, что ответить – не знает.

Только время бежит. Вот и зимушка пришла студёная, морозная. Ходит муж по дому молчком, всё хмурится да ёжится. Утром чуть свет встанет, чаю не попьёт, на голову шапку нахлобучит да во двор пойдёт. Станет дрова колоть – щепки во все стороны летят. Глянет жена в окошко – на улицу боязно выйти. «Дай, – думает, – мужа отогрею, сошью-ка ему шубу тёплую овчинную». От зари до зари трудилась, так поспеть старалась. Прошла неделя, другая. Пришёл муж с мороза в дом, прозяб. Жена ему баньку натопила, берёзовых веничков распарила, душистым чаем напоила, на пуховую подушку спать уложила. Поутру достаёт ему шубу тёплую овчинную. А он опять не доволен, аж губы оттопыривает, фыркает:

– И примерять нечего. Вон у соседа жена мужу своему кафтанец пошила, до чего фасонистый – с синевой подкладой, по груди в обтяг да всё в талию – а у тебя всё по-старому да по-прежнему. Тут широко, тут велико. Рукава прямые, пуговицы литые!

Стоит жена, что птица без крыла, руки так и опустились. И рада бы не плакать, да слёзы сами льются. Присела она на лавку у окна, глядит – а на дворе вся земля снегом припорошена да злой ветер лютует. У самой мороз по коже пробежал. Натопила она печь жарко, душой обогрелась у огня, и вздумалось ей ковёр расшить из травушек шёлковых. Достала она веретёнце да прялку матушкину. Прядёт нити тоньше волоса, с золочёной да с серебряной закруткой. Все-то ноченьки до утра просиживает, и не то поёт, не то плачет, только песня никак не допевается. Муженёк в углу на лавке лежит, вздыхает да всё жену корит – то ему лучина ярко горит, то прялка скрипит. А у жены работа спорится, пальцы так и выплясывают. Нити в клубки сами сматываются и узорами рассыпаются, на золотом ковре девицы берёзкам веточки в косы завивают да цветы в серебряные венчики заплетают.

Скоро и кулики из заморья на крыльях весну принесли. Красно солнышко пригрело, слёзы девичьи и высушило. Тёплый ветер горестные песни по дальним сторонам развеял. Глядит жена, а ковёр такой красоты – душа радуется. Хотела мастерица мужу ковёр показать. Он с порога только пробурчал:

– Некогда разглядывать. Дело у меня важное. На посев иду. Вышел из дому, даже не взглянул в её сторону.

Сидит жена, на ковёр любит, с цветами переглядывается, а сама думает: «Не всё дождичку лить, проглянет и ясно солнышко».

Взяла она ведра да коромысло. К колодцу пошла, воды набрала. Тут, отколь ни возьми, барин с коня спрыгивает и просит её:

– Молодушка! Дай колодезной водицы напиться.

– Пей, барин, на здоровье.

– А что же глаза у тебя невесёлые, – спрашивает барин, – али обидел тебя кто?

– Что и говорить, барин! Батюшка меня замуж отдавал да наказывал: «Смотри, доченька, мужа слушайся, теперь он тебе отец, а ты ему честь да украшение». Раньше я мужу была хороша, а сейчас не пригожа стала; всё-то ему не по нраву, что ни сделаю – никак не угожу.

А барин ей в ответ:

– Ну-ка, покажи, красавица, своё уменье!

Дошли они до дома, достала она рубаху да шубу, а потом и ковёр солнечный. Барин от изумленья даже присел, рассматривает да приговаривает:

– Много где бывал, а такого не видал. Где же ты, рукодельница, шить-вышивать научилась?

– Гладью – у матушки-реченьки, а золотом – у батюшки-красно-солнышка.

– Ну а чем же ты шила-вышивала?

– Рубаху – иголкой, шубу – волосом, а ковёр – голосом, – отвечает она с улыбкой.

Сидит барин на лавке во дворе, удивляется. Тут и муж с посева домой не в духе идёт. Молчит. Исподлобья глядит.

– Доброго здоровьица, барин!

– Здравствуй! – говорит барин. – Погляди-ка, какой дивный ковёр жена твоя вышила!

Мужик глаза на ковёр уставил – и опять недоволен:

– Больно пёстрый ковёр да узор старинный. Вот у соседки узоры кружевные да с разводами, всё у неё по-новому, по-особому.

А барин его спрашивает:

– Сам-то что делать умеешь?

Мужик встал, ноги расставил, левую руку за кушак заложил, а правой-то давай размахивать:

– Я и дрова рубить, и сено косить.

– Эка невидаль! Какой мужик в деревне этого не умеет? Мастерства за плечами не носят. А ещё-то что?

Насунился мужик:

– Вот птицам кузовок под гнездо сделал.

– Это хорошо, и птицам где-то жить надо. А для жены-то что сделал? Одни укоры да попреки! У соседа дом крепко стоит, двери точёные, на оконцах ставенки резные. Что ж ты, мужик, барничать вздумал? Собирайся, искусница, в барское раздолье, там тебя никто не обидит, поживёшь да мастерство своё другим покажешь.

Мужик бросился в ноги к барину:

– Нет, нет, барин! Не отдам! Я без жены никуда.

А потом к жене своей кинулся, на коленях перед ней стоит, руки целует, плачет:

– Прости! Прости меня, родная, за неразумность мою, за злобу и слова глупые.

– Что ты, что ты, муж любимый мой, встань с колен... – и заплакала. Так-то лучше! – отвечает барин.

Расстелила молодушка ковёр солнечный по земле, покатился он прямо в ноги барину.

– Прими, барин, подарок от нас!

А он в ответ:

– За усердие твоё, красавица, прими и мой подарочек – драгоценный перстень золотой с алым яхонтом. Алый жар его да любовь твоя любую чёрствую душу растопит. А ковёр солнечный я людям показывать стану, пусть они на твоё умение полюбуются.

Вышел барин со двора. Муж с женой его провожают, кланяются.

– А тебе, мужик, мой наказ таков, – живи не по-новому, а по-доброму. На чужих жён не гляди, а свою цени да люби. У неё достоинств не счесть, а главное из них – доброта. Смотри не промахнись, а то останется тебе одна худоба.

Распроцался барин, вспрыгнул на скорого коня, пришпорил его... Тут и сказка вся.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Лёля АНДРЕЕВА

Окончила Тульский Политехнический институт (механический факультет). Член Союза художников России, народный мастер тульской игрушки. Стихи опубликованы в сборниках «Иван-озеро» и «День тульской поэзии». На международном детском театральном конкурсе «Триумф» (2006) пьеса по мотивам сказки «Морозко» заняла 2 место. В 2008 г. на детском театральном конкурсе им. Бахрушина получила приз за лучший сценарий. Родилась и живёт в Туле.

ОСЕННИЙ ПОРТРЕТ

Волшебница Осень,
Неслышно ступая,
Бродя между сосен,
Их красит, лаская.

И Дождик-помощник,
Он кисти промывает,
Как юный художник,
Ей душу откроет.

И Ветер в подмогу
Листы расстилает,
Раскрасив дорогу,
Он с Солнцем играет.

И золотом вяжет,
Безумства творя.
Что Осень мне скажет,
Портрет свой даря?

21.08.2016

Анастасия САЙКО

КОТЫ-ЧАРОДЕИ

Когда в городах вечерет,
Смеркается в парках резных,
Выходят коты-чародеи
На поиски новой весны.

Запятав пушистые лапы
В мохнатый подтаявший снег,
Глядят на закат цвета граппы –
Уставшего солнца побег.

Затем осторожно крадутся
По улицам спящей мечты.
Луны серебристое блюдце,
Пейзаж неземной красоты.

А после на звёздной поляне
Коты начинают концерт.
И в песнях, весны заклинаньях,
Сольются дискант и фальцет.

Татьяна ХАТИНА

УТРЕННЯЯ СКАЗКА

Радость дышит свежестью травы,
Нежностью проснувшейся ромашки.
Радугой, что дарят нам волхвы,
Сладостью росы на белой кашке.

В незабудке утренняя синь
Только что проснувшегося лета.
Как горчит за тропкою полынь,
Шаловливым ветром чуть задета.

Одуванчик с жёлтой головой
Так на солнце хочет быть похожим.
И плывёт счастливый шар земной
В сказку утра, чистым и пригожим...

22.01.12

НОЧНОЕ

Пропахла ковылём седая степь,
Тугою тетивой застыло небо.
Ветров разгульных связывает цепь.
Кто покорён той красотой не был?
Закат в цвету, над озером туман.
С призывным ржаньем кони к водопою
Легко идут к пологим берегам,
С босыми мальчуганами в ночное.

Темнеет, дышат свежестью поля,
Что сотканы из золотой пшеницы.
Сгибает ветер море ковыля,
И солнце томно за гору садится.
Купают парни в озере коней,
Закат красив и над водой чуть светел.
А дым костра всё вьётся веселей.
И сладкою ухой наполнен ветер.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Тучи надели чёрные кепки,
В плащ завернулся осенний день.
Ветер гоняет листья в беседке,
Сверху висит неба грозная тень.
Стало чуть тише, дождик закапал,
В окна с разбегу к нам застучал.
Ливнем холодным протягивал лапы,
Будто на лодке наш домик качал.

Бочка наполнилась пенною влагой,
С крыши стекает вода по окну.
Сад задышал, для него это благо,
Ветер ворвался во влажную тьму.
Долго горошины в окна стучали,
Стыли качели в старом саду.
Яблони грустно ветвями качали,
Падали яблоки в лебеду.

Утро раскрыло солнцу объятия,
Белый туман сад накрыл молоком.
Ветер деревьев высушил платья...
Вновь засветился окнами дом...

НЕЗАБУДКИ

Ранним утром чистых рос побудка,
Открывает глазки незабудка.
Синь небесную, как тайну в лепестках,
Согревают песни ранних птах.

Трав в росе сверкают изумруды,
Облаков высокие Бермуды,
Убегают, пряча в крыльях ветер,
Разнося добро по всей планете.

Незабудки – лето луговое,
Солнечное, нежное, родное.
С лучиками звёзд небесной сини.
Лучшие цветы моей России...

16.07.2001

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Анютины глазки весёлой раскраски
На клумбах нам радуют глаз.
Цветных лепестков разноликие краски
Весною согреют всех нас.

Здесь солнышко жёлтое им подарило
Такой ярко-солнечный цвет.
И в кремово-розовой дымке застыло.
А рядом бордо-фиолет.

Анютины глазки весёлой раскраски,
Нам дарят весенний букет.
В вас нежности тайна и солнышка глазки,
И первый апрельский привет!

НОЧНОЕ

Пропахла ковылём седая степь,
Тугою тетивой застыло небо.
Ветров разгульных связывает цепь.
Кто покорён той красотой не был?
Закат в цвету, над озером туман.
С призывным ржаньем кони к водопою
Легко идут к пологим берегам,
С босыми мальчуганами в ночное.

Темнеет, дышат свежестью поля,
Что сотканы из золотой пшеницы.
Сгибает ветер море ковыля,
И солнце томно за гору садится.
Купают парни в озере коней,
Закат красив и над водой чуть светел.
А дым костра всё вьётся веселей.
И сладкою ухой наполнен ветер.

Евгения МЯЗДРИКОВА

Учитель мировой художественной культуры в московской школе. Победитель конкурса «Лучший учитель Российской Федерации-2008». Автор рассказов, прозаических миниатюр, сказок и стихов для детей и взрослых – о детстве и о детях. Печаталась в альманахах МГО СП России, в альманахе «Витражи». Автор книг «Большое ГУ» (2012, в соавторстве с Галиной Мяздриковой), «Кусочек Времени. Записки на краю песочницы» (2013), «Одуванчики» (2016). Член СП России.

ЛЕТНИЙ ДИАЛОГ

Маленький рассказ

- Туки-тук! Я тебя вижу!
- Услышав возглас Юрика, Данька вылез из-под куста сирени. Задел ветку, и белыми крупинками осыпались на траву лепестки.
- Юрик, а ты веришь в Деда Мороза?
- Нет.
- А я верю...
- Да ко мне этот Дед Мороз по три раза каждый Новый год приходит!
- Может, не этот?
- Мне папа сам сказал, что это аниматоры. И подарки папа покупает!
- Данька дотронулся до ветки, и на ладони остались белые звездочки цветков.
- Мой папа, – тихо произнёс Данька, – мой папа на Новый год наряжался Дедом Морозом. Ну и что? Я знаю, что настоящего просто не видно. Я писал письмо, и мне под ёлочку Дед Мороз всё-всё, что я попросил, принёс.
- Юрик похлопал Даньку по плечу и снисходительно объяснил:
- Ну да, родители прочитали и всё купили!
- Может быть, – вздохнул Данька, – только под ёлочкой было и то, о чём я мечтал, но написать в письме как-то, ну... и так целых три подарка попросил...
- Я б написал! Что, постеснялся? – усмехнулся Юрик.

– Ну, вроде того... Только Дед Мороз всё равно подарил мне этот подарок! Я не писал про него и маме не говорил. В общем, я в него верю.

Данька подбросил лепестки. Закружились белые звёздочки, плавно легли на солнечные пятна в траве. Юрик тронул носком сандалии упавшую звёздочку, пожал плечами и почему-то с горечью прошептал:

– Ну, не знаю, может, я не очень правильно мечтаю? Может, в Деда Мороза будет вериться, если только мечтать правильно? И зачем мне папа рассказал про этих аниматоров?

АЛЛЕРГИЯ

Маленький рассказ

У Маши аллергия на страуса. У других ребят – на кошек, собак, ну, – на попугая, а у Маши – на страуса. Ну, не обидно? Если бы не экскурсия в контактный зоопарк, Маша бы и не узнала о своей страусовой – или страусиной? – аллергии. А тут? Приехали с классом, посмотрели на страусиное яйцо. Огромное! Интересно, если омлет сделать, на весь класс хватит или только на половину? Нет, наверное, на весь не получится: у Вовки Петрова, знаете, какой аппетит!

Так вот, а после яиц страусиных нам и самого страуса показали. И потрогать его разрешили. Чудной такой: шея длинная, змеёй извивается. Мы его по очереди гладить стали, по шее прямо, а он, ничего, терпит. А Маша, когда подошла и по пёрышкам – хоть и змеиная шея, а в перьях, представляете – рукой провела, и сразу ка-а-к чихнёт! А потом ещё. И ещё! Стоит, бедная, рядом со страусом и чихает. Сначала все решили, что она нарочно – прикалывается так, а оказалось – аллергия.

Жаль Машу, конечно: ей теперь родители ни за что не разрешат держать дома страуса.

ПОКА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР...

От нас ушла **ЛЮДМИЛА ИВАНОВА** – народная артистка РСФСР, сыг-равшая в 49 спектаклях театра «Современник» и в 85 кинофильмах. Несмотря на то, что играла она в основном неглавные роли, её знали все в стране – она была поистине любима народом.

Но это краткая официальная визитка актрисы.

На самом деле Людмила Иванова – это огромное творческое пространство. Она заполняла своей энергией окружающий её мир: она талантливо играла в театре и кино, она ставила спектакли в основанном ею театре «Экспромт», писала пьесы, книги, статьи, сочиняла стихи и песни (в соавторстве с мужем – Валерием Миляевым, который был физиком и лириком). Исполняла эти песни трогательно эмоционально. Она часто появлялась на телевидении со своим тёплым, добрым и всегда умным словом.

И ещё она была профессором Славянской академии гуманитарных наук, занималась со студентами актёрского факультета Международного славянского института имени Гавриила Державина. Трогательно на прощании смотрелся большой венок с надписью: «От выпускников 2006 года» – в 2016-ом году.

У неё было удивительное свойство – любить всех людей вокруг себя. Она могла поругать, даже накричать (по делу), но тут же пожалеть и пригреть. О множестве людей она заботилась, и в её театре её считают мамой, которая помнит о трудностях всех и каждого.

Опустеет без неё большое поле культуры, но память о ней останется не только в сердцах – будут продолжены традиции её прекрасного театра «Экспромт», её студенты будут всегда помнить её уроки. Её друзья никогда не забудут добрые глаза Милочки – Людмилы Ивановой.

*Эльмара Фаустова,
член Союза писателей Москвы
и Союза журналистов*

О РОДИТЕЛЯХ, О ТАЛАНТАХ, О РОССИИ

У моих родителей – народной артистки России Людмилы Ивановой и доктора физических наук Валерия Миляева – были общие качества, которые их соединяли, цементировали их связь. Это прежде всего страшная любознательность к жизни. У папы как у учёного – к физике, устройству мира, к планетам, к лазеру и т.д. – пытливость, которая не оставляла его до конца его дней. Это качество настоящего учёного. У мамы это интерес к людям. Это может быть рабочий, продавец, кассирша, это может быть татарка и кто угодно другой – для неё язык, какой-то говор, характер... Для неё это был постоянный поиск какого-то настоящего, будущего. А иногда удавалось рефлексировать и использовать игру с предыдущего образа против игры, если это отрицательный. Она переходила на другой тембр – зычный: «Ты так со мной? И я так буду с тобой!». И тогда тот человек пугался – во-первых, он узнавал себя и видел то усиление, которому он не может противостоять, потому что это уже было усиление актёра мхатовской школы, ефремовского курса. И победа была за ней.

И вторая черта – это любовь или даже страсть к талантливым людям, и неважно – это могли быть молодые, среднего возраста и старики, но если это были талантливые люди или гении, родители просто делали всё, чтобы им было хорошо, комфортно, замечательно, способствовали публикациям, вывозили на гастроли. И в результате всего они были всегда окружены такими людьми до смерти... Это касалось и ушедших гениев. Они обогащали друг друга – папа рассказывал о Ландау, а мама о Гоголе. Они вместе создавали музей Цветаевой в Тарусе.

Когда у них появились возможности помогать всем, – мама стала художественным руководителем театра «Экспромт», а папа – доктором наук, у них появилась возможность помогать студентам и молодым учёным, тогда они стали чувствовать себя значительными людьми, в том смысле, что они могли реально помочь кому-то даже, может быть, не деньгами, а званием, должностью: огромное количество людей получили звания заслуженных, народных благодаря отзывам мамы, огромное количество кандидатов, докторов наук получили свои степени благодаря папе.

Всё это говорит о том, что никогда никакая зависть, никакая ревность никогда не были их двигателем жизни. А вот именно Россия, добро, культура, театр, музыка, литература, поэзия, – они сами в них были, они сами творили в этих понятиях и делали всё, чтобы это было, осталось, было всегда.

*Иван Миляев,
заслуженный художник России*

Фото Эльмары Фаустовой

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОДРУЖЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ» «СовЛит»

Валько А.Д. Америка моими глазами.
ISBN 978-5-9906985-5-0

Долгушин В.М. Утренняя. Повести и рассказы.
ISBN 978-5-9908192-7-6

Северов С.В. Рифмоплёт со стажем. Стихотворения.
ISBN 978-5-9908192-8-3

Загот М. Слуга двух господ. Стихотворения, пьесы.
ISBN 978-5-9908192-0-7

Немельштейн Д.И.
Становление украинской государственности:
О закономерностях этногенеза на примере становления украинской государственности.
ISBN 978-5-9057148-0-1

Немельштейн Д.И. О некоторых закономерностях этногенеза.
На исторических примерах.
Чечня. На пике пассионарности.
О закономерностях этногенеза на примере развития чеченского этноса.
ISBN 978-5-9908192-1-4

Реймова О.Ф. Россыпи. Малая проза.
ISBN 975-5-990698-10-9

Скоблов Е.М. Декабрьская Серенада. Романтические записки юного пенсионера. Рассказы.
ISBN 978-5-9908192-4-5

Эльмара Фаустова. Ангелы любви.
ISBN 978-5-9908192-0-7

Эльмара Фаустова. Одолевая время вброд.
ISBN 978-5-9908192-0-7

Ольга Реймова. Сказки от Элизы.
ISBN 978-5-9908192-2-1

СОДЕРЖАНИЕ

ПОКЛОН ФАЗИЛЮ ИСКАНДЕРУ	5
Кирилл КОВАЛЬДЖИ. Мы были однокурсниками	5
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. Памяти Фазилы Искандера	9
Из выступления Евгения Евтушенко	11
Беседа с Денисом Киршаловичем Чачхалиа	13
ВИТРАЖИ ПАМЯТИ	15
Юрий ВЛОДОВ. Из книги «Люди и боги». <i>Стихи</i>	15
ПРО ЖИЗНЬ	21
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ.	
Ружье, которое не выстрелило. <i>Рассказ</i>	21
Людмила ПОПОВА. Девочка на пригорке. <i>Рассказ</i>	27
Людмила ОСОКИНА-ВЛОДОВА. Вечный октябрь. <i>Зарисовки</i>	37
Лора ВЕСЕЛОВА. На рассвете. <i>Рассказы</i>	42
Юлия АРЕШЕВА. За и против. <i>Рассказ</i>	45
Елена КАТРИЧ. Персидская княжна. <i>Рассказ</i>	49
Андрей КАЛЕЦКИЙ. Поэт. <i>Маленький рассказ</i>	52
Галина МЯЗДРИКОВА. Мой чёрный Хан. <i>Маленький рассказ</i>	53
Алла ВАЛЬКО. Мелкие неприятности в прекрасном городе. <i>Репортаж</i>	55
Ольга РЕЙМОВА. Путешествия за настроением. <i>Очерк</i>	59
Нина СОРОКИНА. О нашей жизни. <i>Эссе</i>	65
Евгений БУЗНИ. Боевая операция «Выборы». <i>Фельетон без юмора</i>	68
Евгений ПОЛЯКОВ. Одна целая и триста восемьдесят семь тысячных взгляда на чудо. <i>Главы из повести</i>	73
ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА	81
Елена ТКАЧЕВСКАЯ. Летостишия. <i>Стихи</i>	81
Григорий САМУЭЛЬЯН. Сентябрьская симфония. <i>Стихи</i>	85
Людмила САНИЦКАЯ. Октябрь. <i>Стихи</i>	89
Валентина ЕКАТЕРИНИЧЕВА-ФАТЕЕВА. Чтение. <i>Стихи</i>	91
Наталия МОРЖИНА. В лесу я становлюсь собой... <i>Стихи</i>	95
Андрей КАЛЕЦКИЙ. В беспросветную ночь. <i>Стихи</i>	102
Галина МЯЗДРИКОВА. Путешествие длиною в туман. <i>Стихи</i>	104
Анастасия САЙКО. Романы осени. <i>Стихи</i>	105
Елена ТЕМЧЕНКО. Август. <i>Стихи</i>	107
Галина КОЛОБОВА. Бомж. <i>Стихи</i>	110

Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ. Я осень не люблю! <i>Стихи</i>	111
Екатерина КАЮРОВА. Вздыхает осень у дверей... <i>Стихи</i>	116
Елена БЛИСКУНОВА. Как мог подумать? <i>Стихи</i>	119
Дмитрий ТЕРЁШИН. Как хочется порою стать глупцом... <i>Стихи</i>	122
Ольга ЕДУТОВА. Свадьба дочери. <i>Стихи</i>	124
Ирина СОТНИКОВА. Засуха. <i>Стихи</i>	127
ЕЛЕНА ФЕДОРОВА. Не проси меня остаться... <i>Стихи</i>	131
Ирина ВЛАСКИНА. Душа. <i>Стихи</i>	135
Валерий ШУВАЛОВ. У жизни взаимы. <i>Стихи</i>	137
Татьяна ХАТИНА. Розовый сердолик. <i>Стихи</i>	141
Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН. Весна пожаловала поздно... <i>Стихи</i>	145
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Вечность продлевая. <i>Стихи</i>	150
МИСТИЧЕСКИЕ ВИТРАЖИ. ДЕБЮТ В ВИТРАЖАХ	154
Даша ЕВДОКИМОВА. Русалки. <i>Рассказ</i>	154
Вера БЕРГ. Старый друг. <i>Сюр</i>	157
В ЛАБИРИНТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИЗЫСКОВ	159
Инна БОГАЧИНСКАЯ. В поисках непознанного «Я». <i>Стихи</i>	159
Ольга АДРОВА. Шагал. <i>Стихи</i>	165
Елена АНАНЬЕВА. Об Осени и Аленьком Цветочке. <i>Из цикла «Стихи без визы»</i>	167
А. ВОЛЛИС. Предвечное. <i>Из цикла «Творчество»</i>	171
Александр СТУДНИЦЫН. Слякоть. <i>Стихи</i>	173
Христиана РОСС. Как рябиною рдела роща! <i>Стихи</i>	176
Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН. Грачи врачевали саднящие дали... <i>Стихи</i>	178
ДРАМАТУРГИЯ	180
Анатолий ГРЕБЕНЬ. В лифте. <i>Этюд</i>	180
С ДРУГОГО ЯЗЫКА	187
Арон ГААЛ. Из дневника Марка Антония. <i>Стихи</i>	187
НАУЧНЫЙ ПОИСК	190
Григорий САМУЭЛЬЯН. Музей мозговых фигур. <i>Предисловие к книге</i>	190
ПРОГУЛКИ ПО ЕВРОПЕ	197
Ольга ЛЕВИЦКА. Италия. <i>Стихи</i>	197
Наталия МОРЖИНА. Итальянская тетрадка. <i>Стихи</i>	203

НАУЧНЫЙ ЭКСКУРС В ЛИТЕРАТУРУ	206
Ольга МАТВИЕНКО. «Незабвенный мой друг и нежный...». <i>Исследование</i>	206
Эльмара ФАУСТОВА. Стихия ветра в русской поэзии. <i>Лирическое осмысление</i>	222
Наталья БОГДАНОВА. Загадка пушкинского лукоморья. <i>Размышление</i>	233
ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ	236
Владимир НОВИКОВ. Креститель Руси. <i>Заметки</i>	236
Нина СОРОКИНА. Читая Солженицына. <i>Эссе</i>	239
ВИТРАЖИ ПРОШЛОГО	245
Светлана АРРО. Бегство от первой любви или Юра-белогвардеец. <i>Поэма</i>	245
Лариса ПРИЛИПОВА. Осень. <i>Эссе</i>	251
Мария НИКОЛЬСКАЯ. «Городские зарисовки». <i>Стихи</i>	254
Андрей ЮРКОВ Искусство и творчество: причинные и энерго-информационные аспекты воздействия на человека. <i>Статья</i>	257
Инна БОГАЧИНСКАЯ. Об избытке средств коммуникации и дефиците общения. <i>Очерк</i>	279
И СМЕХ, И СЛЁЗЫ	282
Андрей КАЛЕЦКИЙ. Венера. <i>Породи</i>	282
Татьяна ГРЖИБОВСКАЯ. Диагноз. <i>Экшн</i>	285
Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА. Люстра. <i>Сказка для взрослых</i>	297
Наталья КИМБЕР-СУХАНОВА. Привередливый мужик. <i>Сказка не для маленьких</i>	300
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА	304
Лёля АНДРЕЕВА. Осенний портрет. <i>Стихи</i>	304
Анастасия САЙКО. Коты-чародеи. <i>Стихи</i>	305
Татьяна ХАТИНА. Утренняя сказка. <i>Стихи</i>	306
Евгения МЯЗДРИКОВА. Летний диалог. <i>Маленькие рассказы</i>	309

ВИТРАЖИ №3(4)

Международный литературный альманах

Выпускающий редактор

Эльмара Фаустова

Ответственный редактор

Татьяна Гржибовская

Дизайнер

Станислав Чижевский

Верстальщик

Андрей Пельменёв

В оформлении обложки использована работа
американского художника и дизайнера
Луиса Комфорта Тиффани (1848 - 1933)

Издательство ООО «СовЛит»

Директор

Марина Чайкина

Адрес электронной почты
dauria-vl@yandex.ru

Телефоны:
+79268503605; +79060618269

Подписано в печать 02.11.2016 г
Формат 70x108/16. Гарнитура Петербург.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28,
Тел. (495) 651-84-56

ISBN 978-5-9906985-6-7

